СТОЛЫПИН

Нам нужна великая Россия

Самые знаменитые речи и письма

СТОЛЫПИН
НАМ НУЖНА ВЕЛИКАЯ РОССИЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

П.А. Столыпин

Нам нужна великая Россия

Самые знаменитые речи и письма

АСТ
Москва

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)52
С81

Столыпин, Петр Аркадьевич

С81 Нам нужна великая Россия. Самые знаменитые речи и письма. / П.А. Столыпин. – Москва: АСТ, 2013. – 416 с. – (Историческая библиотека)

ISBN 978-5-17-079376-1 (ООО «Издательство АСТ»)

Имя российского премьер-министра П.А.Столыпина, выдающегося российского государственного деятеля и реформатора, занимает особое место в отечественной истории. В книге собраны самые известные его речи, письма к государственным деятелям, жене и друзьям и воспоминания современников, которые рисуют объективный портрет одного из самых популярных политиков современности.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)52

© ООО «Издательство АСТ», 2013

ХРОНИКА ЖИЗНИ П.А. СТОЛЫПИНА*

1862 г. 2 (14) апреля, Дрезден. Рождение Петра Аркадьевича Столыпина. 24 мая крещение в дрезденской православной церкви.

(У исследователей и мемуаристов здесь полный разнобой; местом рождения называется Берлин и просто Германия; мы придерживаемся версии – Дрезден.)

1862–1869 гг. Эти годы прошли в имении Середниково под Москвой; имение связано с именами Михаила Юрьевича Лермонтова и его бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой.

1869–1878 гг. Подрастающий Петя Столыпин живет в Ковенской губернии, в имении Колноберже, которое отец-офицер, Аркадий Дмитриевич, счастливо выиграл в карты.

1878–1881 гг. Жизнь и учеба в Орловской гимназии на попечении родственников, поскольку отец и мать участвуют в Русско-турецкой войне.

---

* Из книги «Столыпин» А. Савеличева.

Потом отец управляет Восточной Румелией и Болгарией.

1881 г. Поступление в Петербургский университет.

1884 г. Согласно поданному прошению, Столыпин переводится в департамент земледелия и сельской промышленности.

1889 г. Дуэль с князем Шаховским; она вызвана убийством в прошлом году на дуэли накануне свадьбы старшего брата Михаила. Младший брат, Петр, получает рану, но не смертельную, в руку.

1889 г. Столыпин уже побывал коллежским секретарем, помощником столоначальника (по-нашему заведующим отделом) и, не будучи вроде бы в больших чинах, получает звание премьер-министра. (Нельзя забывать, что отец генерал-адъютант его императорского величества Александра III.)

1889 г. Тяжелый год. Мать Наталья Михайловна, получившая еще на Балканах из рук государя медаль – «Знак милосердия», умирает в безвременье. Но жизнь продолжается. Столыпин назначается предводителем дворянства Ковенского уезда; именно назначается – ибо в западных губерниях эта должность не была выборной.

1893 г. Первое награждение – орденом Святой Анны 3-й степени.

1895 г. Вместе с отцом-генералом, комендантом Московского Кремля, участвует в торжествах по случаю коронации Николая II в Москве.

1896 г. Не будучи придворным, Столыпин получает придворное звание камергера с обязательностью присутствовать при дворе.

1899 г., август – ноябрь. Последняя встреча и вскоре похороны отца – коменданта Московского Кремля.

В этом же году. Назначение предводителем дворянства Ковенской губернии.

1902 г., май. Назначение губернатором Гродненской губернии.

1903 г., 15 февраля. Назначение саратовским губернатором; 26-го – вступление в должность и переезд в Саратов.

1904 г. Первое личное представление государю. «Много, много наслышан о вас, Петр Аркадьевич!»

1905 г. Саратов. Покушение в Балашовском уезде – три выстрела; под угрозой собственной смерти спасение медиков в том же уезде; с трудом погашенные еврейские погромы.

1906 г., март – апрель. Первые симптомы болезней; от крупозного воспаления легких Столыпин лечится в крымской Ливадии.

1906 г., 26 апреля. Назначение министром внутренних дел. 8 июля – прием у Николая II, назначение премьер-министром и роспуск Первой Государственной думы.

1906 г., 12 августа. Взрыв дачи на Аптекарском острове; искалечены дочь Наталья и сын Аркадий; по приказу царя – переезд семьи в более охраняемый Зимний дворец.

1907 г. Назначение членом Государственного совета; делалось это высочайшим рескриптом.

В этом же году. Не желая терпеть, по сути, тюремную охрану в Зимнем дворец, Столыпин пере-

езжает с семьей на Елагин остров – в одну из резиденций Александра III.

1909 г. Полет на аэроплане капитана Мациевича – эсера, которому своей партией было поручено убить Столыпина. Гибнет сам Мациевич. В том же году переезд наконец в собственный дом на Фонтанке.

1910 г., август – сентябрь. Поездка в Сибирь, Степной край и на Алтай – в места крестьянских переселений.

1911 г. Экстренное заседание Совета министров в квартире Столыпина, после чего последовал царский указ о перерыве заседаний Государственного совета и Государственной думы – с тем, чтобы одним именем правительства можно было принять закон об учреждении западного земства, по которому поляки, евреи, литовцы и все другие инородцы получали равные выборные права с русскими. Этим правом Столыпин пользовался с 12 по 14 марта. Три судьбоносных дня!

1911 г., лето. Столыпин живет в Колноберже, лишь наезжая в Петербург. Упорные слухи об отставке и даже назначении наместником на Дальний Восток.

25 августа. Столыпин приезжает в Киев на открытие памятника Александру II.

29 августа. Прибывает и Николай II со всей свитой.

1 сентября. Покушение (11-е по счету). Стрелял Дмитрий Мордке-Богров при явном попустительстве полиции, царского окружения и чиновников.

5 сентября. Смерть реформатора. Похоронили его в Киево-Печерской лавре.

Ольга Борисовна дожила до глубокой старости и скончалась лишь 22 октября 1944 г. Ее пережила только калека Наталья – умерла в 1949 г. Разумеется, мать и дочь кончили дни в эмиграции.

Одна из дочерей Столыпина, Ольга была в 1920 г. злодейски убита в Немирове в память отца.

КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ, АФОРИЗМЫ И ЦИТАТЫ П.А. СТОЛЫПИНА

«Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!»

Речь об устройстве быта крестьян и о праве собственности, произнесенная в Государственной думе 10 мая 1907 г.

«Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич и воли, и мысли, все они сводятся к двум словам, обращенным к власти: «Руки вверх!» На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: “Не запугаете!”»

Первое выступление П.А. Столыпина во Второй Государственной думе в качестве председателя Совета министров 6 марта 1907 г.

Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России.

Из интервью

«...Нам, господа, не следует увлекаться западными образцами, не следует увлекаться теоретическими выводами западной науки, так как иногда на совершенно оригинальное разрешение вопроса нас наталкивает сама жизнь».

Речь о тарифных сборах, произнесенная в Государственном совете 24 февраля 1910 г.

«Ведь тут, господа, предлагают разрушение существующей государственности, предлагают нам среди других сильных и крепких народов превратить Россию в развалины для того, чтобы на этих развалинах строить новое, неведомое нам отечество. Я думаю, что на втором тысячелетии своей жизни Россия не развалится. Я думаю, что она обновится, улучшит свой уклад, пойдет вперед, но путем разложения не пойдет, потому что где разложение – там смерть».

Речь об устройстве быта крестьян и о праве собственности, произнесенная в Государственной думе 10 мая 1907 г.

«Ведь Верховная власть является хранительницей идеи русского государства, она олицетворяет собой силу и ценность, и если быть России, то лишь при условии всех сынов ее охранять, оберегать эту Власть, сковавшую Россию и оберегающую ее от распада. Самодержавие московских

Царей не походит на самодержавие Петра, точно так же, как и самодержавие Петра не походит на самодержавие Екатерины Второй и Царя-Освободителя. Ведь русское государство росло, развивалось из своих собственных русских корней, и вместе с ним, конечно, видоизменялась и развивалась и Верховная Царская Власть. Нельзя к нашим русским корням, к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужой, чужестранный цветок.

Пусть расцветет наш родной русский цвет, пусть он расцветет и развернется под влиянием взаимодействия Верховной Власти и дарованного Ею нового представительного строя.

Вот, господа, зрело обдуманная правительственная мысль, которой воодушевлено правительство. Но чтобы осуществить мысль, несомненно, нужна воля».

Речь П.А. Столыпина, произнесенная в Государственной думе 16 ноября 1907 г. в ответ на выступление члена Государственной думы В.А. Маклакова

«Я отдаю себе отчет, насколько трудную минуту мы переживаем. Но если в настоящее время не сделать над собой громадного усилия, не забыть о личном благосостоянии и встать малодушно на путь государственных утрат, то, конечно, мы лишим себя права называть русский народ великим и сильным».

Речь о постройке Амурской железной дороги, произнесенная в Государственном совете 31 мая 1908 г.

«После горечи перенесенных испытаний Россия, естественно, не может не быть недовольной; она недовольна не только правительством, но и Государственной думой, и Государственным советом, недовольна и правыми партиями, и левыми партиями. Недовольна потому, что Россия недовольна собою. Недовольство это пройдет, когда выйдет из смутных очертаний, когда обрисуется и укрепится русское государственное самосознание, когда Россия почувствует себя опять Россией! И достигнуть этого возможно, главным образом, при одном условии: при правильной совместной работе правительства с представительными учреждениями, работе, которая так легко нарушается искажением и целей, и задач правительства».

Речь о прерогативах правительства в деле организации вооруженных сил, произнесенная в Государственной думе 31 марта 1910 г. в ответ на заявление 32 ее членов.

«...В деле защиты России мы все должны соединить, согласовать свои усилия, свои обязанности и свои права для поддержания одного исторического высшего права России – быть сильной».

Речь о прерогативах правительства в деле организации вооруженных сил, произнесенная в Государственной думе 31 марта 1910 г. в ответ на заявление 32 ее членов.

«...Такое государство, как Россия, не может и не вправе безнаказанно отказываться о проведения своих исторических задач».

Речь по поводу законопроекта о распространении Земского положения 1890 г. на девять губерний Западного края, произнесенная в Государственной думе 7 мая 1910 г.

«...Многие, видимо, еще не поняли, что при новом строе Россия не развалится, не расчленяется на части. А крепнет и познает себя.

Разрушьте, господа, опасный признак, нечто худшее, чем вражда и ненависть, – презрение к нашей родине. Презрение... чувствуется и со стороны непрошеных советчиков, презрение чувствуется, к сожалению, и со стороны части нашего общества, которая не верит ни в право, ни в силу русского народа. Стряхните с себя, господа, этот злой сон и, олицетворяя собою Россию, спрошенную Царем в деле, равного которому вы еще не вершили, докажите, что в России выше всего право, опирающееся на всенародную силу».

Речь о Финляндии, произнесенная в Государственной думе 21 мая 1910 г.

«...Так как правительство, разрешая каждое дело, должно иметь в виду всегда и прежде всего интересы России, то позорным оно считало бы лишь полное равнодушие или, скорее, малодушие – забвение об этих интересах».

Речь о новых законах, касающихся Финляндии, произнесенная в Государственном совете 8 июня 1910 г.

«Я не могу понять, не могу представить себе, чтобы Россия могла обронить свои державные пра-

ва и ждать, чтобы их подобрал противник, для того чтобы потом уже наброситься на него и отнять от него эти права силою».

Речь о новых законах, касающихся Финляндии, произнесенная в Государственном совете 8 июня 1910 г.

«...Нужно верить, что Россия не культурогаситель, что Россия сама смело шагает вперед по пути усовершенствования, что Россия не обречена стать лишь питательной почвой для чужих культур и для чужих успехов».

Речь о новых законах, касающихся Финляндии, произнесенная в Государственном совете 8 июня 1910 г.

«...Каждый год мира укрепляет Россию не только с военной и морской точек зрения, но и с финансовой и экономической. Но, кроме того, и главное это то, что Россия с каждым годом зреет: у нас складывается самосознание и общественное мнение. Нельзя осмеивать наши представительные учреждения. Как они ни плохи, но под влиянием их Россия в пять лет изменилась в корне и, когда придет час, встретит врага сознательно. Россия выдержит и выйдет победительницею только из народной войны».

Письмо А.П. Извольскому 28 июля 1911 г.

«Я министр внутренних дел в стране окровавленной, потрясенной, представляющей из себя шестую часть шара, и это в одну из самых трудных исторических минут, повторяющихся раз в тыся-

чу лет. Человеческих сил тут мало, нужна глубокая вера в Бога, крепкая надежда на то, что Он поддержит, вразумит меня».

Письмо О.Б. Столыпиной 26 апреля 1906 г.

«В России, господа, сила не может стоять выше права!»

Речь о Финляндии, произнесенная в вечернем заседании Государственной думы 5 мая 1908 г.

«Преступная деятельность, несомненно, затрудняет достижение конечной цели, но так как эта цель не может быть поставлена в зависимость от явлений случайных, то здравый государственный разум указывает на необходимость устранить препятствия, напрячь все силы и идти вперед к решению намеченных задач. Из этого ясно, что злодейства должны пресекаться без колебаний, что если государство не даст им действительного отпора, то теряется самый смысл государственности. Поэтому правительство, не колеблясь, противопоставит насилию силу. Долг государства остановить поднявшуюся кверху волну дикого произвола, стремящегося сделать господами положения все уничтожающие противообщественные элементы».

Первая публичная декларация П.А. Столыпина по вступлении на пост председателя Совета министров (Правительственное сообщение).

«Ошибочно, господа... подходить к каждому вопросу, примеряя его к существующим образцам – либеральным, реакционным или консервативным. Наша оппозиция привыкла прикасаться к

каждому правительственному законопроекту особой лакмусовой бумажкой и затем пристально приглядываться – покраснела она или посинела. Напрасно. Меры правительства могут быть только государственными, и меры эти, меры государственные, могут оказаться консервативными, но могут быть и глубоко демократичны».

Речь о необходимости издания нового экстренного закона в целях оздоровления столицы, произнесенная в Государственной думе 11 января 1911 г.

«...Суровая сила, подавляющая и ликвидирующая революцию, в связи с творческой силой, стремящейся преобразовать и местный, и общий строй, имеет одну цель – установление на пространстве всей России стройного правового порядка».

Речь о Финляндии, произнесенная в вечернем заседании Государственной думы 5 мая 1908 г.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ П.А. СТОЛЫПИНА

НЕКРОЛОГ, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В ГАЗЕТЕ «НОВОЕ ВРЕМЯ» 6 СЕНТЯБРЯ 1911 Г.

П.А. Столыпин – сын севастопольского героя генерал-адъютанта Столыпина от брака с княжной Горчаковой – родился в 1862 г., детство провел в имении Середниково под Москвой. По окончании курса в С.-Петербургском университете в 1884 г. он начал свою служебную деятельность в Министерстве внутренних дел, через два года причислился к департаменту земледелия и сельской промышленности Министерства земледелия и государственных имуществ, в котором последовательно занимал различные должности и особенно интересовался сельскохозяйственным делом и землеустройством. Затем перешел на службу в Министерство внутренних дел ковенским уездным предводителем дворянства и председателем ковенского съезда мировых посредников и в 1899 г. был назначен ковенским губернским предводителем дворянства. Служба предводителем дворянст-

ва близко ознакомила П.А. Столыпина с местными нуждами, завоевала ему симпатии местного населения и дала административный опыт. В это время он был выбран почетным мировым судьей по инсарскому и ковенскому судебно-мировым округам. В 1902 г. П.А. Столыпину было поручено исправление должности гродненского губернатора, через год он был назначен саратовским губернатором. Начало революционной смуты ему пришлось провести в должности губернатора в Саратове и принять решительные меры против революционной пропаганды и особенно по прекращению беспорядков в Балашевском уезде. В Саратове же он принимал живое участие в деятельности местных благотворительных учреждений. Местный отдел попечительства Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых избрал его в свои почетные члены. Когда в 1906 г. Совет министров во главе с графом С. Ю. Витте вышел в отставку и новый Совет министров было поручено сформировать И.Л. Горемыкину, П.А. Столыпину был предложен пост министра внутренних дел. С этого времени – 26 апреля 1906 г. – П.А. Столыпин являлся до дня своей кончины деятельным руководителем министерства. После роспуска Первой Государственной думы ему было повелено быть 8 июля 1906 г. председателем Совета министров с оставлением в должности министра внутренних дел. С этого момента началась талантливая государственная деятельность Столыпина, направленная на умиротворение России путем стойкой борьбы с своеволием и беззаконием и путем разработки и проведения в жизнь новых законов.

Став во главе Совета министров, П.А. Столыпин сумел вдохнуть в деятельность Совета единодушие, возвратить государственной власти поколебленный престиж и укрепить его. Революционные партии террористов не могли примириться с назначением убежденного националиста и сторонника сильной государственной власти на пост премьер-министра и 12 августа 1906 г. произвели покушение на его жизнь взрывом министерской дачи на Аптекарском о-ве. Было убито 22, ранено 30 лиц (в их числе тяжко пострадала дочь и ранен малолетний сын Столыпина), но П.А. Столыпин остался невредим. Провидение сохранило его жизнь, и он с прежней энергией и увлечением отдался всецело государственной деятельности. Горячий приверженец порядка и законности, он шел прямым путем к скорейшему осуществлению нового уклада государственного строя. Просвещенный политик, экономист и юрист, крупный административный талант, он почти отказался от личной жизни и свою удивительную работоспособность, незнакомую с утомлением, вложил в дело государственного успокоения и строительства. Только летом, и то на самое непродолжительное время, он дозволял себе отдых, уезжая преимущественно в свое имение, но и там не переставал давать направление правительственному механизму государства. Заболев весной 1909 г. крупозным воспалением легких, он согласился покинуть Петербург только по настойчивым требованиям врачей и провел в Крыму около месяца. Наибольшее время П.А. Столыпин посвящал руководительству и председательству в Совете министров, созы-

вавшемся обычно не менее двух раз в неделю, и в разного рода совещаниях по текущим делам и по вопросам законодательства. Заседания эти часто затягивались до утра. Утренние доклады и дневные приемы чередовались у него с личным внимательным просмотром текущих дел, просмотром русских и иностранных газет и тщательным изучением новейших книг, посвященных особенно вопросам государственного права. Неоднократно он, как председатель Совета министров, выступал в Государственной думе и Государственном совете защитником правительственных проектов. Он всегда являлся блестящим оратором, говорил вдохновенно, сжато и дельно, развивая мастерски и ярко руководящие положения законопроекта или давая ответ и объяснения по различного рода запросам о действиях правительства. В 1909 г. он присутствовал при свидании Государя Императора с германским императором в финляндских шхерах. В разное время он совершил несколько поездок по России, знакомился с результатами землеустроительных работ и с работами по хуторскому и отрубному разверстанию. Немало он приложил также стараний к улучшению водоснабжения в Петербурге и к прекращению холерной эпидемии. Государственные заслуги П.А. Столыпина были отмечены в короткое время целым рядом Царских наград. Помимо нескольких Высочайших рескриптов с выражением признательности, П.А. Столыпин был пожалован в 1906 г. в гофмейстеры, 1 января 1907 г. назначен членом Государственного совета, в 1908 г. – статс-секретарем.

Как человек П.А. Столыпин отличался прямодушием, искренностью и самоотверженной преданностью Государю и России. Он был чужд гордости и кичливости благодаря исключительно редким качествам своей уравновешенной натуры. Он всегда относился с уважением к чужим мнениям и внимательно – к своим подчиненным и их нуждам. Враг всяких неясностей, подозрений и гипотез, он чуждался интриганства и интриганов и мелкого политиканства. По своим политическим взглядам П.А. Столыпин не зависел от каких-либо партийных давлений и притязаний. Твердость, настойчивость, находчивость и высокий патриотизм были присущи его честной открытой натуре. Столыпин особенно не терпел лжи, воровства, взяточничества и корысти и преследовал их беспощадно; в этом отношении он был горячий сторонник сенаторских ревизий.

П.А. Столыпин был женат на дочери почетного опекуна О.Б. Нейгардт, имел пять дочерей и сына.

П.А. СТОЛЫПИН ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

Воспоминания С.И. Тимашева

«Затем особенность его характера составляло соединение двух обыкновенно взаимоисключающих качеств – чарующей мягкости в отношении к людям (кроме тех, кто становился ему поперек пути) с необычайно твердой, железной волей и редкой неустрашимостью. Этот человек действительно не боялся ничего, не боялся ни за свое положение, ни даже за свою жизнь. Он делал то, что находил полезным, совершенно не считаясь с тем, как отнесутся к его действиям люди, имевшие большое влияние в высших сферах. В случае давления свыше у него всегда была простая дилемма: или переубедить, или оставить свой пост, но никогда никаких компромиссов.

Быть может, в своей настойчивости он шел даже несколько далеко. Прежде чем принять решение, он охотно советовался и выслушивал чужие мнения. Но раз решение было принято, он не отступал от него, хотя бы явились новые аргументы или возникли не предусмотренные ранее обстоя-

тельства. Отмеченный «недостаток» был следствием целостности и благородства его натуры».

Воспоминания военного министра А.Ф. Редигера

«Столыпин тогда, на первых порах, производил на меня самое лучшее впечатление: молодой, энергичный, с верой в будущность России, он решительно взялся на реформы. До созыва 2-й Думы Совет министров, действуя по ст. 87 Основных законов, получал обширнейшую законодательную власть, которой Столыпин пользовался широко для проведения новых законов, подчас весьма крупных. Эта полнота власти, к сожалению, оказала дурное влияние на Совет и в особенности – на Столыпина, так как породила у них преувеличенное представление об их значении и положила начало той мании величия, которая, в конце концов, овладела Столыпиным».

Воспоминания графа А.А. Бобринского

«Это и государственный человек, это и русский человек, и националист хорошей марки. Его недостаток, порок – это убийственное честолюбие. Но это недостаток, с которым можно примириться».

Воспоминания великого князя Александра Михайловича

«Придворные круги были во власти двух противоречивых в своей сущности комплексов: зависти к успешной государственной деятельности Столыпина и ненависти к быстро растущему влиянию Распутина. Столыпин, полный творческих сил,

был гениальным человеком, задушившим анархию. Распутин являлся орудием в руках международных авантюристов. Рано или поздно государь должен был решить, даст ли он возможность Столыпину осуществить задуманные им реформы или же позволить распутинской клике назначать министров».

Собственные слова Петра Аркадьевича Столыпина, написанные им 20 сентября 1909 г.

«Я не переоцениваю себя и хорошо осознаю, что трачу лишь капитал, собранный предками и нам завещанный... Это – сокровище нерасточимо, но о котором легко забывают. Каждого кто к нему прикоснется и в нем черпает, ждет удача.

Вот почему мне всегда как-то совестно слушать похвалы. Но по той же причине я хорошо сознаю, что источник сочувствия ко мне некоторых русских людей не во мне самом, а в общности наших русских чувств».

А.В. Оболенский «Имя П.А. Столыпина принадлежит истории и сердцу народному»

Оболенский Алексей Васильевич (1877–1969) – князь, титулярный советник; правитель канцелярии гродненского губернатора. Впоследствии чиновник особых поручений при министре внутренних дел.

Недолго пришлось мне работать с князем Урусовым. Он был назначен в Полтаву, и на его место прибыл в Гродно П.А. Столыпин. «Кого бы вы могли рекомендовать в Гродно губернатором?» – спро-

сил государь члена Государственного совета графа Тышкевича.

П.А. Столыпин был помещик Ковенской губернии, предводитель дворянства Ковенского уезда, а также энергичный председатель сельскохозяйственного общества Ковенской губернии. Поляки очень любили и уважали его. Граф Тышкевич назвал его государю. Через некоторое время Столыпин был назначен губернатором в Гродно.

Я не был знаком с Петром Аркадьевичем и не знал, как решит мою судьбу новый губернатор. Столыпин оставил меня на своем посту, и потекла наша «совместная работа» почти на два года. «На память о совместной работе», – он сам написал мне эти слова на своем портрете при уходе из Гродненской губернии.

Имя П.А. Столыпина принадлежит истории и сердцу народному. Он завершил незаконченную реформу императора Александра II – раскрепощение крестьян. Время его службы государству можно назвать столыпинской эпохой.

За два последних царствования он был, по-моему, единственный государственный человек, кроме самого императора Александра III, ходя и осадившего Россию властной рукой. Граф Витте имел задатки государственного деятеля, но его мелко придирчивое, чиновное отношение к реформам Столыпина умаляло его достоинство. Не о величии России думал он, а о своем.

Не чиновник, не царедворец, беззаветно любящий Россию и преданный государю, Петр Аркадьевич обладал ясным умом и твердым характером.

Выраженье глаз было глубокое, проникновенное, немного грустное.

Высокий, представительный, великолепно воспитанный, всесторонне образованный, Петр Аркадьевич, когда говорил, то громко, убедительно. Большим благородством веяло от его слов и поступков, что располагало к нему даже его политических противников. В нужных случаях он действовал решительно. Так, на второй день своего назначения в Гродно Столыпин закрыл польский клуб, где господствовало повстанческое настроение. Проявление твердой власти в малом облегчало правление в более существенном. Несмотря на это, польское общество продолжало любить и уважать его. Кисть правой руки была повреждена у Петра Аркадьевича, и когда он писал, то придерживал ее левой рукой, а писал обыкновенно легким гусиным пером, которое умело обчинивал один мой сослуживец в канцелярии. Я тоже потом стал писать такими перьями. Свое пребывание в Гродно Столыпин считал лучшим временем своей служебной карьеры.

Тихо и мирно протекала жизнь в Гродно. Гродненская губерния огромная – и промышленная, и сельскохозяйственная. Климат мягкий, и чудные леса. Беловежская пуща в сто пятьдесят тысяч десятин великолепного разнородного леса с тысячелетними дубами, зубрами и массой всякой дичи. Душистая трава зубровка и особая порода ели, очень ценная для музыкальных инструментов и роялей, росли в Беловежье. Царская охота. Браконьерство строго преследовалось, а звери часто портили крестьянские поля, прилегающие к лесу. Убытки щедро вознаграждались. Как красиво и

далеко было слышно весной пенье тетеревов, и, отдыхая только среди своей семьи, Столыпин с грустью расставался с Гродно, предчувствуя, что испытания и страдания ожидают его впереди.

Петр Аркадьевич был женат на О.Б. Нейгардт. Она была невестой его старшего брата, и, когда тот неожиданно скончался еще женихом, Петр Аркадьевич женился на Ольге Борисовне.

Он был примерный семьянин. Гостеприимный, радушный, веселый и остроумный, когда не был чем-либо озабочен, – он был образцом всех мужских добродетелей, строгий к себе, снисходительный к ошибкам подчиненных.

Он не был честолюбив, и все неблагородное и нечистое было противно его высокой душе. Он был рыцарь без страха и упрека. Борец за лучшее будущее России в дружной работе с народными представителями под державной властью государя, преданный ему без лести.

Будь жив Столыпин, не было бы революции.

Назначенный из Гродно губернатором в Саратовской губернии, самой трудной, благодаря революционно настроенному населению из-за земельного неустройства, подвергаясь там неоднократным покушениям, Петр Аркадьевич с честью там завершил управление губернией, не превышая и не злоупотребляя властью. Там окончательно созрела в его уме земельная реформа, которая одна могла прекратить земельные беспорядки и приобщить крестьянство к нормальной жизни.

Постоянно заботясь о крестьянах и в бытность свою предводителем дворянства в Ковно, в крестьянах видел он оплот русской государственности.

Чем дальше повышался Столыпин в своих назначениях, тем более чувствовал ответственность перед родиной, тем больше жертвовал собой, борясь с сопротивлением своим идеям не только от врагов, но часто и от «своих». Чем ближе к правящему Петербургу, чем ближе к трону, тем больше интриг. В трудную минуту принял Петр Аркадьевич назначение министром внутренних дел и председателем Совета министров.

Ликвидация японской войны и революционного движения, убийства министров и губернаторов, неспокойная Государственная дума – вот обстановка, в которой пришлось работать Столыпину. Дружной работы добивался он с народными представителями, но работы, а не демагогии, и был доволен поддержкой правительства Третьей Думой, изменив предварительно систему выборов.

Опираясь на думский центр, Столыпин отбивался направо и налево, не уступая в преследуемой им цели. Лидер центра Гучков тогда еще не обнаруживал ту революционную активность, которую он не скрывал позднее. Государь не любил Гучкова, и это отражалось на его отношениях к Столыпину. С каждым годом положение его становилось труднее. Интриги крайне правых в Государственном совете – П. Дурново, Трепова и Витте, противников его земельной реформы в Западном крае – и влияние разных посторонних лиц при дворе, которым не сочувствовал и был чужд Петр Аркадьевич и которые настраивали против него государя, мешали осуществлению его замыслов.

Он не видел поддержки, начинал чувствовать свое одиночество и как бы недоверие трона.

Как жалко, что отставка Столыпина, носившаяся в воздухе, не спасла нам его для России.

Все было бы по-другому, если бы он был жив.

Его [П.А. Столыпина] полные достоинства и государственной мудрости речи и отповеди в Государственной думе, его земельная реформа, окончательно раскрепощающая крестьянство, не давали покоя темным силам. Реформы сверху, ведущие к благоденствию русского народа, – не в их интересах. «Вам нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия». Как пророчески звучали эти слова, как поражал в самое сердце врагов отечества на поле политической брани этот борец, равный по силе и духу бессмертному Суворову. «Не легко мне даются эти выступления», – говорил Петр Аркадьевич. Расширение и болезнь сердца дают себя чувствовать. Угрозы и покушения преследовали Петра Аркадьевича. Он никогда не был уверен, вернется ли домой, выезжая куда-нибудь.

Охрана государства, которой ведал товарищ министра внутренних дел, командующий корпусом жандармов генерал Курлов, была плохо поставлена. Столыпин не был доволен Курловым, но вопреки воле государя не мог заменить его. Во время приезда государя в Киев вся охрана была вверена генералу Курлову, и вот выстрел провокатора Богрова в театре, предназначенный, в сущности, для государя и в последнюю минуту изменивший решение убийцы и направленный в Столыпина, доказал столь большой ценой всю несостоятельность и несогласованность власти, которая после Столы-

пина все более и более теряла авторитет. Курлов и его помощники были отданы под суд (оказалось, что никто не виноват в убийстве Столыпина), и государь велел прекратить дело. Богров получил билет в театр от Курлова и был известен Департаменту полиции как провокатор. Богров признался, что он не стрелял в государя только потому, что боялся еврейского погрома. Но и по смерти Столыпина погром не был допущен, были приняты меры.

Петр Аркадьевич резко восставал против всякой попытки натравливания на какую-либо национальность или воспитания молодого поколения в этом духе. Русское национальное самосознание и величие только выигрывает от этого.

Между прочим, министру внутренних дел отпускалось ежегодно 100 тысяч рублей в безотчетное распоряжение. Эти деньги Столыпин расходовал исключительно на нужды государства при строгом контроле.

Столыпин очень задумывался и о подрастающем поколении. Он сознавал, что школа мало давала людей, преданных родине, не вырабатывала воли, а влияние семьи значительно ослабевало. В новых организациях молодежи: в скаутах, соколах, разведчиках – он думал найти поддержку этим недостаткам и шел навстречу этим течениям.

Дряблость, безволие, национальное безразличие, царившие в массе во времена революции, погубили Россию. Он предвидел это.

Некем было заменить верного сына Отечества.

Россия потеряла своего кормчего, и пошла потом свистопляска с назначением министров, один незначительнее другого.

Председателем Совета министров стал Коковцев. Почтенный и умный министр финансов, но, по выражению Столыпина, он не обладал твердой волей и мог лишь топтаться на месте.

И.Д. Сытин. Встреча со Столыпиным

Иван Дмитриевич Сытин (1851–1934) – российский предприниматель, книгоиздатель, просветитель.

Товарищ министра внутренних дел А.А. Макаров, мой личный знакомый, сообщил мне, что мной очень недоволен П.А. Столыпин и что издательская деятельность моя вызывает его упреки. Это было для меня неожиданным. Но, зная, как много в этих случаях зависит от шептунов и личных недоброжелателей, не останавливающихся ни перед клеветой, ни перед сплетней, я попросил Макарова, чтобы он мне устроил свидание с министром, рассчитывая, что в очной беседе мне удастся выяснить недоразумение и, может быть, рассеять наговоры, если они были.

Макаров обещал все устроить, и действительно скоро ко мне в Москву пришла телеграмма П.А. Столыпина. Меня вызывали в Зимний дворец к 2-м часам дня на личный прием.

Признаюсь, что свидание меня несколько взволновало. Что такое могли ему наговорить и чем, собственно, он недоволен? Опыт жизни приучил меня к мысли, что министры редко бывают недовольны сами по себе: обыкновенно им кто-нибудь «докладывает», и только после «доклада» они бывают милостивы либо недовольны. Мой билет на прием П.А. Столыпину был 12-й,

но почему-то меня не вызывали, когда пришла моя очередь, и пропустили. Почему бы это? – думаю. Вот прошел в кабине № 15-й, и 20-й, и 30-й, а меня все не вызывают. Наконец в приемной уже никого не осталось, я был последним, и меня позвали:

– Пожалуйста!

Столыпин принимал в просторном кабинете Александра II. Он сидел за небольшим столом, и в сидячем положении чувствовался его крупный рост и вся его внушительная крупная фигура. Чернобородое, несколько бледное лицо казалось чуть-чуть усталым.

– Господин Сытин? Прошу садиться. – Министр указал рукой на кресло, и я сел. – У вас, я знаю, очень большое дело народных изданий?

– Да, Ваше Превосходительство, дело большое, очень трудное...

– На вас жалуются... Дело ваше большое, но слишком сумбурное. Вы много либеральничаете, а между тем именно в вашем положении народного издателя нужна особая осторожность, чтобы не развратить русскую душу.

– Ваше Превосходительство, вас информировали пристрастные люди. Я веду дело с глубокой предусмотрительностью и более чем осторожно. Свою задачу я понимаю просто и подхожу к ней тоже просто, без всяких задних мыслей. Наш народ темен, его надо учить, а я стараюсь дать ему полезную и дешевую книгу по всем отраслям знания. Если, Ваше Превосходительство, благоволите заглянуть в наш каталог, вы увидите все результаты нашей работы.

– Хорошо, я посмотрю ваш каталог, но вы должны понимать, что и знание народу надо давать чистое, а не разрушительное.

Из этих слов я понял, что большого неудовлетворения против меня не питают и что если был какой-нибудь доклад о нашей работе, то не слишком злой.

– Я с радостью предоставляю Вашему Превосходительству все обширные материалы и планы моей работы.

– Вот и чудесно. Я, признаюсь, тоже имею некоторые виды на вас и хотел воспользоваться вашей опытностью для распространения в народе сельскохозяйственных книг. Наша программа хуторского хозяйства требует полезной книги для народа... Кстати, в вашей газете нашу программу раскритиковали, и довольно жестоко... А вы как на это смотрите?

– Я, Ваше Превосходительство, в этом пункте не разделяю взглядов моей газеты. Я смотрю на отрубное хозяйство с величайшим удовлетворением. Я сам крестьянин и знаю, что нужно крестьянину.

– Да? Мне это очень приятно слышать... Значит, мы с вами одного мнения? Тогда давайте вместе работать. Дадим мужику хорошую народную библиотеку: серию книг по сельскому хозяйству, по ремеслам и вообще по всем кустарным мастерствам... А? Как вы на это смотрите? Я нахожу, что давно пора устраивать в деревнях специальные читальни с необходимыми научными пособиями и показательными станками и орудиями обработки. В этом отношении мы очень отстали.

Признаюсь, эти слова сурового министра, которого вся наша печать рисовала чуть ли не временщиком, поставленным в сословных интересах дворянства, показались мне очень неожиданными. Так не говорят люди, занятые сословными интересами. По крайней мере, в самом тоне голоса Столыпина мне почувствовалась любовь к России, ко всей России, а не к одному классу.

– Ваше Превосходительство говорит о том, что давно составляло нашу мечту. Вот уже десять лет, если не больше, мы все ждали, что правительство наконец пойдет навстречу и, по крайней мере, разрешит делать другим то, чего само не будет делать. И вдруг вы сами хотите подойти к насущным нуждам деревни. Это такое доброе дело, что я был бы счастлив, если бы мог оказать посильное содействие Вашему Превосходительству... И не только моей работой, но и материальными жертвами... Я верю в жизненность отрубного хозяйства, я знаю, что значит зависимость крестьянина от общины, и если мужику, наконец, развяжут руки и [он] будет сам себе господин, то и обработка земли, и все хозяйство пойдет по-другому. А пример хорошего хозяина всю округу заразит... Я хорошо знаю это дело, я тоже сын крестьянина. Да еще если при этом будет изба-читальня. Если к мужику дойдет, наконец, книга, которая была спрятана от него за семью замками, так русская деревня через десять лет станет неузнаваемой.

– Значит, мы с вами одного мнения? Я очень рад... Давайте же вместе работать...

Расстались мы со Столыпиным совсем иначе, чем встретились. А через неделю ко мне в Москву

приехал от него чиновник П.П. Зубовский и попросил, чтобы я дал ему программу будущих изданий для народа. Я ему показал целый ряд каталогов и обратил его внимание, что три четверти книг для предполагаемой избы-читальни уже есть в совершенно готовом виде и что надо будет добавить только учебники для взрослых да хорошенько подобрать библиотечки по кустарным производствам. Со своей стороны П.П. Зубовский обратил внимание на приближающийся юбилей крестьянской реформы и Отечественной войны и спросил, что мы думаем сделать для этих юбилеев. Но так как вопрос этот занимал и нас и мы разработали программу юбилейных изданий в самом широком и даже грандиозном масштабе (над этим делом у нас трудилось 50 профессоров), то осталось подумать лишь о серии самых дешевых народных брошюр и картин. Вообще из разговора с Зубовским я вынес впечатление, что Столыпину очень запал в душу наш разговор об избе-читальне и что планы у него созрели самые широкие. К сожалению, однако, П.А. Столыпин скоро предпринял роковую для него поездку в Киев на торжества и там исполнилось его давнишнее предчувствие, которое он отметил в своем завещании: «Похоронить там, где убьют».

С.И. Шидловский
«Убежденный государственник»

Шидловский Сергей Илиодорович (1861–1922) – общественный и политический деятель, действительный статский советник. В 1889 г. окончил Александровский лицей.

...Столыпин был на редкость выдающийся человек, если не по своим государственным способностям, то по благородству характера, чистоте убеждений и способности всецело забывать все, кроме интересов государства, как он их понимал. Такие натуры встречаются вообще не часто, рыцарство, присущее Столыпину, почти исчезло в жизни, и если ему приходилось выдерживать столько нападок со стороны противников, то только потому, что он являлся представителем враждебного им строя, а давно известно, что, чем сильнее и талантливее противник, тем сильнее на него нападки.

Столыпин был в полном смысле слова лучшим представителем отжившего дворянского сословного строя, против которого так энергично боролись все остальные политические партии. Он отчетливо сознавал, что этот строй пережил себя, что необходимо его коренное изменение, но в самый ход этой реформы он вносил известную постепенность, которой не допускала оппозиция, а главное – он сам происходил из этой столь ненавистной среды, и допустить, чтобы такое упразднение самое себя исходило из этой среды, она не могла. При этом под влиянием современного учения о классовой борьбе, совершенно ошибочно допускающего со стороны какого-либо сословия лишь защиту своих материальных интересов и совершенно не понимающего возможности принесения их в жертву общей пользе, оппозиция считала, что направление внутренней политики, известное в последнее время под названием дворянского, далеко не пользовалось симпатиями всего дворянства, а лишь известной, далеко не лучшей части его.

Забывали при этом, что все реформы демократического свойства проводились в свое время дворянством всегда в ущерб интересам личным и сословным, если под последними понимать материальные выгоды. Дворянство сваливали в одну кучу с буржуазией в смысле тождественности их интересов и психологии, что было совершенно неправильно. Я считаю сословность утратившей ныне всякое значение, но с точки зрения исторической справедливости должен протестовать против отождествления дворянства с буржуазией. Буржуазия руководствуется материальными интересами, являющимися для нее главными, дворянство же руководствовалось принципами, стоящими выше, и не останавливалось перед имущественными требованиями, когда они требовались. Вот существенная разница между этими двумя сословиями, и если она перестанет существовать, то либо дворянство обращается в буржуазию, либо буржуазия – в дворянство.

Правительство за последние 40 лет усиленно подчеркивало значение дворянства, все время при этом напоминая, кстати и некстати, о значении его в государственном деле, забывая при этом, что значение это оно имело до тех пор, пока не обращалось в буржуазию, и соответствовало определению, данному выше.

Дворянство не удержалось на той позиции, которую занимали лучшие его представители в прежние времена, и начало обуржуазиваться, но из этого совершенно не следует, что каждый дворянин по самому происхождению своему – буржуй и что Столыпин является сторонником той

дворянской политики, которая велась в конце XIX столетия.

Разумеется, у Столыпина были и недостатки, без которых не обходится ни один человек. Самый главный его недостаток, особенно губительный для человека, признанного стоять во главе всякого крупного дела, было его неумение разбираться в людях и судить об их свойствах, недостатках и качествах...

Вообще к концу деятельности Третьей Думы Столыпин стал далеко не тот, чем он был в начале своей деятельности в качестве премьера. Петербургская бюрократическая атмосфера, от влияния которой редко кто уходил, сказалась и на нем. Он, по выражению покойного артиста Горбунова, принял «генералина». Стал величественнее, менее доступным и весьма заметно поправел.

Последнее объясняется тем, что он по месту своей прежней деятельности – Ковенская губерния – был связан с окраинами, в которых, помимо всего другого, довольно остро стоял национальный вопрос, причем русское национальное направление по различным, весьма разнообразным причинам должно было совпадать с правым политическим направлением. С общественным же направлением внутренних губерний, в которых национального вопроса никогда не существовало, Столыпин практически знаком не был, так как, кроме весьма непродолжительного губернаторства в Саратове, ему не приходилось с ним сталкиваться.

На этой подкладке под влиянием излишней уступчивости думского большинства в Третьей Думе и при значительном участии того горбуновского

«генералина», о котором сказано выше, Столыпин сильно изменился к концу своей жизни.

Правда, занят он был страшно, не имел ни минуты отдыха, что отразилось и на его здоровье, все время был окружен интригами и не имел откровенной и искренней поддержки ни со стороны своих товарищей по кабинету, ни со стороны государя, весьма ревниво относившегося даже к той популярности, которой пользовался Столыпин...

Самым интересным эпизодом из деятельности Столыпина в эту эпоху было проведение через законодательные палаты закона о введении земства в юго-западных и белорусских губерниях. Сначала было предложено ввести своеобразное земство во всем Западном крае с приданием особых преимуществ представителям русской национальности, но как ни вертели и каких только комбинаций ни придумывали, оказалось, что достичь этой цели в Северо-Западном крае (губерниях Виленской, Ковенской и Гродненской) совершенно невозможно за отсутствием в них русского элемента, и поэтому самая мысль о введении земства в нем была оставлена.

Внесенный правительством законопроект был Государственной думой рассмотрен, в известной степени изменен, и затем он автоматически перешел для рассмотрения в Государственный совет. Государственный совет, по-видимому, в общем не сочувствовал этому новому проекту, применил чрезвычайно странный способ его отклонения; он сразу отклонил переход к постатейному обсуждению, то есть признал его не стоящим рассмотрения. На основании каких соображений Государ-

ственный совет решил применить такой грубый и оскорбительный для лиц и учреждений, работающих над законом, способ его провала, мне в точности неизвестно. Если бы Государственный совет не сочувствовал положенным в Основные законы принципам, то он мог при рассмотрении его изменить их коренным образом, и если бы и этим он остался неудовлетворен, то никто не мешал ему при окончательном голосовании закона в целом отвергнуть его. Результат был бы тот же самый, но, по крайней мере, все произошло бы без скандала.

Нельзя допустить, чтобы этого там не сообразили: в составе Государственного совета было немало таких знатоков в области техники проведения всяких делопроизводственных фокусов, которые не могли этого не знать, но, очевидно, в расчеты его входило совершенно сознательно сделать именно то, что он сделал... Государственная дума, осведомившись об отклонении Государственным советом ее проекта целиком, без рассмотрения, моментально внесла тот же проект за своими подписями в порядке собственной законодательной инициативы. Подписей было под этим якобы новым законодательным предположением собрано множество, составлявшее значительное большинство Думы, так что все требуемые наказом формальности могли быть выполнены в кратчайший срок и через какой-нибудь месяц отвергнутый Государственным советом проект мог бы снова быть внесен на его рассмотрение.

Столыпин усмотрел в поступке Государственного совета ярко выраженное недоверие к себе и по-

дал в отставку. Отставка не была принята, и началась длинная канитель переговоров государя со Столыпиным. Последний не соглашался взять свою отставку обратно, настаивал на ней упорнее, чем когда бы то ни было. Тогда его стали соблазнять всякими компенсациями, были пущены в ход всякие пружины и влияния, и, наконец, удалось сломить упорство Столыпина; он согласился взять свою отставку обратно, если ему будут гарантированы некоторые условия. Переговоры относительно этих условий велись Столыпиным при несомненном содействии некоторых членов Думы, принимавших в этом участие персональное, а не в качестве представителей какой-нибудь фракции. К этому времени отношения октябристов к Столыпину были уже не прежние, а в значительной степени сдержаннее, и он начинал входить в более тесные отношения с националистическими элементами балашовского толка. Какие влияния, сверх указанных, могли действовать на Столыпина, не столь уж интересно; можно сказать, что всякий, кто только имел возможность влиять, не упускал ее.

Условия, на которых Столыпин соглашался взять свою отставку, были следующие:

1) роспуск на короткий срок законодательных учреждений – Государственного совета и Государственной думы;

2) проведение во время этого роспуска закона о западном земстве по 87 статье и

3) предоставление Столыпину права к ближайшему 1 января заменить 30 членов Государственного совета лицами по его выбору.

В объяснение последнего пункта нужно напомнить, что на основании Учреждения Государственного совета состав его на каждый год определялся к 1 января особым Высочайшим указом. Разумеется, это относится только к членам по назначению.

Когда Столыпин окончательно сговорился с государем об условиях, на которых он соглашался взять назад свою отставку, он просил государя для памяти написать условия, что и было сделано собственноручно государем синим карандашом на большом листке блокнота. Этот листок я видел своими глазами у Столыпина, который его нам показывал.

Инцидент с законом о западном земстве, таким образом улаженный, привел к результатам, совершенно для Столыпина неожиданным, то есть к усилению враждебного к нему отношения со стороны законодательных факторов, в это дело замешанных.

Государственная дума не могла относиться к этому делу иначе, чем резко отрицательно, так как считала своим непременным долгом охранять права законодательных учреждений, и роспуск палат для проведения закона по 87 статье в таких условиях считала недопустимым способом и не вызываемым никакими обстоятельствами; все можно было прекрасно уладить тем способом, который она сама применила, то есть внесением закона вновь в порядке собственной ее законодательной инициативы. Издевательство же над правами законодательной палаты, каковым считала Государственная дума отношение Столыпина в данном случае к Государственному совету, могло только искренне возмутить Думу, хотя бы по внешности

оно и носило характер заступничества за нее. Отношение Думы к Совету, этой законодательной пробке, как его называли, было далеко не благосклонным, но, несмотря на это, Дума прекрасно понимала, что сегодня «он, а завтра я» и что безнаказанность такого эксперимента может грозить ей самой такой же опасностью в будущем.

Государственный совет не мог не отнестись совершенно отрицательно к такому грубому нарушению его несомненных законодательных прав, сопряженному с бесцеремонным давлением на личный его состав; в таких условиях деятельность учреждения свелась бы к беспрекословному исполнению приказов начальства и совершенно исчезли бы даже признаки самостоятельности. Соответственно с этим и создалось в Государственном совете определенно враждебное отношение к Столыпину.

Наконец, государь, конечно, никогда бы не простил Столыпину того, что он не поверил словам его, а потребовал письменного закрепления тех условий, на которых соглашался взять обратно прошение об отставке. Столыпин в этом случае, может быть, по существу был прав, но цари такого недоверия никогда не прощают.

Таким образом, совершенно неожиданно для Столыпина результатом всего этого инцидента и придуманного им способа его ликвидации явилось его полное отчуждение от всех трех источников государственной власти в стране. Ни с государем, ни с Государственным советом, ни с Государственной думой он по-прежнему работать уже не мог, и весь этот эпизод надлежит считать концом его государ-

ственной деятельность. Он продолжал оставаться главой правительства, исполнять свои обязанности, но политически он являлся уже поконченным человеком, долженствующим в ближайшем будущем сойти со сцены. И с этой точки зрения особенно бессмысленным является убийство Столыпина в Киеве, так как если, с точки зрения поклонников террора, имеет известный смысл удаление путем убийств почитаемых ими вредными деятелей, то, даже с точки зрения, не может быть объяснена казнь человека, собственноручно совершившего над собой политическую казнь

Этот акт политического самоубийства, совершенный над собой Столыпиным, ни в чем не меняет нашего мнения о нем, высказанного выше.

Это был благороднейший человек, искренне любивший свою родину и желавший ей добра всеми своими далеко не дюжинными силами.

Условия, в которых ему приходилось действовать, были безмерно тяжелы, так как, помимо общего состояния страны, самого по себе для государственного деятеля нелегкого, Столыпину приходилось считаться с влияниями петербургскими, придворным и бюрократическим, с интригами отдельных лиц, с личностью государя. Все это оказалось ему не под силу, хотя сил этих в нем было больше, чем в ком бы то ни было другом.

Весьма сомнительно, чтобы кто бы то ни было другой мог справиться с делом более успешно, несмотря на все недостатки Столыпина, от которых он, разумеется, не был свободен и которые оказали свое влияние на его деятельность. Повторяю, что я не знал другого государственного деятеля более

благородного по побуждениям, и это чувство навсегда у меня останется.

Может быть, в современных условиях большее значение имеют другие стороны человеческой природы, но все-таки чистота побуждений останется столь привлекательной стороной ее, что не преклоняться перед ней нельзя, тем более что она не может не оказать благотворного влияния на лиц, входящих в сношение с обладающими этим редким даром...

РЕЧИ П.А. СТОЛЫПИНА, ПРОИЗНЕСЕННЫЕ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ И ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ

П.А. Столыпин и Государственная дума (Опубликована в газете «Новое время» 6 сентября 1911 г.)

Столыпин выдвинулся и определился в Думе. Но, в то же время, он в значительной степени определил собой Государственную думу. Если Государственная дума в настоящее время работает и законодательствует, то этим она, до известной степени, обязана Столыпину. Столыпин интуитивно «чувствовал» Государственную думу. С самого первого же выступления основной тон был взят им совершенно правильно. Если вчитаться в ту первую речь, которую он произнес по запросу о действиях чинов охранного отделения, то мы найдем в ней целый ряд мелких черточек, в точности соответствующих тому облику большого государственного деятеля, который в последующие годы укрепился, развился и сделался популярным в России, но который в Первой государственной думе не был иным, чем во Второй и Третьей.

«...Оговариваюсь вперед, что недомолвок не допускаю и полуправды не признаю». Относи-

тельно действий Будатовского, царицынского полицмейстера и калязинской полиции расследование «передано в руки суда»; и если суд «обнаружит злоупотребления, то министерство не преминет распорядиться соответственным образом». Всякое упущение в области служебного долга «не останется без самых тяжелых последствий для виновных». Но каковы бы ни были проступки и преступления отдельных подчиненных органов управления, правительство не пойдет навстречу тем депутатам, которые сознательно стремятся дезорганизовать государство. «Власть – это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка, поэтому, осуждая всемерно произвол и самовластие, нельзя не считать опасным безвластие». «Бездействие власти ведет к анархии; правительство не может быть аппаратом бессилия». На правительстве лежит «святая обязанность ограждать спокойствие и законность». Все меры, принимаемые в этом направлении, «знаменуют не реакцию, а порядок, необходимый для развития самых широких реформ». Но как же будет действовать правительство, если в его распоряжении еще нет реформированных законов? Очевидно, что для него имеется только один исход: «применять существующие законы впредь до создания новых». «Нельзя сказать часовому: у тебя старое кремневое ружье; употребляя его, ты можешь ранить себя и посторонних; брось ружье. На это честный часовой ответит: покуда я на посту, покуда мне не дали нового ружья, я буду стараться умело действовать старым».

Итак, программа намечается в высшей степени просто и отчетливо. Для того чтобы провести необходимые реформы, нужно, прежде всего, утвердить порядок. Порядок же создается в государстве только тогда, когда власть проявляет свою волю, когда она умеет действовать и распоряжаться. Никакие посторонние соображения не могут остановить власть в проведении тех мер, которые, по ее мнению, должны обеспечить порядок. Дебатирует ли Государственная дума шумливым образом о препятствиях, будто бы чинимых местной администрацией тем лицам, которые поехали оказывать продовольственную помощь голодающим, – ответ приходит сам собой, простой и естественный. Криками о человеколюбивой цели нельзя смутить ту власть, которая знает, чего она хочет: «насколько нелепо было бы ставить препятствие частным лицам в области помощи голодающим, настолько преступно было и бездействовать по отношению к лицам, прикрывающимся благотворительностью в целях противозаконных». Под каким бы предлогом ни проводилось то стремление захватить исполнительную власть, которое является естественным последствием парализования власти существующей, – министр внутренних дел, сознавая свою правоту, не будет смущаться: «носитель законной власти, он на такие выходки отвечать не будет».

Все эти тезисы кажутся в настоящее время простыми и само собой разумеющимися. Но если вспомнить, в какой именно период они были произнесены, то мы поймем, что человек, говоривший их, проявлял большую степень государст-

венной зрелости. В те дни в России было очень много безотчетного увлечения Государственной думою, увлечения почти что мистического. Люди, претендовавшие на всестороннее знакомство с всемирной историей и готовившиеся занять министерские посты, разделяли всеобщее опьянение. Они наивно думали, что молодая, только что созванная Государственная дума силой тех речей, которые будут в ней произноситься, переменит движение жизни и из дореформенной России сразу сделает утопическое государство, в коем будут осуществлены и абсолютные политические свободы, и безусловное социальное равенство. Выступить в этот момент с трезвым словом, показать истинные пределы законодательной власти, наметить ее соотношение к власти исполнительной и, главное, наметить для исполнительной власти те основные идеи, вне которых она не может ни работать, ни существовать: для всего этого требовался широкий ум, ясное понимание политического момента, глубокое проникновение в основные проблемы государственного властвования. Во Второй Думе П.А. Столыпин выступает уже не с принципиальными афоризмами, а с подробной и строго продуманной программой реальной государственной деятельности. Впоследствии многие из его политических противников, с Милюковым во главе, обвиняли председателя Совета министров в том, что во Второй Думе он будто бы выставлял программу иную, не ту, с какой он явился впоследствии в Думу Третью. Но ближайшее рассмотрение обоих документов доказывает, что – за малыми исключениями – все основные пункты

политического credo намечены были перед Думой кадетски-революционной совершенно так же, как и впоследствии перед Думой националистически-октябристской. Правительство готово работать с Думой. «Его труд, добрая воля, накопленный опыт предоставляются в распоряжение Государственной думы, которая встретит в правительстве сотрудника». Но правительство это, очевидно, сознает свой долг: оно должно восстановить в России порядок и спокойствие; «оно должно быть и будет правительством стойким и чисто русским». Что же будет делать это правительство? Правительство будет создавать материальные нормы, «имеющие воплотить в себе реформы нового времени». «Преобразованное по воле Монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое».

Для этого правительство должно разработать законопроекты о свободе вероисповедания, о неприкосновенности личности, об общественном самоуправлении, о губернских органах управления, о преобразовании суда, о гражданской и уголовной ответственности должностных лиц, о поднятии народного образования. Но основная задача, «задача громадного значения», первая задача, которую должно решить государство, есть забота о крестьянстве. Необходимо «содействовать экономическому возрождению крестьянства, которое ко времени окончательного освобождения от обособленного положения в государстве выступает на арену общей борьбы за существование экономически слабым, неспособным обеспечить себе безбедное существование путем занятия

земледельческим промыслом». Эту задачу правительство считает настолько важной, что оно даже приступило к осуществлению ее, не дожидаясь созыва Второй думы. «Правительство не могло медлить с мерами, могущими предупредить совершенное расстройство самой многочисленной части населения в России». К тому же «на правительстве, решившем не допускать крестьянских насилий и беспорядков, лежало нравственное обязательство указать крестьянам на законный выход в их нужде». Правительство ведет, значит, успокоение и реформы – совершенно параллельно. Оно не отступает ни на шаг от возлагаемой на него государственностью обязанности обеспечить гражданский порядок; но оно сознает и свой нравственный долг намечать те органические пути развития общественной жизни, путем постепенного упрочения которых беспорядки сделаются ненужными.

Реформы и порядок. Таковы два мотива, проходящие через все думские речи Столыпина. Реформы, может быть, не очень казовые, но зато прочные. Реформы, на которых трудно снискать себе быструю популярность, которые представляют собой «продолжительную черную работу», но без которых невозможно создание истинно свободной России. Путь этот скромен, но он хорош тем, что ведет не к «великим потрясениям», а к «великой России». Ибо аграрный вопрос нужно не «разрешить, а разрешать», хотя бы для этого потребовались десятилетия. Крестьянин должен сделаться личным собственником. Как мелкий земельный владелец он явится составным элементом будущей

мелкой земской единицы. «Основываясь на трудолюбии и обладая чувством собственного достоинства, он внесет в деревню и культуру, и просвещение, и достаток». «Вот тогда, тогда только – писаная свобода превратится и претворится в свободу настоящую, которая, конечно, слагается из гражданских вольностей, из чувства государственности и патриотизма».

Но, занимаясь реформою, правительство именно не должно забывать своей обязанности по сохранению порядка. «Когда в нескольких верстах от столицы и от царской резиденции волновался Кронштадт, когда измена ворвалась в Свеаборг, когда пылал Прибалтийский край, когда революционная волна разлилась в Польше, когда начинал царить ужас и террор: тогда правительство должно было или отойти и дать дорогу революции, забыв, что власть есть хранительница государственности и целости русского народа, – или действовать и отстоять то, что ей было вверено». Нападки оппозиции, рассчитанные на то, чтобы вызвать у правительства «паралич воли и мысли», «сводятся к двум словам: руки вверх». На эти два слова правительство «с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить двумя словами: не запугаете». И затем шел прекрасный призыв, обращенный к Государственной думе во имя успокоения и умиротворения страны: «Мы хотим верить, господа, что вы прекратите кровавое безумство, что вы скажете то слово, которое заставит всех нас встать не на разрушение исторического здания России, а на пересоздание, переустройство его и украшение». Покуда это слово не будет

сказано, покуда государство будет находиться в опасности, «оно обязано будет принимать самые строгие, самые исключительные законы для того, чтобы оградить себя от распада». «Это всегда было, это всегда есть и всегда будет». «Государственная необходимость может довести до диктатуры». Она становится выше права, «когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества».

Только тогда, когда реформы пойдут параллельно с успокоением страны, они явятся выражением истинных нужд государства, а не отзвуком беспочвенных социалистических идей. «Наши реформы для того, чтобы быть жизненными, должны черпать свою силу в русских национальных началах». Такими национальными началами является прежде всего царская власть. Царская власть является хранительницей русского государства; она олицетворяет его силу и цельность; если быть России – то лишь при усилии всех сынов ее оберегать эту власть, сковавшую Россию и оберегавшую ее от распада. К этой исконно русской власти, к нашим русским корням, к нашему русскому стволу «нельзя прикреплять какой-то чужой, чужестранный цветок». «Пусть расцветет наш родной цветок, расцветет и развернется под взаимодействием Верховной Власти и дарованного ею представительного строя». Вторым исконным русским началом является развитие земщины. На низах должны быть созданы «крепкие люди земли, связанные с государственною властью». Им может быть передана часть государственных обязанностей; часть государственного тягла. Но в самоуправлении мо-

гут участвовать не только те, кто «сплотился общенациональным элементом». «Станьте на ту точку зрения, что высшее благо – это быть русским гражданином, носите это звание так же, как носили его когда-то римские граждане, и вы получите все права». Русским же человеком может быть только тот, кто желает «обновить, просветить и возвеличить родину», кто предан «не на жизнь, а на смерть Царю, олицетворяющему Россию».

Этими словами человека, который на деле подтвердил, что он не на жизнь, а на смерть предан Царю, мы можем закончить наш краткий очерк. Деятельность Столыпина в Третьей Думе – его выступления по финляндскому вопросу, по Амурской железной дороге, по реорганизации флота и по другим более второстепенным вопросам – настолько еще свежи в памяти публики, что в настоящее время мы не считаем нужным к ним возвращаться.

Что бы ни говорили враги Столыпина, он первый дал в Государственной думе верный тон для взаимоотношений между исполнительной и законодательной властью; он первый начертал ту программу обновления строя, которую он неуклонно проводил до последнего дня своей жизни и которая, надо полагать, будет осуществляться и впредь. Ибо для человека, погибшего трагической смертью на своем посту, не может и не должно быть лучшего признания заслуг, как если преемники его вдохновятся заветами, выработанными во время государственной бури и оправдавшими себя в той сравнительно тихой гавани, куда П.А. Столыпин привел Россию.

П.А. Столыпин

Ответ на запрос Государственной думы об оказании помощи голодающим, данный 12 июня 1906 г.

Отвечая на запрос Государственной думы об оказании помощи голодающим и затрагивая в первый раз этот вопрос громадной государственной важности, я должен отметить, что мы в настоящем году стоим перед необходимостью затратить громадные средства из общегосударственного бюджета на помощь жертвам неурожая и голода. В министерство поступают в настоящее время последние телеграфные сведения с мест о тех цифрах, которые необходимы для наших соображений. В настоящее время нельзя терять время для закупки семян. Надо успеть запастись ими, перевезти на место, раздать населению, сделать это так, чтобы не повышать чрезмерно цен и чтобы семена соответствовали местным потребностям.

По этому делу министерство внесет в Государственную думу проект, затрагивающий разрешение крупного, многомиллионного расхода на этот предмет. В настоящее время я буду чрезвычайно краток, но уж из сказанного видно, что меры помощи по неурожаю должны быть обдуманы, и они обдумываются своевременно: план действий принимается в то время, когда наступает первая тревога за посевы. Вследствие сего первый пункт запроса, мне предъявленного, касается не тех мер, которые намерено принять правительство, а тех мер, которые уже были своевременно приняты правительством в прошлом году. Я постараюсь в нескольких словах обрисовать картину минувшей кампании,

которая, кстати сказать, была самой крупной продовольственной кампанией из всех бывших до настоящего времени.

Бедствие коснулось 24 губерний и двух областей. На одно обсеменение было отпущено более 3,5 миллиона. Заготовка семян была поручена крестьянским учреждениям. К началу августа все семена на местах были розданы населению, посев был своевременно произведен, и жалоб на недостачу семян не поступало. Всходы были хороши. Вслед за семенной кампанией наступила кампания продовольственная и заготовка яровых семян. Обследование в этом отношении началось с 27 мая и кончилось в августе месяце. Тогда только представилась возможность определить приблизительно нужду населения, обрисовать всю громадность потребности, те десятки миллионов, которые отвечали нуждам голодающего населения.

В этих целях было созвано особое совещание под председательством товарища министра. В совещании приняли участие не только должностные лица, но и председатели губернских земских управ, представители хлебных фирм, представители бирж, железных дорог, частных обществ. Был установлен план действий; были приняты следующие меры: во-первых, к закупке продовольственного и семенного хлеба и к выдаче его населению были привлечены крестьянские учреждения. К организации продажи хлеба по заготовительной цене и корма скота были привлечены земские организации. В организации общественных работ в местностях, пораженных неурожаем,

приняли участие главное управление землеустройства, главное управление уделов, земские учреждения и общества домов трудолюбия и работных домов. К организации благотворительной помощи, то есть выдаче безвозвратного пособия, были привлечены общественные благотворительные учреждения, главным образом общеземская организация.

Установив план действий, министерство приступило к его выполнению. Закупка продовольственного хлеба началась в сентябре; кончилась почти во всех губерниях в феврале, кроме северных губерний и Витебской, куда хлеб был привезен в конце марта, так как посев совершается там позже. Хлеб был куплен по цене недорогой; не было того нежелательного явления, которое наблюдалось в 1891 г., когда цены на хлеб поднялись до такой меры, что правительство было принуждено запретить вывоз его за границу.

Всего из общеимперского капитала на нужды обсеменения и продовольствия истрачено 54 196 717 руб. Затем на организацию по продаже хлеба и кормов для скота по заготовительной цене министерство отпустило губернаторам и уездным земским управам 9 162 650 руб. Затем на организацию общественных работ истрачено было 3 738 622 руб. Из них отпущено было земским учреждениям 1 910 922 руб. и попечительству о домах трудолюбия 1 828 000 руб.

Наконец, по благотворительности было отпущено 3 056 000 руб., из которых 2 000 000 руб. на общеземскую организацию и остальная сумма – губернским земским управам.

Таким образом, всего в текущую кампанию из общеимперского продовольственного капитала было отпущено 73 732 539 руб.; но если считать запас, хлебозапасные магазины, если перевести их на деньги, то истрачено было более 80 000 000 руб.

Министерство внутренних дел имело, конечно, в виду всегда обеспечить население до нового урожая; поэтому в тех местностях, где не предвиделось заработка весной, предельным сроком выдачи ссуд было определено 1 июля. К этому времени, особенно ввиду ранней жаркой весны настоящего года, была уже предположена возможность приступить к сборам нового урожая.

Нет сомнения, что правительство и министерство, приняв все зависящие от него меры обеспечить продовольствие населению, тем не менее не может не удостоверить, что без самодеятельности самого населения оно не может вполне удовлетворить его потребности, так как по самому закону размер пайка продовольствия равняется для взрослого человека 1 пуд в месяц, а для малолетнего – 20 фунтам. Затем, в настоящее время в распоряжении министерства остается еще 300 000 руб. из общеимперского продовольственного капитала, каковыми деньгами могут быть удовлетворены отдельные нужды, вновь появляющиеся в настоящее время.

Перейду к вопросу о заболеваниях. За всю продовольственную кампанию ни от местных властей, ни от земств, ни от Вольно-экономического общества министерство не получало каких-либо сведений о развитии эпидемических заболеваний на почве недоедания. Затем министерство, следя за

сведениями, появляющимися в периодической печати, делало соответствующие расследования, но большею частью выяснялось, что сведения эти во многих случаях были преувеличены.

Так, в Воронежской губернии в феврале месяце выяснилось, что случаи брюшного тифа имели характер спорадический. По Рязанской губернии разъяснилось, что не было никаких заболеваний цингой. В Саратовской губернии, Хвалынском уезде и в Казанской губернии, в Тетюшском и Спасском уездах были отдельные случаи заболевания цингой между татарами, по большей части безземельными, но это – явление, которое повторяется из года в год, в самые даже урожайные, плодородные годы. Надо остановиться еще на Воронежской губернии; так, в селении Конь-Колодец обнаружены были случаи сыпного тифа на почве недоедания.

Меры к прекращению этой эпидемии были приняты. Туда был направлен отряд Красного Креста с врачом, сестры милосердия, председатель губернской земской управы и врачебный инспектор. Была усилена деятельность столовых, было послано еще 9000 пудов хлеба, затем еще 3000 пудов на усиление деятельности этих столовых.

Остановлюсь теперь на вопросе о лишении продовольствия и обсеменения полей тех крестьян, которые участвовали в аграрных беспорядках. Тут дело идет о циркуляре министра внутренних дел от 11 ноября минувшего года, который был вызван тем явлением, что местными крестьянами кое-где были разрушены и разграблены местные продовольственные магазины, а также запасы

хлеба, купленные правительством для удовлетворения местной нужды.

Вслед за этим некоторые губернаторы обратились к министру с вопросом о том, надлежит ли распространять это на семьи лиц, участвовавших в аграрных беспорядках. Тогда же было сделано разъяснение, что это распоряжение семей касаться не может. Таким образом, и своевременно, и в настоящее время семьи лиц, участвовавших в аграрных беспорядках, конечно, не могли быть лишены ни ссуды продовольственной, ни ссуды на обсеменение.

В заключение я должен дать объяснение по последней части запроса о том, намерен ли министр внутренних дел допускать и впредь применение административных исключительных законов и полномочий по отношению к тем частным лицам и учреждениям, которые приходят на помощь населению, и ставить им препятствия, невзирая на нужды населения. Мне кажется, тут кроется некоторое недоразумение. Насколько я мог разобраться в делах министерства, некоторые препятствия встретили те лица, которые помимо благотворительной деятельности были уличены в деятельности другого рода.

Так, в Казанской губернии некоторые препятствия встретили столовые, организаторы которых были арестованы и привлечены к судебной ответственности. Немедленно после привлечения к судебной ответственности, вместо закрытых столовых были открыты новые столовые членами того же кружка, которым это запрещено не было, а также были открыты столовые губернской земской

управы. Относительно Елизаветинского уезда Херсонской губернии: там местный генерал-губернатор, действительно, отклонил предложение Пироговского общества врачей послать врачебно-продовольственный отряд, но вызвано это было тем, что медицинской помощи на месте было, по его мнению, достаточно; там и впоследствии эпидемических заболеваний не было.

Что же касается Нижегородской, Пензенской и Тульской губерний, то там случаев закрытия столовых Московского комитета помощи голодающим и Вольно-экономического общества, арестов и высылок уполномоченных не было.

Встретил некоторые препятствия граф Толстой в Пензенской губернии, но путем телеграфных сношений препятствия были устранены.

В Ефремовском уезде последнее время встретили препятствия тоже члены Вольно-экономического общества, но опять-таки ввиду того, что некоторые из лиц, занимавшихся открытием столовых, были привлечены к ответственности на основании 1035 статьи уложения.

Затем в Витебской губернии был случай, когда некий М. Н. фон Ренненкампф, член Вольно-экономического общества, обратился в губернское присутствие и там ему были даны все сведения, которых он требовал относительно частичного недорода. Он выехал на место и приступил к устройству столовых; оттуда он выехал за недостатком средств на поддержание столовых.

На будущее время я должен сказать, что ни местные организации, ни вообще частные люди не только не будут встречать каких-либо препятст-

вий со стороны местной власти, но найдут всегда полное сочувствие в этом деле крайней необходимости.

Мне кажется, насколько нелепо было бы ставить препятствия частным лицам в области помощи голодающим, настолько преступно было бы бездействие власти по отношению к лицам, прикрывающимся благотворительностью в целях противозаконных.

Затем, если Государственной думе до издания законопроекта об ассигновании средств на помощь и обсеменение в нынешнем году желательно выслушать дополнительные объяснения, то их могут дать лица, ближайшим образом ведающие этим делом в Министерстве внутренних дел и присутствующие здесь в зале.

Я вхожу на эту трибуну не для того, чтобы ответить на те речи, которые выслушал здесь.

Я внесу только маленькую поправку. Один из ораторов, речь которого я слушал с большим интересом, сказал, что министр внутренних дел заявил о том, что весь план всех действий и данные по предстоящему бедствию уже разработаны в Министерстве внутренних дел.

Я же сказал, что все числовые сведения с мест, все цифры, которые понадобятся, нами собираются и будут скоро собраны; затем я указал на то, что вопрос о том, какая нам предстоит кампания и сколько потребуется на нее миллионов, будет внесен в одно из ближайших заседаний Думы.

Речь князя Львова глубоко меня заинтересовала – она относится к тому времени, когда продовольственная кампания прошла благополучно. Те-

перь, конечно, все мысли Министерства внутренних дел обращены к тому, чтобы нынешнюю кампанию провести насколько возможно благополучнее, то есть чтобы голодные были насыщены, поля обсеменены и чтобы к этому делу привлечь все живые общественные силы на местах, которые этому делу могут помочь.

Затем, что касается нападок на те препятствия, которые встречали лица, работавшие в нынешнем году, то я должен напомнить, что мы переживали такое время погромов, страхов... *(шум)*, что и наличность препятствий может быть легко понята. Затем скажу еще относительно тех лиц, которые, входя на эту трибуну слева, заявляли, что они не обладают ни самомнением, ни самообольщением; я скажу на их клеветы, на их угрозы, на их... *(шум, крики: «Довольно!»)*, на их угрозу захвата исполнительной власти *(шум, крики: «Довольно!»)*, что министр внутренних дел, носитель законной власти, им отвечать не будет... *(шум, крики: «Довольно! Белосток! Погромщик! Довольно! Долой!»)*.

Ответ на вопрос, касающийся члена Государственной думы Седельникова, данный 22 июня 1906 г.

Один из членов Государственной думы обратился ко мне с вопросом о том, могу ли я дать немедленное объяснение по нареканию, которое только что было высказано в Государственной думе.

Я должен сказать, что по этому поводу вчера вечером я получил по телефону сообщение от петер-

бургского градоначальника. Он сообщил мне об этом печальном факте, и мною, конечно, были сейчас же приняты меры для того, чтобы этот факт был расследован, для того, чтобы он был для меня вполне ясен. Затем сегодня, в представленной мне суточной ведомости о происшествиях, он подробнее несколько описан.

Но мне кажется несомненно, что министр внутренних дел может давать разъяснения и вступать в объяснения с Государственной думой только после того, как он будет вооружен совершенно беспристрастными фактами, когда события получили в его голове полную ясность и сложились из определенных слагаемых. Только тогда он будет в состоянии объяснить Государственной думе то, каким ему это событие представляется.

В настоящее время я могу только удостоверить, что лицо, стоящее во главе управления внутренних дел, которому подчинена полиция, несомненно, примет все меры к тому, что, если окажется, что действие было преступное и незаконное, последствием этого было бы взыскание, как это и должно быть по закону.

Думаю, что Государственная дума не будет от меня теперь требовать более подробного объяснения, так как несомненно, что та версия, в которой мне было представлено дело, несколько расходится с той версией, которая была представлена здесь.

Таким образом, всякие объяснения с моей стороны были бы по необходимости теперь неполными, вследствие невыясненности еще события, вызвали бы только страстность прений, разожгли бы

i - 1015

еще более страсти, тогда как в этом деле нужно спокойствие, необходимо проявить власть законную... *(шум и крики)*, а не действовать под влиянием страстей.

Я должен заявить, что министр финансов может завтра прибыть в заседание только после перерыва, так как у него завтра всеподданнейший доклад. Так что если присутствие министра финансов является нужным, что, по моему мнению, необходимо, то я ходатайствовал бы о назначении продовольственного вопроса на после перерыва.

Первое выступление П.А. Столыпина во Второй Государственной думе в качестве председателя Совета министров 6 марта 1907 г.

Перед началом совместной с Государственной думой деятельности я считаю необходимым с возможною полнотою и ясностью представить созванному волею Монарха законодательному собранию общую картину законодательных предположений, которые министерство решило представить его высокому вниманию.

Но прежде чем перейти к изложению существа отдельных законопроектов, прежде чем попытаться осветить руководящую идею правительства, я не могу не остановить внимания Государственной думы на положении, которое займет правительство по отношению к вносимым им законопроектам. Я разумею существо и порядок их защиты.

В странах с установившимся правительственным строем отдельные законопроекты являются в общем укладе законодательства естественным отражением новой назревшей потребности и находят себе готовое место в общей системе государственного распорядка. В этом случае закон, прошедший все стадии естественного созревания, является настолько усвоенным общественным самосознанием, все его частности настолько понятны народу, что рассмотрение, принятие или отклонение его является делом не столь сложным и задача правительственной защиты сильно упрощается.

Не то, конечно, в стране, находящейся в периоде перестройки, а следовательно, и брожения.

Тут не только каждый законопроект, но каждая отдельная его черта, каждая особенность может чувствительно отозваться на благе страны, на характере будущего законодательства. При множестве новизны, вносимой в жизнь народа, необходимо связать все отдельные правительственные предположения одною общею мыслью, мысль эту выяснить, положить ее в основание всего строительства и защищать ее, поскольку она проявляется в том или другом законопроекте. Затем следует войти в оценку той мысли, которая противополагается мысли законопроекта, и добросовестно решить, совместима ли она, по мнению правительства, с благом государства, с его укреплением и возвеличением и потому приемлема ли она.

В дальнейшей же выработке самих законов нельзя стоять на определенном построении, необходимо учитывать все интересы, вносить все изме-

нения, требуемые жизнью, и, если нужно, подвергать законопроекты переработке, согласно выяснившейся жизненной правде.

В основу всех тех правительственных законопроектов, которые министерство вносит ныне в Думу, положена поэтому одна общая руководящая мысль, которую правительство будет проводить и во всей своей последующей деятельности.

Мысль эта – создать те материальные нормы, в которые должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени. Преобразованное по воле Монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое, так как, пока писаный закон не определит обязанностей и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, то есть не будут прочно установлены.

Правовые нормы должны покоиться на точном, ясно выраженном законе еще и потому, что иначе жизнь будет постоянно порождать столкновения между новыми основаниями общественности и государственности, получившими одобрение Монарха, и старыми установлениями и законами, находящимися с ними в противоречии или не обнимающими новых требований законодателя, а также произвольным пониманием новых начал со стороны частных и должностных лиц.

Вот почему правительство главнейшею своею обязанностью почло представить на уважение Государственной думы и Государственного совета целый ряд законопроектов, устанавливающих твер-

дые устои новоскладывающейся государственной жизни России.

Но, прежде чем перейти к выработанным законопроектам, я должен упомянуть о тех законах, которые, ввиду их чрезвычайной важности и спешности, были проведены в порядке статьи 87 Основных законов и подлежат также рассмотрению Государственной думы и Совета.

Не останавливаясь на законах, ведущих к равноправию отдельных слоев населения и свободе вероисповедания, срочность осуществления которых не нуждается в разъяснении, считаю долгом остановиться на проведенных, в порядке чрезвычайном, законах об устройстве быта крестьян.

Настоятельность принятия в этом направлении самых энергичных мер настолько очевидна, что не могла подвергаться сомнению. Невозможность отсрочки в выполнении неоднократно выраженной воли Царя и настойчиво повторявшихся просьб крестьян, изнемогающих от земельной неурядицы, ставили перед правительством обязательство не медлить с мерами, могущими предупредить совершенное расстройство самой многочисленной части населения России. К тому же на правительстве, решившем не допускать даже попыток крестьянских насилий и беспорядков, лежало нравственное обязательство указать крестьянам законный выход в их нужде.

В этих видах изданы были законы о предоставлении крестьянам земель государственных, а Государь повелел передать на тот же предмет земли удельные и кабинетские на началах, обеспечива-

ющих крестьянское благосостояние. Для облегчения же свободного приобретения земель частных и улучшения наделов изменен устав Крестьянского банка в смысле согласования с существующим уже в законе, но остававшимся мертвою буквою разрешением залога надельных земель в казенных кредитных учреждениях, причем приняты все меры в смысле сохранения за крестьянами их земель.

Наконец, в целях достижения возможности выхода крестьян из общины, издан закон, облегчающий переход к подворному и хуторскому владению, причем устранено всякое насилие в этом деле и отменяется лишь насильственное прикрепление крестьянина к общине, уничтожается закрепощение личности, несовместимое с понятием о свободе человека и человеческого труда.

Все эти законы вносятся на усмотрение Государственной думы и Государственного совета.

Но, наряду с неотложными, уже вошедшими временно в действие законами, правительство изготовило в области внутреннего управления еще целый ряд законопроектов, также вносимых в Государственную думу в нынешнюю сессию.

Ранее всего правительство почло своим долгом выработать законодательные нормы для тех основ права, возвещенных манифестом 17 октября, которые еще законом не установлены.

Тогда как свобода слова, собраний, печати, союзов определены временными правилами, свобода совести, неприкосновенность личности, жилищ, тайна корреспонденции остались не нормированы нашим законодательством.

Вследствие сего, в целях выполнения задачи проведения в жизнь начал веротерпимости, правительство вменило себе прежде всего в обязанность подвергнуть пересмотру все действующее отечественное законодательство и выяснить те изменения, которым оно должно подлежать в целях согласования с указами 17 апреля и 17 октября 1905 г.

Но ранее этого правительство должно было остановиться на своих отношениях к Православной Церкви и твердо установить, что многовековая связь русского государства с христианской церковью обязывает его положить в основу всех законов о свободе совести начала государства христианского, в котором Православная Церковь, как господствующая, пользуется данью особого уважения и особою со стороны государства охраною.

Оберегая права и преимущества Православной Церкви, власть тем самым призвана оберегать полную свободу ее внутреннего управления и устройства и идти навстречу всем ее начинаниям, находящимся в соответствии с общими законами государства. Государство же и в пределах новых положений не может отойти от заветов истории, напоминающей нам, что во все времена и во всех делах своих русский народ одушевляется именем Православия, с которым неразрывно связаны слава и могущество родной земли.

Вместе с тем права и преимущества Православной Церкви не могут и не должны нарушать прав других исповеданий и вероучений. Поэтому, с целью проведения в жизнь Высочайше дарованных

узаконений об укреплении начал веротерпимости и свободы совести, министерство вносит в Государственную думу и Совет ряд законопроектов, определяющих переход из одного вероисповедания в другое;

беспрепятственное богомоление, сооружение молитвенных зданий, образование религиозных общин, отмену связанных исключительно с исповеданием ограничений и т. п.

Переходя к неприкосновенности личности, Государственная дума найдет в проекте министерства обычное для всех правовых государств обеспечение ее, причем личное задержание, обыск, вскрытие корреспонденции обусловливаются постановлением соответственной инстанции, на которую возлагается и проверка в течение суток оснований законности ареста, последовавшего по распоряжению полиции.

Отклонение от этих начал признано допустимым лишь при введении, во время войны или народных волнений, исключительного положения, которое предполагается одно вместо трех, ныне существующих, причем административную высылку в определенные места предположено совершенно упразднить.

Кроме этих законопроектов общего характера, устанавливающих обязанности и права подданных Российской державы, правительство выработало ряд законопроектов, перестраивающих местную жизнь на новых началах. Так как местная жизнь охватывается областью самоуправления земского и городского, областью управления (администрация) и полицейскими мероприятиями,

то и проекты министерства касаются именно этих отраслей нашего законодательства.

Как в губернии, так и в уезде деятельность административная, полицейская и земская течет по трем параллельным руслам, но чем ближе к населению, тем жизнь упрощается и тем необходимее остановиться на ячейке, в которой население могло бы найти удовлетворение своих простейших нужд. Таким установлением по проекту министерства должна явиться бессословная, самоуправляющаяся волость в качестве мелкой земской единицы.

Полицейские ее обязанности должны ограничиться простейшими обязанностями местной общественной полиции, а административные предполагается свести к делам, касающимся воинской повинности, ведению посемейных списков, некоторым податным действиям и т. п.

В ведение волости должны входить все земли, имущества и лица, находящиеся в ее пределах. Волость будет самой мелкой административно-общественной единицей, с которой будут иметь дело частные лица, но при этом лица, владеющие землею совместно, миром, то есть главным образом владельцы надельной земли, образуют из себя, исключительно для решения своих земельных дел, особые земельные общества, сохраняющие некоторые преимущества, а именно неотчуждаемость надельных земель и применение к наследованию ими местных обычаев.

Таким образом земельным обществам не будет присвоено никаких административных обязанностей, создаются они для совместного ведения быв-

шими надельными землями, причем предполагаются меры против чрезмерного сосредоточения этих земель в одних руках и против чрезмерного дробления их, а равно к упрочению совершения на них актов.

Для удовлетворения же простейших потребностей села, вытекающих из совместного проживания, предположено ввести в селах крупных, а также таких, в которых проживают посторонние крестьянам лица, особые поселковые управления, с участием помянутых посторонних лиц и в управлении, и в обложении.

Все сказанные организации получили свое выражение во вносимых в Государственную думу и Государственный совет проектах земельных обществ, поселкового и волостного управления.

Выше волостной мелкой земской единицы отрасли управления осложняются, и в соответствии с этим министерство должно было заняться реформою самоуправления земского и городского, реформою управления губернского, уездного и участкового и реформою полицейскою.

В области самоуправления министерство коснулось трех важнейших, по его мнению, общих вопросов: вопроса земского и городского представительства, вопроса об его компетенции и вопроса об отношении к самоуправлению со стороны администрации.

Одновременно министерство приступило к существенному и необходимому труду пересоставления всех уставов, точно устанавливающих обязанности земства и администрации.

В настоящее время министерство вносит в Государственную думу устав общественного призрения, устав о гужевых земских дорогах и временный закон о передаче продовольственного дела в ведение земских учреждений. Составляются уставы врачебный и строительный.

В строгой связи с преобразованием местного управления стоит и преобразование суда. С отменой учреждения земских начальников и волостных судов необходимо создать местный суд, доступный, дешевый, скорый и близкий к населению.

Министерство юстиции представляет по этим соображениям в Государственную думу проект преобразования местного суда с сосредоточением судебной власти по делам местной юстиции в руках избираемых населением из своей среды мировых судей, к компетенции которых будет отнесена значительная часть дел, подчиненных ныне юрисдикции общих судебных установлений, связь с которыми будет поддерживаться образованием для них апелляционной инстанции в виде уездных отделений окружного суда с кассационной инстанцией в лице Правительствующего сената.

Далее, в целях обеспечения в государстве законности и укрепления в населении сознания святости и ненарушимости закона, Министерство юстиции вносит в Государственную думу проект о гражданской и уголовной ответственности служащих, действительно обеспечивающей применение начала уголовной и имущественной ответственности служащих за их проступки и охраняющей вместе с тем спокойное и уверенное отправление ими службы и ограждающей их от обвинений явно не-

основательных. Деяния эти предположено поэтому подчинить общим процессуальным постановлениям, устранив все те в указанном отношении отступления от общего порядка, которые не представляются безусловно необходимыми.

Не останавливаясь на проектах об увеличении содержания должностным лицам судебного ведомства и усилении действующих штатов, не могу не обратить внимания Государственной думы на законопроекты в области уголовного права и процесса, устанавливающие целый ряд мер, которые, за сохранением незыблемыми основных начал судебных уставов Александра Второго, оправдываются указаниями практики или же отвечают некоторым получившим за последнее время преобладание в науке и уже принятым законодательствами многих государств Европы воззрениям.

Так, предполагается допущение защиты на предварительном следствии, введение состязательного начала в обряде предания суду, установление институтов условного осуждения и условного досрочного освобождения и т. п. Наряду с этим предположено введение в полном объеме нового уголовного уложения, но согласование его со всеми изданными за последнее время законоположениями.

Вносится также целый ряд законопроектов в области гражданского законодательства, проект охранительного судопроизводства и, наряду со многими имеющими меньшее значение законопроектами, проекты вотчинного устава и дополнительных к нему узаконений, направленных к установлению у нас ипотечной системы, в целях внесения в область

земельных правоотношений надлежащей гласности, определенности и твердости.

Область эта находится в тесной связи с делом землеустройства, составляющего предмет ведения другого ведомства – главного управления землеустройства и земледелия.

Названное ведомство стоит перед задачей громадного значения. Оно призвано, главным образом, содействовать экономическому возрождению крестьянства, которое ко времени окончательного освобождения от обособленного положения в государстве выступает на арену общей борьбы за существование экономически слабым, неспособным путем занятия своим исконным земледельческим промыслом обеспечить себе безбедное существование.

Поэтому главное управление поставило себе целью увеличение площади землевладения крестьян и упорядочение этого землевладения, то есть землеустройство.

Среди мер первой категории главное управление придает особое значение обеспечению земельного быта тех обществ, которые, получив дарственные наделы, не имели возможности до настоящего времени обеспечить себя землею путем покупки. Соответственный законопроект будет внесен в Государственную думу.

Способ устранения острого малоземелия главное управление видит в льготной, соответствующей ценности покупаемого и платежным способностям приобретателя, продаже земель земледельцам. Для этой цели в распоряжении правительства имеется, согласно указам 12 и 27 августа 1906 г., 9 миллио-

нов десятин и купленные с 3 ноября 1905 г. Крестьянским банком свыше 2 миллионов десятин. Но для успеха дела увеличение крестьянского землевладения надлежит связать с улучшением форм землепользования, для чего необходимы меры поощрения и главным образом кредит.

Главное управление намерено идти в этом деле путем широкого развития и организации кредита земельного, мелиоративного и переселенческого.

Что касается землеустройства, то вносимое по этому предмету положение имеет целью устранение неудобств, сопряженных с внутринадельным расположением участков отдельных селений и домохозяев, облегчение разверстания чересполосицы, облегчение выделения домохозяевам отрубных участков, упрощение способов отграничительных межеваний и принудительное разверстание чересполосных владений, при условии признания этой чересполосности вредною.

Спешное осуществление аграрных мероприятий находится в зависимости от деятельности местных землеустроительных комиссий, необходимость переустройства которых сознается главным управлением, составившим проект, имеющий целью:

1) теснее связать эти комиссии с местным населением путем усиления в них выборного начала и

2) придать им рабочие силы для проектирования и осуществления землеустроительных планов.

Хотя преобладающим по численности населением у нас является население сельское, но правительство считает настоятельно необходимым при-

нять в законодательном порядке ряд мер и по отношению к рабочим.

В основу предполагаемой реформы положены признание безусловной необходимости положительного и широкого содействия государственной власти благосостоянию рабочих и стремление к исправлению недостатков в их положении.

Рассматривая рабочее движение как естественное стремление рабочих к улучшению своего положения, реформа должна предоставить этому движению естественный выход, с устранением всяких мер, направленных к искусственному его поощрению, а также к стеснению этого движения, поскольку оно не угрожает общественному порядку и общественной безопасности.

Поэтому реформа рабочего законодательства должна быть проведена в двоякого рода направлении:

в сторону оказания рабочим положительной помощи и в направлении ограничения административного вмешательства в отношения промышленников и рабочих, при предоставлении как тем, так и другим необходимой свободы действий через посредство профессиональных организаций и путем ненаказуемости экономических стачек.

Главнейшей задачей в области оказания рабочим положительной помощи является государственное попечение о неспособных к труду рабочих, осуществляемое путем страхования их в случаях болезни, увечий, инвалидности и старости. В связи с этим намечена организация врачебной помощи рабочим.

В целях охранения жизни и здоровья подрастающего рабочего поколения установленные ныне нормы труда малолетних рабочих и подростков должны быть пересмотрены с воспрещением им, как и женщинам, производства ночных и подземных работ. В связи с этим установленную законом 2 июня 1897 г. продолжительность труда взрослых рабочих предполагается понизить.

Независимо от целого ряда менее важных преобразований в области рабочего законодательства, Министерство торговли и промышленности полагает внести на обсуждение Государственной думы вопрос о защите интересов русской торговли и промышленности на Дальнем Востоке путем закрытия там порто-франко, установленного вследствие военных действий Высочайшим указом от 1 мая 1904 г.

В числе многочисленных проектов, вносимых в Государственную думу Министерством путей сообщения, я считаю долгом обратить внимание на настоятельную необходимость тех из них, которые имеют целью развитие и улучшение нашей рельсовой сети, разросшейся за последнее десятилетие с 35 300 верст до 61 725 верст.

Из предполагаемых же к постройке новых дорог я считаю долгом указать на Амурскую дорогу, которую предполагается провести от одной из конечных станций Забайкальской железной дороги до Хабаровска для создания непрерывного пролегающего по русской территории рельсового пути, соединяющего Европейскую Россию с дальневосточными окраинами. Этого требуют жизненные интересы России.

Кроме этого вниманию Государственной думы будет предложен целый ряд проектов о работах по развитию и улучшению внутренних водных путей и шоссейных дорог, а также срочные, имеющие большую важность проекты, касающиеся правовых отношений, как, например, закон о судоходстве и сплаве и новый закон об отчуждении недвижимых имуществ для нужд государственных и общественных.

Сознавая необходимость приложения величайших усилий для поднятия экономического благосостояния населения, правительство ясно отдает себе отчет, что усилия эти будут бесплодны, пока просвещение народных масс не будет поставлено на должную высоту и не будут устранены те явления, которыми постоянно нарушается правильное течение школьной жизни в последние годы, явления, свидетельствующие о том, что без коренной реформы наши учебные заведения могут дойти до состояния полного разложения.

Школьная реформа на всех ступенях образования строится Министерством народного просвещения на началах непрерывной связи низшей, средней и высшей школы, но с законченным кругом знаний на каждой из школьных ступеней.

Особые заботы Министерства народного просвещения будут направлены к подготовке преподавателей для всех ступеней школы и к улучшению их материального положения.

Затем:

1) ближайшей своей задачей Министерство народного просвещения ставит установление совместными усилиями правительства и общества об-

щедоступности, а впоследствии и обязательности, начального образования для всего населения Империи.

В области средней школы министерство будет озабочено созданием разнообразных типов учебных заведений, с широким развитием профессиональных знаний, но с обязательным для всех типов минимумом общего образования, требуемого государством.

В реформе высшей школы министерство ставит себе задачей укрепление тех начал, которые положены в основу предположенных преобразований Высочайшим указом 27 августа 1905 г., и согласование их с интересами общегосударственными, на основании опыта применения действующих временных правил.

Проведение в жизнь всех вышеизложенных законодательных предположений находится в зависимости от возможности их осуществления в финансовом отношении. С этой стороны Государственной думе и Государственному совету предстоит задача первостепенной важности:

на рассмотрение их вносится государственная роспись, затрагивающая самые жизненные потребности государства. Правительство приглашает Государственную думу приступить к немедленному ее рассмотрению, так как вопросы бюджета настоятельно срочны и требуют величайшего внимания, тем более что положение России вызывает необходимость строгой бережливости, тогда как новые реформы требуют новых затрат. Настоящая минута тем более трудна, что она совпала с весьма крупным сокращением доходного бюджета, обра-

зовавшимся вследствие отмены манифестом 3 ноября 1905 г. выкупных платежей крестьян и увеличения расходов на платежи процентов и погашения по займам, заключенным для покрытия военных расходов.

Осложняется положение еще и тем, что искусственное задерживание нарастания государственных потребностей на долгое время невозможно. В развитии государства, как отдельного лица, бывают критические периоды усиленного роста. Происшедшее в октябре 1905 г. коренное изменение в нашем государственном устройстве открыло собою, как указано выше, эту эпоху и выдвинуло на очередь целый ряд потребностей в самых различных отраслях государственной жизни.

Наконец, неудачная для нас война вызывает необходимость крупных затрат на возрождение нашей армии и флота. Как бы ни было велико наше стремление к миру, как бы громадна ни была потребность страны в успокоении, но если мы хотим сохранить наше военное могущество, ограждая вместе с тем самое достоинство нашей родины, и не согласны на утрату принадлежащего нам по праву места среди великих держав, то нам не придется отступить перед необходимостью затрат, к которым нас обязывает все великое прошлое России. Конечно, чрезвычайному характеру этих потребностей может соответствовать только обращение к чрезвычайным ресурсам.

Эти соображения должны быть предпосланы рассмотрению Государственной думой внесенных в нее Министерством финансов законодательных

предположений об установлении новых налогов и преобразовании некоторых существующих видов обложения.

В этих предположениях руководящею мыслью Министерства финансов было достижение возможной равномерности обложения и возможное освобождение широких масс неимущего населения от дополнительного налогового бремени. Некоторое исправление в недостаточную уравнительность нашей податной системы внесет, по проекту Министерства финансов, подоходный налог. Проекты же обложения некоторых предметов, доступных лицам достаточным, вызваны стремлением министерства избежать отягощения малоимущих слоев населения. Остальные проекты Министерства финансов относятся к осуществлению мысли о пересмотре системы реального обложения и о преобразовании некоторых видов пошлин, и главным образом пошлин наследственных.

Все эти преобразования не являются осуществлением полной и стройной реформы податного строя. При теперешних обстоятельствах правительство надеется лишь достигнуть ими, при наименьших жертвах со стороны плательщиков, возможности не только проведения настоятельно необходимых государственных реформ, но и оживления деятельности органов общественного самоуправления путем передачи им некоторой части нынешних государственных доходов, так как, расширяя круг действия земств и городов, правительство обязано дать им возможность выполнить возложенные на них обязанности.

Изложив перед Государственной думой программу законодательных предположений правительства, я бы не выполнил своей задачи, если бы не выразил уверенности, что лишь обдуманное и твердое проведение в жизнь высшими законодательными учреждениями новых начал государственного строя поведет к успокоению и возрождению великой нашей родины.

Правительство готово в этом направлении приложить величайшие усилия: его труд, добрая воля, накопленный опыт предоставляются в распоряжение Государственной думы, которая встретит в качестве сотрудника правительство, сознающее свой долг хранить исторические заветы России и восстановить в ней порядок и спокойствие, то есть правительство стойкое и чисто русское, каковым должно быть и будет правительство Его Величества. *(Аплодисменты справа.)*

Разъяснение П.А. Столыпина, сделанное после думских прений, 6 марта 1907 г.

Господа, я не предполагал выступать вторично перед Государственной думой, но тот оборот, который приняли прения, заставляет меня просить вашего внимания.

Я хотел бы установить, что правительство во всех своих действиях, во всех своих заявлениях Государственной думе будет держаться исключительно строгой законности.

Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна была бы совместная работа, найти тот язык, который был бы одинаково нам понятен. Я отдаю себе отчет, что таким языком не может быть язык ненависти и злобы; я им пользоваться не буду.

Возвращаюсь к законности. Я должен заявить, что о каждом нарушении ее, о каждом случае, не соответствующем ей, правительство обязано будет громко заявлять; это его долг перед Думой и страной. В настоящее время я утверждаю, что Государственной думе, волею Монарха, не дано право выражать правительству неодобрение, порицание и недоверие.

Это не значит, что правительство бежит от ответственности. Безумием было бы полагать, что люди, которым вручена была власть, во время великого исторического перелома, во время переустройства всех государственных, законодательных устоев, чтобы люди, сознавая всю тяжесть возложенной на них задачи, не сознавали и тяжести взятой на себя ответственности, но надо помнить, что в то время, когда в нескольких верстах от столицы и от Царской резиденции волновался Кронштадт, когда измена ворвалась в Свеаборг, когда пылал Прибалтийский край, когда революционная волна разлилась в Польше и на Кавказе, когда остановилась вся деятельность в Южном промышленном районе, когда распространялись крестьянские беспорядки, когда начал царить ужас и террор, правительство должно было или отойти и дать дорогу революции, забыть, что власть есть хранительница государственности и целости рус-

ского народа, или действовать и отстоять то, что было ей вверено.

Но, господа, принимая второе решение, правительство роковым образом навлекло на себя и обвинение. Ударяя по революции, правительство несомненно не могло не задеть и частных интересов. В то время правительство задалось одною целью – сохранить те заветы, те устои, те начала, которые были положены в основу реформ Императора Николая Второго.

Борясь исключительными средствами в исключительное время, правительство вело и привело страну во Вторую думу. Я должен заявить и желал бы, чтобы мое заявление было слышно далеко за стенами этого собрания, что тут волею Монарха нет ни судей, ни обвиняемых и что эти скамьи – не скамьи подсудимых, это место правительства. *(Голоса справа: «Браво, браво».)*

За наши действия в эту историческую минуту, действия, которые должны вести не ко взаимной борьбе, а к благу нашей родины, мы точно так же, как и вы, дадим ответ перед историей.

Я убежден, что та часть Государственной думы, которая желает работать, которая желает вести народ к просвещению, желает разрешить земельные нужды крестьян, сумеет провести тут свои взгляды, хотя бы они были противоположны взглядам правительства. Я скажу даже более.

Я скажу, что правительство будет приветствовать всякое открытое разоблачение какого-либо неустройства, каких-либо злоупотреблений.

В тех странах, где еще не выработано определенных правовых норм, центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях.

Людям, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребления будут разоблачаемы, пусть они будут судимы и осуждаемы, но иначе должно правительство относиться к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление.

Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич и воли, и мысли, все они сводятся к двум словам, обращенным к власти: «Руки вверх». На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: «Не запугаете». *(Аплодисменты справа.)*

Заявление П.А. Столыпина в связи с производством выборов во Вторую Государственную думу

С наступлением начала выборов некоторые политические партии, с целью склонить на свою сторону избирателей, не ограничиваются распространением среди населения своих взглядов и убеждений путем печати и собраний, но силятся представить в искаженном свете действия и намерения правительства для проведения на выборах лиц, враждебно к нему настроенных. Вам, как представителю власти, не надлежит вмешиваться в борьбу партий и производить давление на выборы. Подтверждаю неоднократные указания мои на обязанность вашу ограждать полную свободу вы-

боров, пресекая лишь самым решительным образом попытки использовать публичные собрания для агитации революционной. Но, ограничив этим вмешательство администрации в выборную кампанию, считаю нужным указать вам на необходимость широкого опровержения всех ложных слухов, представляющих в извращенном виде действия и виды правительства.

Ясно и определенно поставленная программа правительства известна вашему превосходительству. Обнародованная 24 августа, она не нуждается в повторении. Но от вас, как от представителя правительственной власти на месте, должны исходить авторитетные указания на неизменность правительственной политики, не могущей поддаваться каким-либо колебаниям вследствие обстоятельств случайных и проходящих.

В ряду этих вопросов на первом месте стоит отношение правительства к Государственной думе. Призванная Государем служить основою законодательного строя в Империи, являясь важнейшим фактором воссоздания крепких государственных устоев и порядка, имея право законодательной инициативы, Государственная дума встретит в правительстве живейшее и искреннейшее стремление согласованной плодотворной творческой работы.

При настоящем бурном течении общественной жизни правительство сознает громадную трудность безошибочной постановки и решения вопросов, связанных с изменением правовых и социальных норм, и в критике своих предположений, так

же, как в детальном и практическом обсуждении предположений Думы, – оно видит залог успеха в деле преобразования государства.

Относясь с полным уважением к правам Государственной думы в области законодательства, бюджета и запросов, правительство будет неуклонно держаться во всех своих действиях существующих законов, так как лишь строгим выполнением и подчинением законам как правительство, так и Дума могут сохранить Монаршее доверие, наличность которого одна обеспечивает возможность их совместной работы. Установив всю злонамеренность толков о желании правительства созвать Думу лишь с целью ее непременного роспуска и возвращения к прежним, осужденным Государем порядкам, надлежит иметь на местах ясное представление о предположениях правительства в области ближайшего законодательства.

Приближение органов самоуправления к населению в виде установления всесословной волости как мелкой земской единицы, привлечение большего числа лиц к задачам самоуправления посредством уменьшения цензовых норм и расширение компетенции органов самоуправления будут предложены правительством в целях создания устойчивых самоуправляющихся ячеек, основы децентрализации.

При введении подоходного налога правительство предполагает подкрепить средства земств и городов, передав им части некоторых казенных поступлений. Вместе с тем, введение местных выборных судей и объединение административной

власти в губернии и уезде довершит упрочение устойчивого местного уклада.

Но главнейшею, неустанною заботою правительства будет улучшение земельного быта крестьян. Не только создание земельного фонда и справедливая, на посильных условиях передача земель этого разряда крестьянам, но предоставление каждому трудолюбивому, энергичному работнику возможности создать собственное хозяйство, приложить свободный труд, не нарушая чужих прав, к законно приобретенной им земле – будут предметом предложений правительства в области землеустройства.

Не менее важны подготовляемые правительством законопроекты в области рабочего, школьного и административного законодательства.

Приведенное краткое перечисление дает лишь приблизительное понятие о той громадной работе переустройства, совершить которое является для Государственной думы, Государственного совета и правительства историческою обязанностью.

Переустройство это должно иметь основою укрепление и упорядочение начал истинной свободы и порядка, возвещенных с высоты Престола.

Ввиду этого правительство твердо и последовательно будет преследовать нарушителей права, прекращать со всей строгостью возникающие беспорядки и стоять на страже спокойствия страны, применяя, до полного ее успокоения, все находящиеся в его распоряжении законные средства.

П.А. Столыпин

Объяснения, касающиеся продовольственного дела, данные Государственной думе 9 марта 1907 г.

Правительство желает сделать заявление по постановке вопроса. Правительство полагает, что, согласно статье 5 Учреждения о Государственной думе, Государственная дума может для предварительной разработки подлежащих ее рассмотрению дел образовывать из своей среды отделы и комиссии.

Затем статьи 31, 32, 33 разъясняют, какие дела подлежат ведению Государственной думы. Ведению ее подлежат дела, требующие издания законов, затем предположения об отмене или изменении действующего закона. Наконец, Государственная дума может обращаться к министрам с запросами. В данном случае предложено Государственной думе образовать комиссию для рассмотрения отчета по продовольственному делу. Собственно говоря, из отчетов рассмотрению Государственной думы подлежит только отчет государственного контроля. В данном случае все сегодняшние речи имеют характер запроса к правительству о незакономерных его действиях. Поэтому предложение, поданное здесь, правительство понимает как запрос к нему, и так как в скором времени, на днях, должен быть обнародован отчет о продовольственной и семенной кампаниях, то правительство и внесет этот отчет как ответ на запрос.

Затем, согласно статье 40 Положения о Государственной думе, Государственная дума может

обращаться к министрам и главноуправляющим отдельными частями за разъяснениями, непосредственно касающимися рассматриваемых ею дел.

Если комиссия по рассмотрению отчета обратиться к министру внутренних дел или иному министру за тем или иным разъяснением и дополнением, то такое разъяснение будет немедленно представлено Государственной думе.

Затем, независимо от сего, правительство имело войти в Государственную думу с ходатайством о дополнительном ассигновании на продовольственное дело. Следовательно, при рассмотрении этого ходатайства Дума точно так же может обратиться к правительству за разъяснениями, которые и будут Государственной думе представлены.

Несомненно, в порядке 40-й статьи правительство представит Государственной думе самые подробные разъяснения, так как правительство желает исключительно пролить на это дело полный свет.

Правительство доказало уже это на несчастном деле Лидваля, само приложив все усилия к тому, чтобы это дело представить в его настоящем виде.

Что касается самого продовольственного закона, то правительство не скрывает дефектов, существующих в этом законе, и вносит в Государственную думу новые временные продовольственные правила на ее утверждение.

Затем, что касается существа тех нападок, которые правительство слышало тут, то, полагая, что эта комиссия имеет существенно важное значение и не будет только орудием для опорочения прави-

тельства в глазах народа, правительство будет и по существу дела представлять свои объяснения в самой комиссии, а по окончании ее работ тут, в Государственной думе. Поэтому я заявляю, что правительство всецело и всемерно присоединяется к предложению, внесенному членом Думы Родичевым.

Речь о временных законах, изданных в период между Первой и Второй думами[1], произнесенная в Государственной думе 13 марта 1907 г.

По обсуждаемому вопросу я, прежде всего, должен обратить внимание Государственной думы на то, что, по мнению правительства, он получает неправильное направление. Временные за-

---

[1] 27 апреля 1906 г. начала свою работу I Государственная Дума России. Просуществовала она лишь одну сессию – 72 дня. Председателем был избран представитель кадетов, профессор гражданского права С.А. Муромцев. Во время работы Думы обсуждались многочисленные проекты: об отмене смертной казни, неприкосновенности личности и др. Основным вопросом стал аграрный. Кадеты выдвинули проект принудительного отчуждении части помещичьих земель в пользу крестьянства («проект 42-х»). Проект 104-х депутатов-трудовиков требовал отчуждения всех частных земель и введения уравнительного землепользования. Некоторые депутаты требовали уничтожения частной собственности на землю и превращения ее в общенародное достояние. 8 июня Николай II распустил Думу, обвинив ее в разжигании смуты в стране.

коны, которые вошли в силу во время приостановления действия Думы, могут быть отменены только согласно статье 87 Основных государственных законов. Статья 87 гласит, что действие такой меры прекращается, если подлежащим министром или главноуправляющим отдельною частью не будет внесен в Государственную думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятым мерам законопроект.

Следовательно, самим законом установлен порядок прекращения такого временного закона. Казалось бы, что другого порядка быть не может, но если даже принять другую точку зрения, то есть что и временные законы могут быть прекращены таким же порядком, как и законы постоянные, то есть согласно статье 55 Учреждения о Государственной думе, то и в этом случае обсуждаться по существу этот вопрос может не ранее месяца после представления г. председателем Думы письменного о том заявления за подписью 30 членов Думы.

Итак, по закону вопрос этот мог бы обсуждаться не ранее 12 апреля, так как 12 марта было подано такого рода заявление. Если проект наказа проти-

---

Выборы во II Государственную Думу проходили в начале 1907 г. Она начала работу 20 февраля 1907 г. под председательством кадета Ф.А. Головина.

Основным оставался аграрный вопрос, обсуждались основные положения «столыпинской» реформы. 24 марта 1907 г. аграрная комиссия Думы отметила необходимость отчуждения помещичьих земель в пользу крестьян. 3 июня 1907 г. был опубликован указ о роспуске II Думы.

воречит этому закону, то проект неправилен, а потому он и не был опубликован Сенатом в прошлом году. Я говорю только для того, чтобы установить, что в порядке статьи 87 или статьи 56 закон о военно-полевых судах законным образом мог бы, во всяком случае, потерять силу не ранее конца апреля. Но это, господа, формальная сторона дела. Тут прения шли по существу.

Мы слышали тут обвинения правительству, мы слышали о том, что у него руки в крови, мы слышали, что для России стыд и позор, что в нашем государстве были осуществлены такие меры, как военно-полевые суды. Я понимаю, что хотя эти прения не могут привести к реальному результату, но вся Дума ждет от правительства ответа прямого и ясного на вопрос: как правительство относится к продолжению действия в стране закона о военно-полевых судах?

Я, господа, от ответа не уклоняюсь. Я не буду отвечать только на нападки за превышение власти, за неправильности, допущенные при применении этого закона. Нарекания эти голословны, необоснованны, и на них отвечать преждевременно. Я буду говорить по другому, более важному вопросу. Я буду говорить о нападках на самую природу этого закона, на то, что это позор, злодеяние и преступление, вносящее разврат в основы самого государства.

Самое яркое отражение эти доводы получили в речи члена Государственной думы Маклакова. Если бы я начал ему возражать, то, несомненно, мне пришлось бы вступить с ним в юридический спор. Я должен был бы стать защитником военно-поле-

вых судов, как судебного, как юридического института. Но в этой плоскости мышления, я думаю, что я ни с г. Маклаковым, ни с другими ораторами, отстаивающими тот же принцип, – я думаю, я с ними не разошелся бы. Трудно возражать тонкому юристу, талантливо отстаивающему доктрину.

Но, господа, государство должно мыслить иначе, оно должно становиться на другую точку зрения, и в этом отношении мое убеждение неизменно. Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада. Это было, это есть, это будет всегда и неизменно. Этот принцип в природе человека, он в природе самого государства.

Когда дом горит, господа, вы вламываетесь в чужие квартиры, ломаете двери, ломаете окна. Когда человек болен, его организм лечат, отравляя его ядом. Когда на вас нападает убийца, вы его убиваете.

Этот порядок признается всеми государствами. Нет законодательства, которое не давало бы права правительству приостанавливать течение закона, когда государственный организм потрясен до корней, которое не давало бы ему полномочия приостанавливать все нормы права. Это, господа, состояние необходимой обороны; оно доводило государство не только до усиленных репрессий, не только до применения различных репрессий к различным лицам и к различным категориям людей, — оно доводило государство до подчинения всех одной воле, произволу одного человека, оно доводило до диктатуры, которая иногда выводила

4 - 1015

государство из опасности и приводила до спасения. Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества. Но с этой кафедры был сделан, господа, призыв к моей политической честности, к моей прямоте. Я должен открыто ответить, что такого рода временные меры не могут приобретать постоянного характера; когда они становятся длительными, то, во-первых, они теряют свою силу, а затем они могут отразиться на самом народе, нравы которого должны воспитываться законом. Временная мера — мера суровая, она должна сломить преступную волну, должна сломить уродливые явления и отойти в вечность. Поэтому правительство должно в настоящее время ясно дать себе отчет о положении страны, ясно дать ответ, что оно обязано делать.

Вот возникают два вопроса. Может ли правительство, в силе ли оно оградить жизнь и собственность русского гражданина обычными способами, применением обыкновенных законов?

Но может быть и другой вопрос. Надо себя спросить, не является ли такой исключительный закон преградой для естественного течения народной жизни, для направления ее в естественное, спокойное русло?

На первый вопрос, господа, ответ не труден, он ясен из бывших тут прений. К сожалению, кровавый бред, господа, не пошел еще на убыль и едва ли обыкновенным способом подавить его по плечу нашим обыкновенным установлениям.

Второй вопрос сложнее: что будет, если противоправительственному течению дать естественный ход, если не противопоставить ему силу? Мы слушали тут заявление группы социалистов-революционеров. Я думаю, что их учение не сходно с учением социалистических и революционных партий, что тут играет роль созвучие названий и что здесь присутствующие не разделяют программы этих партий.

На заданный вопрос ответ надо черпать из документов. Я беру документ официальный – избирательную программу российской социальной рабочей партии. Я читаю в ней: «Только под натиском широких народных масс, напором народного восстания поколеблется армия, на которую опирается правительство, падут твердыни самодержавного деспотизма, только борьбою завоюет народ государственную власть, завоюет землю и волю».

В окончательном тезисе я прочитываю: «Чтобы основа государства была установлена свободно избранными представителями всего народа; чтобы для этой цели было созвано учредительное собрание всеобщим, прямым, равным и тайным, без различия веры, пола и национальности голосованием; чтобы все власти и должностные лица избирались народом и смещались им, – в стране не может быть иной власти, кроме поставленной народом и ответственной перед ним и его представителями; чтобы Россия стала демократической республикой».

Передо мной другой документ: резолюция съезда, бывшего в Таммерфорсе перед началом действия Государственной думы. В резолюции я читаю: «Съезд решительно высказывается против такти-

ки, определяющей задачи Думы как органическую работу в сотрудничестве с правительством при самоограничении рамками Думы для многих основных законов, не санкционированных народной волей».

Затем резолюция окончательная: «Съезд находит необходимым, в виде временной меры, все центральные и местные террористические акты, направленные против агентов власти, имеющих руководящее, административно-политическое значение, поставить под непосредственный контроль и руководство центрального комитета. Вместе с тем, съезд находит, что партия должна возможно более широко использовать для этого расширения и углубления своего влияния в стране все новые средства и поводы агитации и безостановочно развивать в стране, в целях поддержки, основные требования широкого народного движения, имеющего перейти во всеобщее восстание».

Господа, я не буду утруждать вашего внимания чтением других, не менее официальных документов. Я задаю себе лишь вопрос о том, вправе ли правительство, при таком положении дела, сделать демонстративный шаг, не имеющий за собой реальной цены, шаг в сторону формального нарушения закона?

Вправе ли правительство перед лицом своих верных слуг, ежеминутно подвергающихся смертельной опасности, сделать главную уступку революции?

Вдумавшись в этот вопрос, всесторонне его взвешивая, правительство пришло к заключению, что страна ждет от него не оказательства слабости, а

оказательства веры. Мы хотим верить, что от вас, господа, мы услышим слово умиротворения, что вы прекратите кровавое безумие. Мы верим, что вы скажете то слово, которое заставит нас всех стать не на разрушение исторического здания России, а на пересоздание, переустройство его и украшение.

В ожидании этого слова правительство примет меры для того, чтобы ограничить суровый закон только самыми исключительными случаями самих дерзновенных преступлений, с тем чтобы, когда Дума толкнет Россию на спокойную работу, закон этот пал сам собой путем невнесения его на утверждение законодательного собрания.

Господа, в ваших руках успокоение России, которая, конечно, сумеет отличить кровь, о которой так много здесь говорилось, кровь на руках палачей от крови на руках добросовестных врачей, применяющих самые чрезвычайные, может быть, меры с одним только упованием, с одной надеждой, с одной верой – исцелить трудно больного. *(Аплодисменты справа.)*

Речь в защиту государственной росписи доходов и расходов, произнесенная в Государственной думе 20 марта 1907 г.

Господа!

Я не буду долго утруждать ваше внимание. Я вхожу на кафедру в качестве министра внутренних дел лишь для того, чтобы сделать маленькую поправку к речи члена Думы Николая Николаеви-

ча Кутлера. Речь эту я слушал с особым вниманием, и то, что я скажу, является результатом внимательного отношения к речи г. Кутлера.

Я полагаю, что рассмотрение бюджета в Государственной думе есть одно из самых существенных ее прав. Результатом его должно быть пролитие света на такие теневые стороны бюджета, выяснение которых ожидается от Государственной думы. Я полагал, что речь Кутлера должна пролить этот свет еще и потому, что у него не может быть тайн в бюрократическом мире, в котором он так долго служил.

Слушая его речь, я остановился на одном его упреке, а именно: «В то время, – говорит Кутлер, – когда манифестом Государя Императора была дарована полная свобода слова и свобода печати, в то самое время Министерство внутренних дел увеличило оклад начальника Главного управления по делам печати и его помощника».

Кажется, я не ошибаюсь. Это было сказано именно так. *(Голоса справа: «Да», да».)* Я должен сказать, что замечание это вызвало со стороны членов Государственной думы и аплодисменты, и смех.

Против этого я ничего не имею. Смех – прекрасное оружие и бич, в особенности для правительства, и я думаю, что можно смеяться над человеком или учреждением, если они ставят себя в смешное положение.

Было ли в данном случае такое положение?

Было бы, если бы замечание члена Думы Кутлера было основано на фактах. Это условие особенно важно для серьезной речи, основанной на

предварительном изучении вопроса, не могущей не произвести впечатления, загладить которое не всегда возможно, не имея под руками документов.

В течение получасового перерыва мне трудно было проверить достоверность сказанного, но я все-таки это сделал и теперь могу сказать, что утверждения г. Кутлера не соответствуют действительности. Другого выражения я не могу подобрать.

Ни начальник Главного управления по делам печати, ни один из служащих никакой прибавки к содержанию не получили. *(Аплодисменты справа.)* Я докажу это документами.

Штаты Главного управления по делам печати существуют с 1862 г. Бывший начальник Главного управления по Высочайшему повелению, вместо прибавки в 3000 руб., которые он получал к своему содержанию, получил 8 августа 1902 г. 3000 руб. квартирных. Эти деньги ассигновывались из сумм «Правительственного вестника», и отпуск их был продолжен и теперешнему начальнику Главного управления по делам печати 1 апреля 1905 г., то есть до манифеста 17 октября.

Помощника у начальника Главного управления нет, поэтому прибавки содержания некому было и делать. *(Аплодисменты и смех на правых скамьях.)*

Остальные служащие удовлетворяются по штату 1862 г., и так как штаты эти весьма незначительны, то они получали добавочное содержание из сумм «Правительственного вестника» по 150 000 руб. в год.

Так было в 1902, 1903, 1904 гг. Но так как эти суммы «Правительственного вестника» были обращены на другие расходы, то эти именно 150 000 руб. были внесены в 1907 г. в общегосударственную смету.

Знать это господину Кутлеру следовало бы, так как перенесение кредита в общую смету было произведено тем Советом министров, председателем которого я не был, но членом которого состоял г. Кутлер. *(Смех на правых скамьях.)*

Здесь был нанесен вверенному мне ведомству удар сильный и смелый, но пришелся он, воистину, не по коню, а по оглоблям. *(В зале движение, на правых скамьях смех и аплодисменты.)*

Речь об устройстве быта крестьян и о праве собственности, произнесенная в Государственной думе 10 мая 1907 г.

Господа члены Государственной думы!

Прислушиваясь к прениям по земельному вопросу и знакомясь с ними из стенографических отчетов, я пришел к убеждению, что необходимо ныне же до окончания прений сделать заявление как по возбуждавшемуся тут вопросу, так и о предположениях самого правительства.

Я, господа, не думаю представлять вам полной аграрной программы правительства. Это предполагалось сделать подлежащим компетентным ведомством в аграрной комиссии. Сегодня я только узнал, что в аграрной комиссии, в которую не приглашаются члены правительства и не выслушива-

ются даже те данные и материалы, которыми правительство располагает, принимаются принципиальные решения.

Тем более я считаю необходимым высказаться только в пределах тех вопросов, которые тут поднимались и обсуждались. Я исхожу из того положения, что все лица, заинтересованные в этом деле, самым искренним образом желают его разрешения.

Я думаю, что крестьяне не могут не желать разрешения того вопроса, который для них является самым близким и самым больным. Я думаю, что и землевладельцы не могут не желать иметь своими соседями людей спокойных и довольных вместо голодающих и погромщиков. Я думаю, что и все русские люди, жаждущие успокоения своей страны, желают скорейшего разрешения того вопроса, который несомненно, хотя бы отчасти, питает смуту.

Я поэтому обойду все те оскорбления и обвинения, которые раздавались здесь против правительства. Я не буду останавливаться и на тех нападках, которые имели характер агитационного напора на власть. Я не буду останавливаться и на провозглашавшихся здесь началах классовой мести со стороны бывших крепостных крестьян к дворянам, а постараюсь встать на чисто государственную точку зрения, постараюсь отнестись совершенно беспристрастно, даже более того, бесстрастно к данному вопросу.

Постараюсь вникнуть в существо высказывавшихся мнений, памятуя, что мнения, не согласные со взглядами правительства, не могут почи-

таться последним за крамолу. Правительству тем более, мне кажется, подобает высказаться в общих чертах, что из бывших здесь прений, из бывшего предварительного обсуждения вопроса ясно, как мало шансов сблизить различные точки зрения, как мало шансов дать аграрной комиссии определенные задания, очерченный строгими рамками наказ.

Переходя к предложениям разных партий, я прежде всего должен остановиться на предложении партии левых, ораторами которых выступили здесь прежде всего господа Караваев, Церетели, Волк-Карачевский и др. Я не буду оспаривать тех весьма спорных по мне цифр, которые здесь представлялись ими. Я охотно соглашусь и с нарисованной ими картиной оскудения земледельческой России.

Встревоженное этим правительство уже начало принимать ряд мер для поднятия земледельческого класса. Я должен указать только на то, что тот способ, который здесь предложен, тот путь, который здесь намечен, поведет к полному перевороту во всех существующих гражданских правоотношениях; он ведет к тому, что подчиняет интересам одного, хотя и многочисленного, класса интересы всех других слоев населения. Он ведет, господа, к социальной революции. Это сознается, мне кажется, и теми ораторами, которые тут говорили. Один из них приглашал государственную власть возвыситься в этом случае над правом и заявлял, что вся задача настоящего момента заключается именно в том, чтобы разрушить государственность с ее помещичьей бюрократической основой и на развали-

нах государственности создать государственность современную на новых культурных началах. Согласно этому учению, государственная необходимость должна возвыситься над правом не для того, чтобы вернуть государственность на путь права, а для того, чтобы уничтожить в самом корне именно существующую государственность, существующий в настоящее время государственный строй. Словом, признание национализации земли, при условии вознаграждения за отчуждаемую землю или без него, поведет к такому социальному перевороту, к такому перемещению всех ценностей, к такому изменению всех социальных, правовых и гражданских отношений, какого еще не видела история.

Но это, конечно, не довод против предложения левых партий, если это предложение будет признано спасительным. Предположим же на время, что государство признает это за благо, что оно перешагнет через разорение целого, как бы там ни говорили, многочисленного, образованною класса землевладельцев, что оно примирится с разрушением редких культурных очагов на местах, – что же из этого выйдет? Что, был бы, по крайней мере, этим способом разрешен, хотя бы с материальной стороны, земельный вопрос? Дал бы он или нет возможность устроить крестьян у себя на местах?

На это ответ могут дать цифры, а цифры, господа, таковы: если бы не только частновладельческую, но даже всю землю без малейшего исключения, даже землю, находящуюся в настоящее время под городами, отдать в распоряжение крестьян,

владеющих ныне надельною землею, то в то время как в Вологодской губернии пришлось бы всего вместе с имеющимися ныне по 147 десятин на двор, в Олонецкой по 185 десятин, в Архангельской даже по 1309 десятин, в 14 губерниях недостало бы и по 15, а в Полтавской пришлось бы лишь по 9, в Подольской всего по 8 десятин. Это объясняется крайне неравномерным распределением по губерниям не только казенных и удельных земель, но и частновладельческих.

Четвертая часть частновладельческих земель находится в тех 12 губерниях, которые имеют надел свыше 15 десятин на двор, и лишь одна седьмая часть частновладельческих земель расположена в 10 губерниях с наименьшим наделом, то есть по 7 десятин на один двор. При этом принимается в расчет вся земля всех владельцев, то есть не только 107 000 дворян, но и 490 000 крестьян, купивших себе землю, и 85 000 мещан, – а эти два последние разряда владеют до 17 000 000 десятин.

Из этого следует, что поголовное разделение всех земель едва ли может удовлетворить земельную нужду на местах; придется прибегнуть к тому же средству, которое предлагает правительство, то есть к переселению; придется отказаться от мысли наделить землей весь трудовой народ и не выделять из него известной части населения в другие области труда.

Это подтверждается и другими цифрами, подтверждается из цифр прироста населения за 10-летний период в 50 губерниях европейской России. Россия, господа, не вымирает; прирост ее населения превосходит прирост всех остальных

государств всего мира, достигая на 1000 человек 15 в год.

Таким образом, это даст на одну европейскую Россию всего на 50 губерний 1 625 000 душ естественного прироста в год, или, считая семью в 5 человек, 341 000 семей. Так что для удовлетворения землей одного только прирастающего населения, считая по 10 десятин на один двор, потребно было бы ежегодно 3 500 000 десятин. Из этого ясно, господа, что путем отчуждения, разделения частновладельческих земель земельный вопрос не разрешается. Это равносильно наложению пластыря на засоренную рану.

Но, кроме упомянутых материальных результатов, что даст этот способ стране, что даст он с нравственной стороны?

Та картина, которая наблюдается теперь в наших сельских обществах, та необходимость подчиняться всем одному способу ведения хозяйства, необходимость постоянного передела, невозможность для хозяина с инициативой применить к временно находящейся в его пользовании земле свою склонность к определенной отрасли хозяйства, все это распространится на всю Россию.

Все и все были бы сравнены, земля стала бы общей, как вода и воздух. Но к воде и к воздуху не прикасается рука человеческая, не улучшает их рабочий труд, иначе на улучшенные воздух и воду, несомненно, наложена была бы плата, на них установлено было бы право собственности.

Я полагаю, что земля, которая распределилась бы между гражданами, отчуждалась бы у одних и предоставлялась бы другим местным социал-демо-

кратическим присутственным местом, что эта земля получила бы скоро те же свойства, как вода и воздух. Ею бы стали пользоваться, но улучшать ее, прилагать к ней свой труд с тем, чтобы результаты этого труда перешли к другому лицу, – этого никто не стал бы делать.

Вообще стимул к труду, та пружина, которая заставляет людей трудиться, была бы сломлена. Каждый гражданин – а между ними всегда были и будут тунеядцы – будет знать, что он имеет право заявить о желании получить землю, приложить свой труд к земле, затем, когда занятие это ему надоест, бросить ее и пойти опять бродить по белу свету.

Все будет сравнено, – [но нельзя ленивого] равнять к трудолюбивому, нельзя человека тупоумного приравнять к трудоспособному. Вследствие этого культурный уровень страны понизится. Добрый хозяин, хозяин изобретательный, самою силой вещей будет лишен возможности приложить свои знания к земле.

Надо думать, что при таких условиях совершился бы новый переворот, и человек даровитый, сильный, способный силою восстановил бы свое право на собственность, на результаты своих трудов. Ведь, господа, собственность имела всегда своим основанием силу, за которою стояло и нравственное право. Ведь и раздача земли при Екатерине Великой оправдывалась необходимостью заселения незаселенных громадных пространств *(голос из центра: «Ого»)*, и тут была государственная мысль. Точно так же право способного, право даровитого создало и право собственности на Западе.

Неужели же нам возобновлять этот опыт и переживать новое воссоздание права собственности на уравненных и разоренных полях России? А эта перекроенная и уравненная Россия, что, стала ли бы она и более могущественной и богатой? Ведь богатство народов создает и могущество страны. Путем же переделения всей земли государство в своем целом не приобретет ни одного лишнего колоса хлеба.

Уничтожены, конечно, будут культурные хозяйства. Временно будут увеличены крестьянские наделы, но при росте населения они скоро обратятся в пыль, и эта распыленная земля будет высылать в города массы обнищавшего пролетариата. Но положим, что эта картина неверна, что краски тут сгущены. Кто же, однако, будет возражать против того, что такое потрясение, такой громадный социальный переворот не отразится, может быть, на самой целости России.

Ведь тут, господа, предлагают разрушение существующей государственности, предлагают нам среди других сильных и крепких народов превратить Россию в развалины для того, чтобы на этих развалинах строить новое, неведомое нам отечество.

Я думаю, что на втором тысячелетии своей жизни Россия не развалится. Я думаю, что она обновится, улучшит свой уклад, пойдет вперед, но путем разложения не пойдет, потому что где разложение – там смерть.

Теперь обратимся, господа, к другому предложенному нам проекту, проекту партии народной свободы. Проект этот не обнимает задачу в таком

большом объеме, как предыдущий проект, и задается увеличением пространства крестьянского землевладения. Проект этот даже отрицает, не признает и не создает ни за кем права на землю. Однако я должен сказать, что и в этом проекте для меня не все понятно, и он представляется мне во многом противоречивым. Докладчик этой партии в своей речи отнесся очень критически к началам национализации земли. Я полагал, что он логически должен поэтому прийти к противоположному, к признанию принципа собственности. Отчасти это и было сделано.

Он признал за крестьянами право неизменного, постоянного пользования землей, но вместе с тем для расширения его владений он признал необходимым нарушить постоянное пользование его соседей-землевладельцев, вместе с тем он гарантирует крестьянам ненарушимость их владений в будущем. Но раз признан принцип отчуждаемости, то кто же поверит тому, что, если понадобится со временем отчудить земли крестьян, они не будут отчуждены, и поэтому мне кажется, что в этом отношении проект левых партий гораздо более искренен и правдив, признавая возможность пересмотра трудовых норм, отнятие излишка земли у домохозяев. Вообще, если признавать принцип обязательного количественного отчуждения, то есть принцип возможности отчуждения земли у того, у кого ее много, чтобы дать тому, у кого ее мало, надо знать, к чему [это] поведет в конечном выводе – это приведет к той же национализации земли.

Ведь если теперь, в 1907 г., у владельца, скажем, 3000 десятин будет отнято 2500 десятин, и

за ним останется 500 десятин культурных, то ведь с изменением понятия о культурности и с ростом населения он, несомненно, подвергается риску отнятия остальных 500 десятин. Мне кажется, что и крестьянин не поймет, почему он должен переселяться куда-то вдаль ввиду того только, что его сосед не разорен, а имеет по нашим понятиям культурное хозяйство. Почему он должен идти в Сибирь и не может быть направлен – по картинному выражению одного из ораторов партии народной свободы – на соседнюю помещичью землю?

Мне кажется, ясно, что и по этому проекту право собственности на землю отменяется; она изъемлется из области купли и продажи. Никто не будет прилагать свой труд к земле, зная, что плоды его трудов могут быть через несколько лет отчуждены. Докладчик партии прикидывал цену на отчуждаемую землю в среднем по 80 руб. на десятину в европейской России. Ведь это не может поощрить к применению своего труда к земле, скажем, тех лиц, которые за землю год перед тем заплатили по 200–300 руб. за десятину и вложили в нее все свое достояние.

Но между мыслями, предложенными докладчиком партии народной свободы, есть и мысль, которая должна сосредоточить на себе самое серьезное внимание. Докладчик заявил, что надо предоставить самим крестьянам устраиваться так, как им удобно. Закон не призван учить крестьян и навязывать им какие-либо теории, хотя бы эти теории и признавались законодателями совершенно основательными и правильными. Пусть каждый устра-

ивается по-своему, и только тогда мы действительно поможем населению.

Нельзя такого заявления не приветствовать, и само правительство во всех своих стремлениях указывает только на одно: нужно снять те оковы, которые наложены на крестьянство, и дать ему возможность самому избрать тот способ пользования землей, который наиболее его устраивает.

Интересно еще в проекте партии народной свободы другое провозглашаемое начало. Это начало государственной помощи. Предлагается отнести на расходы казны половину стоимости земли, приобретаемой крестьянами. Я к этому началу еще вернусь, а теперь укажу, что оно мне кажется несколько противоречивым провозглашаемому принципу принудительного отчуждения. Если признать принудительное отчуждение, то как же наряду с этим признать необходимость для всего населения, для всего государства, для всех классов населения прийти на помощь самой нуждающейся части населения?

Почему наряду с этим необходимо с этой целью обездолить 130 000 владельцев, и не только обездолить, но и оторвать их от привычного и полезного для государства труда? Но, может быть, господа, без этого обойтись нельзя?

Прежде чем изложить вам в общих чертах виды правительства, я позволю себе остановиться еще на одном способе разрешения земельного вопроса, который засел во многих головах. Этот способ, этот путь – это путь насилия.

Вам всем известно, господа, насколько легко прислушивается наш крестьянин простолюдин к всевозможным толкам, насколько легко он поддается толчку, особенно в направлении разрешения своих земельных вожделений явочным путем, путем, так сказать, насилия. За это уже платился несколько раз наш серый крестьянин. Я не могу не заявить, что в настоящее время опасность новых насилий, новых бед в деревне возрастает.

Правительство должно учитывать два явления: с одной стороны, несомненное желание, потребность, стремление широких кругов общества поставить работу в государстве на правильных законных началах и приступить к правильному новому законодательству для улучшения жизни страны. Это стремление правительство не может не приветствовать и сбязано приложить все силы для того, чтобы помочь ему.

Но наряду с этим существует и другое: существует желание усилить брожение в стране, бросать в население семена возбуждения, смуты, с целью возбуждения недоверия к правительству, с тем чтобы подорвать его значение, подорвать его авторитет, для того чтобы соединить воедино все враждебные правительству силы.

Ведь с этой кафедры, господа, была брошена фраза: «Мы пришли сюда не покупать землю, а ее взять». *(Голоса: Верно, правильно».)*

Отсюда, господа, распространялись и письма в провинцию, в деревни, письма, которые печатались в провинциальных газетах, почему я о них и упоминаю, письма, вызывавшие и смущение и возмущение на местах.

Авторы этих писем привлекались к ответственности, но поймите, господа, что делалось в понятиях тех сельских обывателей, которым предлагалось, ввиду якобы насилий, кровожадности и преступлений правительства, обратиться к насилию и взять землю силой!

Я не буду утруждать вас, господа, ознакомлением с этими документами, я скажу только, что при наличности их, и я откровенно это заявляю, так как русский министр и не может иначе говорить в русской Государственной думе, можно предвидеть и наличность новых попыток приобретения земли силою и насилием.

Я должен сказать, что в настоящее время опасность эта еще далеко, но необходимо определить ту черту, за которой опасность эта, опасность успешного воздействия на население в смысле открытого выступления, становится действительно тревожной.

Государство, конечно, переступить эту черту, этот предел, не дозволит, иначе оно перестанет быть государством и станет пособником собственного своего разрушения.

Все, что я сказал, господа, является разбором тех стремлений, которые, по мнению правительства, не дают того ответа на запросы, того разрешения дела, которого ожидает Россия. Насилия допущены не будут.

Национализация земли представляется правительству гибельною для страны, а проект партии народной свободы, то есть полуэкспроприации, полунационализация, в конечном выводе, по нашему мнению, приведет к тем же результатам, как и предложения левых партий.

Где же выход? Думает ли правительство ограничиться полумерами и полицейским охранением порядка? Но прежде чем говорить о способах, нужно ясно себе представить цель, а цель у правительства вполне определенна: правительство желает поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным, так как где достаток, там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды трудов своих и представить их в неотъемлемую собственность.

Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть будет наследственная.

Такому собственнику-хозяину правительство обязано помочь советом, помочь кредитом, то есть деньгами. Теперь же надлежит немедленно браться за незаметную черную работу, надлежит сделать учет всем тем малоземельным крестьянам, которые живут земледелием. Придется всем этим малоземельным крестьянам дать возможность воспользоваться из существующего земельного запаса таким количеством земли, которое им необходимо, на льготных условиях.

Мы слышали тут, что для того, чтобы дать достаточное количество земли всем крестьянам, не-

обходимо иметь запас в 57 000 000 десятин земли. Опять-таки, говорю, я цифры не оспариваю. Тут же указывалось на то, что в распоряжении правительства находится только 10 000 000 десятин земли. Но, господа, ведь правительство только недавно начало образовывать земельный фонд, ведь Крестьянский банк перегружен предложениями. Здесь нападали и на Крестьянский банк, и нападки эти были достаточно веские. Была при этом брошена фраза: «Это надо бросить». По мнению правительства, бросать ничего не нужно. Начатое дело надо улучшать. При этом должно, быть может, обратиться к той мысли, на которую я указывал раньше, – мысли о государственной помощи.

Остановитесь, господа, на том соображении, что государство есть один целый организм и что если между частями организма, частями государства начнется борьба, то государство неминуемо погибнет и превратится в «царство, разделившееся на ся». В настоящее время государство у нас хворает. Самой больной, самой слабой частью, которая хиреет, которая завядает, является крестьянство. Ему надо помочь.

Предлагается простой, совершенно автоматический, совершенно механический способ: взять и разделить все 130 000 существующих в настоящее время поместий. Государственно ли это? Не напоминает ли это историю тришкина кафтана – обрезать полы, чтобы сшить из них рукава?

Господа, нельзя укрепить больное тело, питая его вырезанными из него самого кусками мяса; надо дать толчок организму, создать прилив пита-

тельных соков к больному месту, и тогда организм осилит болезнь; в этом должно, несомненно, участвовать все государство, все части государства должны прийти на помощь той его части, которая в настоящее время является слабейшей. В этом смысл государственности, в этом оправдание государства, как одного социального целого. Мысль о том, что все государственные силы должны прийти на помощь слабейшей его части, может напоминать принципы социализма; но если это принцип социализма, то социализма государственного, который применялся не раз в Западной Европе и приносил реальные и существенные результаты. У нас принцип этот мог бы осуществиться в том, что государство брало бы на себя уплату части процентов, которые взыскиваются с крестьян за предоставленную им землю.

В общих чертах дело сводилось бы к следующему: государство закупало бы предлагаемые в продажу частные земли, которые вместе с землями удельными и государственными составляли бы государственный земельный фонд. При массе земель, предлагаемых в продажу, цены на них при этом не возросли бы. Из этого фонда получали бы землю на льготных условиях те малоземельные крестьяне, которые в ней нуждаются и действительно прилагают теперь свой труд к земле, и затем те крестьяне, которым необходимо улучшить формы теперешнего землепользования. Но так как в настоящее время крестьянство оскудело, ему не под силу платить тот сравнительно высокий процент, который взыскивается государством, то последнее и приняло бы на себя разницу в процен-

те, выплачиваемом по выпускаемым им листам, и тем процентом, который был бы посилен крестьянину, который был бы определяем государственными учреждениями. Вот эта разница обременяла бы государственный бюджет; она должна была бы вноситься в ежегодную роспись государственных расходов.

Таким образом вышло бы, что все государство, все классы населения помогают крестьянам приобрести ту землю, в которой они нуждаются. В этом участвовали бы все плательщики государственных повинностей, чиновники, купцы, лица свободных профессий, те же крестьяне и те же помещики. Но тягость была бы разложена равномерно и не давила бы на плечи одного немногочисленного класса 130 000 человек, с уничтожением которого уничтожены были бы, что бы там ни говорили, и очаги культуры.

Этим именно путем правительство начало идти, понизив временно проведенным по 87 статье законом проценты платежа Крестьянскому банку. Способ этот более гибкий, менее огульный, чем тот способ повсеместного принятия на себя государством платежа половинной стоимости земли, которую предлагает партия народной свободы.

Если бы одновременно был установлен выход из общины и создана таким образом крепкая индивидуальная собственность, было бы упорядочено переселение, было бы облегчено получение ссуд под надельные земли, был бы создан широкий мелиоративный землеустроительный кредит, то хотя круг предполагаемых правительством земельных

реформ и не был бы вполне замкнут, но виден был бы просвет, при рассмотрении вопроса в его полноте, может быть, и в более ясном свете представился бы и пресловутый вопрос об обязательном отчуждении.

Пора этот вопрос вдвинуть в его настоящие рамки, пора, господа, не видеть в этом волшебного средства, какой-то панацеи против всех бед.

Средство это представляется смелым потому только, что в разоренной России оно создаст еще класс разоренных вконец землевладельцев. Обязательное отчуждение действительно может явиться необходимым, но, господа, в виде исключения, а не общего правила, и обставленным ясными и точными гарантиями закона. Обязательное отчуждение может быть не количественного характера, а только качественного. Оно должно применяться, главным образом, тогда, когда крестьян можно устроить на местах, для улучшения способов пользования ими землей, оно представляется возможным тогда, когда необходимо: при переходе к лучшему способу хозяйства – устроить водопой, устроить прогон к пастбищу, устроить дороги, наконец, избавиться от вредной чересполосицы. Но я, господа, не предлагаю вам, как я сказал ранее, полного аграрного проекта. Я предлагаю вашему вниманию только те вехи, которые поставлены правительством. Более полный проект предлагалось внести со стороны компетентного ведомства в соответствующую комиссию, если бы в нее были приглашены представители правительства для того, чтобы быть там выслушанными.

Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа.

Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать.

В западных государствах на это потребовались десятилетия.

Мы предлагаем вам скромный, но верный путь.

Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций.

Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия! *(Аплодисменты справа.)*

Заявление, сделанное 1 июня 1907 г. в закрытом заседании Государственной думы

Имея в виду, что в настоящее время, в связи с обыском в квартире члена Государственной думы Озола, предварительное следствие выяснило главнейшие данные по делу об организации преступного сообщества, в состав которого вошли некоторые члены Государственной думы, и представляется необходимым немедленное принятие мер к обеспечению правильного хода правосудия, я прошу Государственную думу выслушать представителя судебного ведомства, прокурора С.-Петербургской судебной палаты, который ознакомит Государственную думу с постановлением судебного следова-

теля о привлечении нескольких из ее членов в качестве обвиняемых.

Дальнейшие пояснения по прочтении этого акта может дать Государственной думе присутствующий в заседании министр юстиции. Обязуюсь присовокупить, что всякое промедление со стороны Государственной думы в разрешении предъявленных к ней на основании статей 16 и 21 учр. Государственной думы требований или удовлетворение их не в полной мере поставило бы правительство в невозможность дальнейшего обеспечения спокойствия и порядка в государстве.

Первая речь П.А. Столыпина в Третьей Государственной думе, произнесенная 16 ноября 1907 г.

Господа члены Государственной думы!

Для успеха совместной работы вашей с правительством вам надлежит быть осведомленными о целях, преследуемых правительством, о способах, намеченных для их достижения, и о существе законодательных его предположений.

Ясная и определенная правительственная программа является, в этих видах, совершенно необходимой.

Поэтому, несмотря на то, что я еще так недавно излагал перед Второй Думой правительственные законопроекты, оставшиеся с тех пор без рассмотрения, мне приходится вновь выступить перед настоящим высоким собранием с заявлением от имени правительства.

Хотя на рассмотрение ваше, господа члены Государственной думы, вносятся те же, за малыми исключениями и изменениями, законопроекты, которые внесены были во Вторую Думу, но условия, при которых приходится работать и достигать тех же целей, не остались без изменения.

Для всех теперь стало очевидным, что разрушительное движение, созданное крайними левыми партиями, превратилось в открытое разбойничество и выдвинуло вперед все противообщественные преступные элементы, разоряя честных тружеников и развращая молодое поколение. *(Оглушительные рукоплескания центра и справа; возгласы «браво».)*

Противопоставить этому явлению можно только силу *(возгласы «браво» и рукоплескания в центре и справа)*. Какие-либо послабления в этой области правительство сочло бы за преступление, так как дерзости врагов общества возможно положить конец лишь последовательным применением всех законных средств защиты.

По пути искоренения преступных выступлений шло правительство до настоящего времени – этим путем пойдет оно и впредь.

Для этого правительству необходимо иметь в своем распоряжении в качестве орудия власти должностных лиц, связанных чувством долга и государственной ответственности. *(Возгласы «браво» и рукоплескания в центре и справа.)* Поэтому проведение ими личных политических взглядов и впредь будет считаться несовместимыми с государственной службой. *(Голоса в центре и справа: «Браво».)*

Начало порядка законности и внутренней дисциплины должны быть внедрены и в школе, и новый строй ее, конечно, не может препятствовать правительству предъявлять соответственные требования к педагогическому ее персоналу.

Сознавая настоятельность возвращения государства от положения законов исключительных к обыденному порядку, правительство решило всеми мерами укрепить в стране возможность быстрого и правильного судебного возмездия.

Оно пойдет к этому путем созидательным, твердо веря, что, благодаря чувству государственности и близости к жизни русского судебного сословия, правительство не будет доведено смутой до необходимости последовать примеру одного из передовых западных государств и предложить законодательному собранию законопроект о временной приостановке судебной несменяемости.

При наличии Государственной думы, задачи правительства в деле укрепления порядка могут только облегчиться, так как помимо средств на преобразование администрации и полиции правительство рассчитывает получить ценную поддержку представительных учреждений, путем обличения незакономерных поступков властей как относительно превышения власти, так и бездействия оной. *(В центре и справа возгласы «браво».)*

При этих условиях правительство надеется обеспечить спокойствие страны, что даст возможность все силы законодательных собраний и правительства обратить к внутреннему ее устроению.

Устроение это требует крупных преобразований, но все улучшения в местных распорядках в

суде и администрации останутся поверхностными, не проникнут вглубь, пока не будет достигнуто поднятие благосостояния основного земледельческого класса государства. *(В центре и справа возгласы «браво».)*

Поставив на ноги, дав возможность достигнуть хозяйственной самостоятельности многомиллионному сельскому населению, законодательное учреждение заложит то основание, на котором прочно будет воздвигнуто преобразованное русское государственное здание.

Поэтому коренною мыслью теперешнего правительства, руководящею его идеей был всегда вопрос землеустройства.

Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками – бунт погашается силою, а признание неприкосновенности частной собственности и, как последствие, отсюда вытекающее, создание мелкой личной земельной собственности *(рукоплескания центра и справа)*, реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшенного землепользования – вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы. (*Рукоплескания в центре и справа.)*

Но задачи правительства осуществляются действием. Поэтому никакие политические события не могли остановить действия правительства в этом направлении, как не могли они остановить хода самой жизни. Вследствие сего правительство считает, что исполнило свой долг, осуществив ряд аграрных мероприятий в порядке статьи 87 Основных Законов, и будет защищать их перед законодательными

учреждениями, от которых ждет усовершенствования, быть может, поправок в них, но в конечном результате твердо надеется на придание им прочной силы путем законодательного утверждения.

На устойчиво заложенном таким образом основании правительство предложит вам строить необходимые для страны преобразования посредством расширения и переустройства местного самоуправления, реформы местного управления, развития просвещения и введения целого ряда усовершенствований в строе местной жизни.

Соответственные проекты готовы. Большинство их вносится немедленно в Государственную думу. Другие же, как затрагивающие многосторонние, местные интересы, будут предварительно проводиться через Совет по делам местного хозяйства и вноситься в Думу постепенно, с принятыми правительством поправками и, во всяком случае, с заключением названного Совета.

Такой порядок устанавливается правительством ввиду того, что опубликованные во время сессии Второй Думы законопроекты Министерства внутренних дел вызвали оживленное обсуждение на местах и многочисленные ходатайства о передаче их на заключение земских собраний. Замечания местных деятелей могут быть быстрее всего сведены в одно целое и соображены правительством путем живого общения с представителями земств и городов, и результаты этой работы должны послужить драгоценным материалом для законодательных учреждений и особенно их комиссий.

Задержки в работах Государственной думы это не вызовет, так как Совет по делам местного хо-

зяйства созывается незамедлительно, и, по мере рассмотрения всех законопроектов Министерства внутренних дел, касающихся местных хозяйственных интересов, они будут тотчас же передаваться в Государственную думу, а до того времени Государственная дума будет иметь возможность рассмотреть целый ряд непосредственно вносимых в Думу законопроектов, перечень которых представляется вместе с ним.

Из проектов, касающихся земельного устройства, ныне же вносится в Государственную думу проект о земельных обществах; в области местных преобразований принципиальное значение имеет представляемый в Думу проект Министерства юстиции о преобразовании местного суда, так как в зависимости от принятия этого законопроекта стоит проведение в жизнь другого – о неприкосновенности личности и целый ряд преобразований в местном управлении.

Точно так же подлежали бы рассмотрению в первую очередь все принципиальные законопроекты по другим ведомствам, а также те, которые указывают правильный путь к осуществлению дарованных Высочайшими манифестами населению благ.

При этом правительство почтет своим долгом, в принадлежащей ему области, содействовать всем мероприятиям на пользу господствующей церкви и духовного сословия. *(Рукоплескания справа.)*

Правительство надеется в скором времени предложить на обсуждение Государственной думы также проекты самоуправления на некоторых окраинах, применительно к предполагаемому новому

строю внутренних губерний, причем идея государственного единства и целости будет для правительства руководящей. *(Рукоплескания в центре и справа.)*

Излишне добавлять, что, несмотря на наилучшие отношения со всеми державами, особые заботы правительства будут направляться к осуществлению воли Державного вождя наших вооруженных сил о постановке их на ту высоту, которая соответствует чести и достоинству России. *(Рукоплескания в центре и справа.)*

Для этого нужно напряжение материальных сил страны, нужны средства, которые будут испрошены у вас, посланных сюда страной для ее успокоения и упрочения ее могущества.

От наличия средств зависит, очевидно, осуществление всех реформ и разрешение вопроса о последовательности их проведения в жизнь.

Поэтому подсчет средств, которыми располагает государство, является работой не только основною, но и самой срочною. Вам придется вследствие сего неминуемо обратиться в первую очередь к обсуждению внесенной в Государственную думу государственной росписи и при этом считаться, конечно, с неизбежностью сохранить бюджетное равновесие как основу воссоздания русского кредита.

С своей стороны правительство употребит все усилия, чтобы облегчить работу законодательных учреждений и осуществить на деле мероприятия, которые, пройдя через Государственную думу и Государственный совет и получив утверждение Государя Императора, несомненно восстановят порядок и укрепят прочный, правовой уклад, соответствующий русскому народному самосознанию.

5 - 1015

В этом отношении Монаршая воля неоднократно являла доказательство того, насколько Верховная власть, несмотря на встреченные ею на пути чрезвычайные трудности, дорожит самыми основаниями законодательного порядка, вновь установленного в стране и определившего пределы Высочайше дарованного ей представительного строя. *(Рукоплескания в центре и справа.)*

Проявление Царской власти во все времена показывало также воочию народу, что историческая Самодержавная власть *(бурные рукоплескания и возгласы справа «браво»)*

...историческая самодержавная власть и свободная воля Монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности, так как единственно эта Власть и эта Воля, создав существующие установления и охраняя их, призвана, в минуты потрясений и опасности для государства, к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды. *(Бурные рукоплескания и возгласы «браво» в центре и справа.)*

Речь П.А. Столыпина, произнесенная в Государственной думе 16 ноября 1907 г. в ответ на выступление члена Государственной думы В. Маклакова

Господа члены Государственной думы!

Слушая раздававшиеся тут нарекания и обвинения против правительства, я спрашивал себя, должен ли я, глава правительства, идти по пути

словесного спора, словесного поединка и давать только пищу новым речам, в то время как страна с напряженным вниманием и вымученным нетерпением ждет от нас серой повседневной работы, скрытый блеск которой может обнаружиться только со временем. И конечно, не для пустого спора, не из боязни того, что правительство назовут безответным, так же, как понапрасну называли его в прошлой Думе «безответственным», выступаю я с разъяснением, но для того, чтобы повторно и сугубо выяснить, в чем именно правительство будет черпать руководящие начала своей деятельности, куда оно идет и куда ведет страну.

Только то правительство имеет право на существование, которое обладает зрелой государственной мыслью и твердой государственной волей. Мысль правительства, определенно выраженная в прочитанном мною заявлении от имени правительства, несомненно, затемнена последующими речами, вследствие этого я и попросил слова. Я обойду мимо те попреки, которые тут раздавались слева относительно акта 3 июня. Не мне, конечно, защищать право Государя спасать в минуты опасности вверенную Ему Богом державу *(рукоплескания в центре и справа)*. Я не буду отвечать и на то обвинение, что мы живем в какой-то восточной деспотии. Мне кажется, что я уже ясно от имени правительства указал, что строй, в котором мы живем, – это строй представительный, дарованный самодержавным Монархом и, следовательно, обязательный для всех Его верноподданных *(рукоплескания в центре и справа)*.

Но я не могу, господа, не остановиться на нареканиях третьего характера, на обвинениях в том, что правительство стремится создать в России какое-то полицейское благополучие, что оно стремится сжать весь народ в тисках какого-то произвола и насилия. Это не так. Относительно того, что говорилось тут представителем Царства Польского, я скажу впоследствии.

Покуда же скажу несколько слов о двух упреках, слышанных мною от последнего оратора: о том, что говорилось тут о судебной несменяемости, и о том, что я слышал о политической деятельности служащих. То, что сказано было относительно несменяемости судей, принято было тут за угрозу. Мне кажется, такого характера этому придавать нельзя. Мне кажется, что для всех прибывших сюда со всех сторон России ясно, что при теперешнем кризисе, который переживает Россия, судебный аппарат – иногда аппарат слишком тяжеловесный для того, чтобы вести ту борьбу, которая имеет, несомненно, и политический характер. Вспомните политические убийства, которые так красноречиво были описаны тут г. Розановым, нарисовавшим нам картину убийства всех свидетелей до последнего, до шестилетней девочки включительно, для того, чтобы у суда не было никакого элемента для вынесения обвинительного приговора. Нечего говорить о том, что суд действительно может находиться и сам под влиянием угроз, и при политическом хаосе, гипнозе он может иногда действовать и несвободно.

Не с угрозой, господа, не с угрозой мы шли сюда, а с открытым забралом заявили, что в тех слу-

чаях, когда на местах стоят люди недостаточно твердые, когда дело идет о спасении родины, тогда приходится прибегать к таким мерам, которые не входят в обиход жизни нормальной.

Я упомянул тогда об одной из передовых стран – страна эта Франция, – где несменяемость судей была временно приостановлена, – этому нас учит история, ведь это факт. Тут говорили о политической деятельности служащих, говорили о том, что нужна беспартийность, что нельзя вносить партийность в эту деятельность. Я скажу, что правительство, сильное правительство должно на местах иметь исполнителей испытанных, которые являются его руками, его ушами, его глазами. И никогда ни одно правительство не совершит ни одной работы, не только репрессивной, но и созидательной, если не будет иметь в своих руках совершенный аппарат исполнительной власти.

Затем перейду к дальнейшему.

Нас тут упрекали в том, что правительство желает в настоящее время обратить всю свою деятельность исключительно на репрессии, что оно не желает заняться работой созидательной, что оно не желает подложить фундамент права – то правовое основание, в котором несомненно нуждается в моменты созидания каждое государство и тем более в настоящую историческую минуту Россия. Мне кажется, что мысль правительства иная. Правительство, наряду с подавлением революции, задалось задачей поднять население до возможности на деле, в действительности воспользоваться дарованными ему благами. Пока крестьянин беден, пока он не обладает личною земельною собственнос-

тью, пока он находится насильно в тисках общины, он останется рабом, и никакой писаный закон не даст ему блага гражданской свободы. *(Рукоплескания в центре и справа.)*

Для того чтобы воспользоваться этими благами, ведь нужна известная, хотя бы самая малая доля состоятельности. Мне, господа, вспомнились слова нашего великого писателя Достоевского, что «деньги – это чеканенная свобода». Поэтому правительство не могло не идти навстречу, не могло не дать удовлетворения тому врожденному у каждого человека, поэтому и у нашего крестьянина, чувству личной собственности, столь же естественному, как чувство голода, как влечение к продолжению рода, как всякое другое природное свойство человека. Вот почему раньше всего и прежде всего правительство облегчает крестьянам переустройство их хозяйственного быта и улучшение его и желает из совокупности надельных земель и земель, приобретенных в правительственный фонд, создать источник личной собственности. Мелкий земельный собственник, несомненно, явится ядром будущей мелкой земской единицы; он, трудолюбивый, обладающий чувством собственного достоинства, внесет в деревню и культуру, и просвещение, и достаток.

Вот тогда, тогда только писаная свобода превратится и претворится в свободу настоящую, которая, конечно, слагается из гражданских вольностей и чувства государственности и патриотизма. *(Рукоплескания в центре и справа. Возгласы «браво».)* При этих условиях будет иметь успех идея местного суда, будет иметь успех и идея суда

административного, который необходим как основа всякого успеха в местном управлении.

Тут говорилось о децентрализации. Представитель Царства Польского говорил о необходимости для правительства, особенно в теперешнюю минуту, черпать силу не в бюрократической централизации, а в том, чтобы привлечь местные силы к самоуправлению, с тем, чтобы они заполнили тот пробел, который неизбежно скажется у центральной власти, опирающейся только на бюрократию. Прежде всего, скажу, что против этого правительство возражать не будет, но должен заявить, что та сила самоуправления, на которую будет опираться правительство, должна быть всегда силой национальной. *(Рукоплескания в центре и справа.)*

Нам говорилось о том, что в 1828 г. в Царстве Польском пропорционально было больше школ, чем в 1900 г. Я на это отвечу следующее: теперь, может быть, не только мало школ, но там нет даже высшего учебного заведения, и высшего учебного заведения там нет потому, что те граждане, которые только что назвали себя гражданами «второго разряда», не хотят пользоваться в высшей школе общегосударственным русским языком. *(Бурные рукоплескания в центре и справа.)*

Децентрализация может идти только от избытка сил. Могущественная Англия, конечно, дает всем составным частям своего государства весьма широкие права, но это от избытка сил; если же этой децентрализации требуют от нас в минуту слабости, когда ее хотят вырвать, и вырвать вместе с такими корнями, которые должны связывать всю империю, вместе с теми нитями, которые должны скре-

пить центр с окраинами, тогда, конечно, правительство ответит: нет! *(Бурные рукоплескания в центре и справа.)*

Станьте сначала на нашу точку зрения, признайте, что высшее благо – это быть русским гражданином, носите это звание так же высоко, как носили его когда-то римские граждане, тогда вы сами назовете себя гражданами первого разряда и получите все права. *(Рукоплескания в центре и справа.)*

Я хочу еще сказать, что все те реформы, все то, что только что правительство предложило вашему вниманию, ведь это не сочинено, мы ничего насильственно, механически не хотим внедрять в народное самосознание, все это глубоко национально.

Как в России до Петра Великого, так и в послепетровской России местные силы всегда несли служебные государственные повинности. Ведь сословия и те никогда не брали примера с Запада, не боролись с центральной властью, а всегда служили ее целям. Поэтому наши реформы, чтобы быть жизненными, должны черпать свою силу в этих русских национальных началах. Каковы они? В развитии земщины, в развитии, конечно, самоуправления, передачи ему части государственных обязанностей, государственного тягла и в создании на низах крепких людей земли, которые были бы связаны с государственной властью.

Вот наш идеал местного самоуправления так же, как наш идеал наверху – это развитие дарованного Государем стране законодательного, нового представительного строя, который должен при-

дать новую силу и новый блеск Царской Верховной власти.

Ведь Верховная власть является хранительницей идеи русского государства, она олицетворяет собой ее силу и цельность, и если быть России, то лишь при усилии всех сынов ее охранять, оберегать эту Власть, сковавшую Россию и оберегающую ее от распада.

Самодержавие московских Царей не походит на самодержавие Петра, точно так же, как и самодержавие Петра не походит на самодержавие Екатерины Второй и Царя-Освободителя.

Ведь русское государство росло, развивалось из своих собственных русских корней, и вместе с ним, конечно, видоизменялась и развивалась и Верховная Царская Власть.

Нельзя к нашим русским корням, к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужой, чужестранный цветок. *(Бурные рукоплескания в центре и справа.)*

Пусть расцветет наш родной русский цвет, пусть он расцветет и развернется под влиянием взаимодействия Верховной Власти и дарованного Ею нового представительного строя.

Вот, господа, зрело обдуманная правительственная мысль, которой воодушевлено правительство. Но чтобы осуществить мысль, несомненно, нужна воля. Эту волю, господа, вы, конечно, найдете всецело в правительстве.

Но этого недостаточно, недостаточно для того, чтобы упрочить новое государственное устройство. Для этого нужна другая воля, нужно усилие и с другой стороны. Их ждет Государь, их ждет страна.

Дайте же ваш порыв, дайте вашу волю в сторону государственного строительства, не брезгуйте черной работой вместе с правительством. *(Возгласы «браво» и рукоплескания в центре и справа.)*

Я буду просить позволения не отвечать на другие слышанные тут попреки.

Мне представляется, что, когда путник направляет свой путь по звездам, он не должен отвлекаться встречными попутными огнями.

Поэтому я старался изложить только сущность, существо действий правительства и его намерений. Я думаю, что, превращая Думу в древний цирк, в зрелище для толпы, которая жаждет видеть борцов, ищущих, в свою очередь, соперников для того, чтобы доказать их ничтожество и бессилие, я думаю, что я совершил бы ошибку.

Правительство должно избегать лишних слов, но есть слова, выражающие чувства, от которых в течение столетий усиленно бились сердца русских людей. Эти чувства, эти слова должны быть запечатлены в мыслях и отражаться в делах правителей. Слова эти: неуклонная приверженность к русским историческим началам *(рукоплескания в центре и справа)* в противовес беспочвенному социализму.

Это желание, это страстное желание обновить, просветить и возвеличить родину, в противность тем людям, которые хотят ее распада, это, наконец, преданность не на жизнь, а на смерть Царю, олицетворяющему Россию.

Вот, господа, все, что я хотел сказать. Сказал, что думал и как умел. *(Бурные рукоплескания в центре и справа.)*

Речь о сооружении Амурской железной дороги, произнесенная в Государственной думе 31 марта 1908 г.

Господа члены Государственной думы!

Вопрос о сооружении Амурской железной дороги казался мне настолько ясным, обязанность правительства представлялась мне настолько бесспорной и необходимость новых народных жертв на это народное дело настолько настоятельной, что я никак не мог предвидеть сколько-нибудь горячих прений по этому вопросу и в первый раз, когда он был поставлен на повестку, я в Думу даже не приехал. Теперь я вижу, что дело стоит иначе – вопрос о необходимости дороги вызывает серьезные сомнения, и само решение правительства кажется многим большой политической ошибкой. Вследствие этого, выслушав ораторов главных думских партий, я нахожу, что и правительство должно более подробно развить свою точку зрения на этот вопрос, так как именно в этом существенном вопросе, казалось бы мне, между правительством и большинством народного представительства не должно бы быть разномыслия. Почему я так думаю, я скажу далее, а теперь позвольте мне обратиться к доводам моих противников.

Доводы эти, как я понял, сводятся главным образом к следующему: трата 238 000 000 руб. или более на железную дорогу в настоящее время является для государства непосильной и даже, может быть, безумной. Государство наше ослаблено, нужно все напряжение его сил для внутренней культурной работы, иначе самая работа эта, са-

мый процесс самоизлечения будет обречен на неуспех и на неудачу. Между тем правительство берется за случайное предприятие, идет против народной нужды, народной пользы и даже не считается и с будущими поколениями, которые никогда не выбьются из нищеты, раз мы отягощаем их гнетом нового непомерного долга.

Но мало того, правительство берется за дело не только разорительное, а за дело прямо опасное; правительство, по-видимому, по словам наших противников, не поняло уроков новейшей истории, не поняло, насколько нам нужен глубокий мир и насколько всякая наша активная политика на Дальнем Востоке может быть для России гибельна. Что касается стратегических соображений, то противникам нашим кажется, что железнодорожная линия вдоль границы государства может стать разве только легким призом для наших неприятелей и что если говорить о стратегической необходимости, то надо строить в этом отдаленном крае крепости. Но раз отпадают стратегические соображения, то что же остается? Нельзя же серьезно говорить об экономическом значении края, который находится в состоянии вечной мерзлоты, где годичная температура ниже нуля.

Чтобы представить полную картину возражений, надо припомнить еще одно возражение, на этот раз идущее из самой комиссии, которая находит, что начальный пункт дороги должен быть не в Нерчинске, а в Куенге. Если бы правительство оставило все эти возражения без ответа, то это было бы почти равносильно признанию необдуманности

правительственного плана, признания ошибки в его расчете, что тем более непростительно, что правительством не только внесен в Думу законопроект, но он уже приводится в исполнение на основании статьи 87 Основных законов. Я ничуть не хочу ослабить ответственности правительства, но я надеюсь доказать, что в некоторых случаях преступлением перед страной является не принятая вовремя на себя ответственность, а прикрытая боязнью ответственности бездеятельность. *(Голоса справа и из центра: «Браво!»)*

Большинство думских партий находит, что у правительства не было определенного политического плана, что им не руководила определенная государственная мысль, что не было той нравственной побудительной силы, которая толкала бы его на спешное энергичное приведение в действие этого предприятия. Правительство, по мнению наших противников, шло по инерции, по рутинному пути, по наклонной плоскости, оно совершенно бессмысленно следовало в прежнем направлении прежней нашей дальневосточной политики.

Я же настаиваю на том, что правительство взвесило именно наше положение после дальневосточной войны, что правительство имело в виду мудрое изречение Екатерины Великой gouverner c'est prevoir, «управлять – это предвидеть». Правительство, прежде чем принять решение, имело в виду всю совокупность всех тех возражений, которые здесь были высказаны.

Начиная защиту правительственного проекта, я должен высказать признание, что многое из того, что тут говорилось, соответствует правде, и если

строить государственную политику на сопоставлении видимых фактов, то, может быть, от постройки Амурской железной дороги надлежало бы и отказаться, но, припоминая все доказательства, все факты, которые здесь приводились, ссылки на негодность нашего колонизационного материала, бедность и пустынность отдаленной окраины, на убыточность железной дороги, на ту массу средств, которые придется на нее затратить, я, господа, припомнил и врезавшееся в мою память одно сравнение, высказанное знаменитым нашим ученым Менделеевым и обращенное когда-то давно уже к нам, только что поступившим в университет студентам первого курса. Говоря о видимых явлениях природы, знаменитый профессор предостерегал нас не поддаваться первым впечатлениям, так как видимая правда часто противоречит истине. «Ведь правда, неоспоримая правда для всякого непосредственного наблюдателя, – говорил Менделеев, – что солнце вертится вокруг Земли, между тем истина, добытая пытливым умом человека, противоречит этой правде». Насколько же соответствует истине, исторической национальной истине, та правда, которая только что развивалась перед вами с этого места?

Я прежде всего остановлюсь на стратегических соображениях и сделаю оговорку, что, несомненно, мы должны быть сильны на нашем Дальнем Востоке не для борьбы, а для прикрытия нашей национальной культурной работы, которая является и нашей исторической миссией. И в этом отношении военное министерство право, настаивая на проведении в жизнь своих стратегических сооб-

ражений. Некоторые из них развивал тут помощник военного министра, я же только упомяну о том, что, несомненно, постройка дороги освободит государственное казначейство от многих расходов на содержание сильной армии на Дальнем Востоке, освободит государственное казначейство и от необходимости постройки казарм для этих военных сил. При громадности нашей территории неоспоримо важно иметь возможность перебрасывать армию из одного угла страны в другой. Никакие крепости, господа, вам не заменят путей сообщения. Крепости являются точкой опоры для армии; следовательно, самое наличие крепостей требует или наличия в крае армии, или возможности ее туда перевезти. Иначе, при других обстоятельствах, что бы ни говорили, крепость в конце концов падает и становится точкой опоры для чужих войск, для чужой армии.

Наши государственные границы равняются 18 000 верст. Мы граничим с десятью государствами, мы занимаем одну седьмую часть земной суши.

Как же не понять, что при таких обстоятельствах первенствующей, главнейшей нашей задачей являются пути сообщения?

Пути сообщения имеют значение не только стратегическое: не только на армии зиждется могущество государства; оно зиждется и на других основах. Действительно, отдаленные, суровые, ненаселенные окраины трудно защитить одними привозными солдатами. Верно то, что говорил предыдущий оратор, что война – это народное дело. С воодушевлением свойственно человеку за-

щищать свои дома, свои поля, своих близких. И эти поля, эти дома дают приют, дают пропитание родной армии. Поэтому, в стратегическом отношении, армии важно иметь оплот в местном населении. Но я повторяю, что я не говорю о войне, я понимаю, что для нас высшим благом явился бы вечный мир с Японией и Китаем, но и с мирной точки зрения важно, господа, может быть, еще важнее иметь тот людской оплот, о котором я только что говорил.

Докладчик комиссии государственной обороны сказал тут, что природа не терпит пустоты. Я должен повторить эту фразу. Отдаленная наша суровая окраина вместе с тем богата, богата золотом, богата лесом, богата пушниной, богата громадными пространствами земли, годными для культуры. И при таких обстоятельствах, господа, при наличии государства, густонаселенного, соседнего нам, эта окраина не останется пустынной. В нее прососется чужестранец, если раньше не придет туда русский, и это просачивание, господа, оно уже началось. Если мы будем спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками и, когда мы проснемся, может быть, он окажется русским только по названию.

Я не только говорю об Амурской области. Надо ставить вопрос шире, господа. На нашей дальней окраине, и на Камчатке, и на побережье Охотского моря, уже начался какой-то недобрый процесс. В наш государственный организм уже вклинивается постороннее тело. Для того чтобы обнять этот вопрос не только с технической, с стратегической точки зрения, но с более широкой, общегосударст-

венной, политической, надо признать, как важно для этой окраины заселение ее. Но возможно ли заселение без путей сообщения?

Недавно в разговоре с одним из самых влиятельных наших администраторов на Дальнем Востоке я выслушал заключение его, что при случайности нашего судоходства по р. Шилке, зависящем от разных обстоятельств, Забайкальская область значительную часть года совершенно отрезана от Амурской, и сообщение между этими областями возможно разве лишь посредством воздушных шаров. Каким же образом мы не только заселять, каким образом мы серьезно изучать будем эти области без наличия дорог? Но нам говорят, что вопрос еще, нужно ли заселять эту окраину, нужно ли заселять пустынный, холодный край, который представляет из себя тундру, где средняя годовая температура ниже нуля, где царствует вечная мерзлота. Но тут, господа, такое несоответствие между правдою и истиной, что не трудно ее восстановить.

Вечную мерзлоту мы наблюдаем везде в Сибири; мы наблюдаем ее и во Владивостоке, и в Иркутской губернии, и в Енисейской губернии – это наследие бывшей геологической эпохи. Мерзлота эта зависит от покрова почвы – толстого слоя торфа и мха. При победоносном шествии человека, при уничтожении этого покрова вытаптыванием и выжиганием мерзлота эта уходит в глубь земли. Точно так же исчезает и заболоченность. Что касается температуры, то тут вам говорилось о том, что в зимнее время холода там сильнее, чем в Европейской России, но летом там температура вы-

ше. В июле месяце в Амурской области температура выше, чем в Варшаве; она почти доходит до московской температуры, в сентябре теплее, чем в Москве.

Край этот не есть край неизведанный. Тут упоминалось об исследованиях Старжинского, Крюкова и Семенова. Действительно, Семенов говорит, что ему край этот кажется подобным Германии времен Тацита, когда Германия считалась непроходимой вследствие заболоченности. Но, господа, вспомните, что Германия представляет из себя теперь? Зачем, впрочем, далеко ходить за сравнениями? Обратите внимание на Уссурийский край, о котором предшествующий оратор говорил, что он не заселяется. Господа, он заселяется. Заселяется, может быть, не так скоро, как было бы желательно, но те места в Уссурийском крае, которые недавно считались еще заболоченными таежными, составляют в настоящее время одну из главных приманок для переселенцев.

Вообще на возможности заселения этого края, хотя об этом много говорилось, мне все-таки приходится несколько остановить ваше внимание. Железная дорога, как вам известно, пройдет по двум областям и дойдет до третьей. Начинается она с Забайкальской области. Эта область по своему климату несколько суровее соседней Амурской, но климат в ней вместе с тем и более сухой, так что в климатическом отношении не было никогда и сомнения в том, что полевая культура в нем возможна; несмотря на то, что подробных исследований всего этого края не производилось, но отчасти он все же обследован. В настоящее время

производится обследование его северной части – Баргузинской тайги: эта тайга представляет из себя большой интерес, потому что там земли, годной под полевую культуру, до 2 000 000 десятин. Уже 500 000 десятин земли, по соглашению ведомства Главного управления землеустройства и земледелия с Кабинетом Его Величества, обследованы. Там отводятся участки для переселенцев.

Баргузинская тайга интересна тем, что она граничит с Витимским побережьем, с бассейном р. Витим; там много плодородных земель; эта местность уже заселяется, и если она будет в районе железной дороги или если железная дорога будет к ней приближена, то, несомненно, это богатый край для заселения. В нем 13 000 000 десятин, если считать от Баргузинской тайги на восток до Амурской области. В настоящем году будут обследованы 2 000 000 десятин Баргузинской тайги, до 2 000 000 десянин, в Витимском побережье отведено будет под переселение 151 000 десятин земли.

Я должен на Забайкальской области остановить ваше внимание, так как тут интересен один привходящий вопрос, к которому потом мне не придется вернуться. Я говорю о начальном пункте дороги. Как известно, тут являются разногласия между Правительством и комиссией путей сообщения. Правительство предлагает начальным пунктом Нерчинск, комиссия предлагает Куенгу. Мне кажется, что для выбора начального пункта нужны стратегические соображения, с одной стороны, переселенческие – с другой.

О стратегических соображениях вам тут говорил помощник военного министра, что касается

интересов переселения, что же надо иметь в виду? Надо провести дорогу так, чтобы ею обслуживалось наибольшее количество годной под переселение земли; затем необходимо, чтобы самая дорога прошла по такой местности, которая могла бы быть заселена, а затем, чтобы подступ к самой колее был наиболее легок и удобен. Всем этим условиям соответствует вариант нерчинский уже потому, что по этому варианту железнодорожная колея приближается именно к тем землям Витимского побережья, о которых я говорил.

Говорят, что разница расстояния между куенгинским и нерчинским вариантом только несколько десятков верст. Но, господа, для переселенцев и это важно. Затем, по нерчинскому направлению дорога проходит по долине р. Нерчин, и в самой долине этой теперь уже до 750 000 десятин земель, назначаемых для переселения; затем, эта долина очень удобна для проведения колесных дорог. Удаляя дорогу в Куенгу, вы ее удаляете как можно дальше от заселенных мест и прячете в каменный мешок. Дорога пройдет здесь в скалистом ущелье и будет не только удалена от переселенческого района, но будет для него недоступна; переселенец через несколько лет будет недоумевать, почему начало дороги проведено по местности ненаселенной, которая и не может быть заселена, и при том по местности скалистой, недоступной.

Приведу еще одно соображение. Изменение направления, несомненно, послужит к замедлению самой постройки. В настоящее время все ведь налажено для нерчинского направления; затем, если изменить направление, изучать новое направле-

ние, составлять чертежи новых мостов, то это, несомненно, будет серьезным тормозом и может привести нас к потере целого строительного периода. Что касается финансовой стороны, то куенгинское направление представляет уже не такое крупное преимущество, так как даст, конечно, гораздо более расходов по ремонту скалистого пути и затем вызовет необходимость в постройке соединительной ветви между станцией Нерчинск и городом Нерчинск.

Это я сказал попутно и теперь возвращаюсь к железной дороге. Дальше она пойдет по Амурской области. В Амурской области климат более влажный, там более жаркое лето, и, конечно, для наших серых зерновых хлебов он менее удобен, чем наши средние европейские губернии. Но, господа, пора оставить то рутинное мнение, что наши переселенцы должны двигаться, неся с собой наши серые зерновые хлеба. Тот же самый Крюков, о котором здесь так часто упоминали, удостоверяет, что область эта вполне пригодна для растений бобовых, для китайского гаоляна и, наконец, для огородных овощей.

Край этот не есть загадка: в нем живут. О низменности между Зеей и Буреей тут много говорилось. Там уже взято 800 000 десятин земли под переселение. В этой равнине живут только те молокане, о которых тут упоминалось, степень культуры которых высока и которые обрабатывают землю американскими машинами. На этих пресловутых американских машинах позвольте, господа, остановиться. Предыдущий оратор сказал, что тот, кто призывает страну к

жертвам, должен представить полную картину мотивов, вызывающих эти жертвы. Господа, мне кажется, что и то лицо, которое опровергает мотивы правительства, должно тоже представить вам верные основания своей аргументации; поэтому я полагаю, что оно должно входить на эту кафедру с проверенным багажом и то, что оно вам говорит, должно соответствовать не только правде, но и истине. *(Рукоплескания центра и справа.)*

Между тем я удостоверяю, что предыдущий оратор не ознакомился даже с представлением правительства в Государственную думу относительно снятия порто-франко, потому что если бы он прочел его, то для него стало бы ясным, что правительство, уничтожая порто-франко, возвращается к закону 1900 г., по которому – я цитирую самое представление – «все фабрично-заводские производства, както: сельскохозяйственные машины, семена, всякого рода растения, землеудобрительные вещества, орудия, ремесленно-строительные материалы освобождаются от уплаты пошлины». *(Рукоплескания справа и центра.)* Поэтому мне кажется, что наши молокане, которые живут и достигли в достаточной степени благосостояния в этой местности, являются для нас живым примером не только прошедшего, но и того, что может быть достигнуто в будущем.

Но не только бассейн между Зеей и Буреей должен вас интересовать. Вверх по р. Зее имеются громадные пространства земли, годные под переселение. Если брать от Зеи на запад, в направлении к Забайкальской области, вдоль тече-

ния не только реки Зеи, но и Уркана, мы найдем до 13 000 000 десятин земли, годной под переселение. Вверх по реке Бурее мы находим у молокан не только зерновые хлеба, не только урожай зернового хлеба, но и хороший урожай кукурузы, бахчи, арбузов и дынь. Затем по строящемуся колесному тракту от Благовещенска до Хабаровска открываются еще миллионы десятин земли, годных под заселение.

Но железная дорога оживит, несомненно, и конечный пункт, в который она упирается, она оживит находящиеся отчасти в Приморской области долины рек Виры, Куры и Амгуни. Тут важно не только полеводство, тут важно и скотоводство, тут важны особенно рыбный промысел, лесной промысел. Пора оставить то поверье, что переселенец может жить только там, где преобладает земледелие; достаточно уже китайские старатели унесли нашего золота в Китай.

Много лежит нашего богатства в той области, стоит только упомянуть о лесной торговле. В Китай и Японию привозится исключительно американский (орегонский) лес, а наши амурские лесные богатства остаются нетронутыми, нетронутыми потому, что мы не умеем приноравливаться к потребностям покупателя, потому что мы не умеем разрабатывать наши лесные материалы. Уже этих данных, казалось бы, достаточно для того, чтобы понять, что оставлять этот край без внимания было бы проявлением громадной государственной расточительности. Край этот нельзя огородить каменной стеной. Восток проснулся, господа, и если мы не воспользуемся

этими богатствами, то возьмут их, хотя бы путем мирного проникновения, возьмут их другие.

Я нарочито не ставлю этот вопрос в связь с разрешением аграрного вопроса в Европейской России. Вопрос амурский важен сам по себе, это вопрос самодовлеющий, но я должен настоятельно подчеркнуть, что Амурская железная дорога должна строиться русскими руками, ее должны построить русские пионеры... *(рукоплескания справа и центра)*; эти русские пионеры построят дорогу, они осядут вокруг этой дороги, они вдвинутся в край и вдвинут вместе с тем туда и Россию.

Теперь о финансовой стороне дела; но прежде, чем перейти к этому, я обращу ваше внимание, господа, на то, что даже тут между вами есть много сторонников необходимости постройки второй колеи по Сибирской железной дороге, и мнение это вполне обосновано. Надо знать, что в 1899 г. было провезено по Сибирской дороге 41 000 000 пудов груза, в 1906 г. было провезено уже 103 000 000 пудов груза. Это доказывает, что вторая колея необходима не только в стратегическом отношении, но и в коммерческом. Неужели мы эту вторую колею остановим в Маньчжурии? Где же мы будем выбрасывать и излишек наших товаров, и перевозимые в ту далекую окраину войска?

Относительно постройки второй колеи Китайской дороги и речи быть не может; никто серьезно не может об этом говорить уже потому, что через 75 лет Китайская дорога переходит к Китаю по арендному договору, и через 31 год Китай вправе ее выкупить и наверное выкупит. Затем, это было

бы и действительным серьезным вызовом соседу, так как по статье 7 портсмутского договора мы не имеем права использовать дороги в стратегическом отношении.

Таким образом, если нужна вторая колея Сибирской железной дороги, то нужен железнодорожный путь по нашему левому берегу реки Амур.

Я не буду представлять вам подробных финансовых исчислений и выкладок. Вам известно, что правительство исчисляет стоимость ее в 238 000 000 руб.; тут ее исчислили в несколько большей цифре, но даже если взять правительственную цифру, если достать деньги из 6%, то и то на уплату процентов потребуется 15–16 миллионов руб. в год. На покрытие же убытков – правительство не закрывает глаза на то, что первое время дорога будет убыточна, – если взять цифры применительно к Уссурийской дороге, придется точно так же уплачивать 5–6 миллионов руб. в год, так как убыток будет равняться от 2500 до 3000 руб. в год на версту.

Таким образом, вся стоимость дороги выразится в цифре от 20 до 22 миллионов рублей в год. Это, конечно, жертва громадная, и правительство ее требует от вас после разорительной войны и во времена лихолетья. Но вспомните, господа, что и другие государства, и другие страны переживали минуты, может быть, еще более тяжелые. Вспомните то патриотическое усилие, которое облегчило Франции выплатить пятимиллиардную контрибуцию своей победительнице. Амурская дорога будет та контрибуция, которую русский народ выплатит своей же родине.

Я совершенно понимаю точку зрения моих противников, которые говорят, что в настоящее время надо поднять центр. Когда центр будет силен, будут сильны и окраины, но ведь лечить израненную родину нашу нельзя только в одном месте. Если у нас не хватит жизненных соков на работу зарубцевания всех нанесенных ей ран, то наиболее отдаленные, наиболее истерзанные части ее, раньше чем окрепнет центр, могут, как пораженные антоновым огнем, безболезненно и незаметно опасть, отсохнуть, отвалиться. И верно то, что сказал предыдущий оратор: мы будущими поколениями будем за это привлечены к ответу. Мы ответим за то, что, занятые своими важными внутренними делами, занятые переустройством страны, мы, может быть, проглядели более важные мировые дела, мировые события, мы ответим за то, что пали духом, что мы впали в бездействие, что мы впали в какую-то старческую беспомощность, что мы утратили веру в русский народ, в его жизненные силы... *(бурные рукоплескания справа и из центра)*... в силу его не только экономическую, но и в культурную.

Мы, господа, ответим за то, что приравниваем поражение нашей армии к поражению и унижению нашей родины. *(Бурные рукоплескания справа и из центра.)*

Господа, действительно, верно, что вам впервые придется подать свой голос в большом историческом деле. До настоящего времени такого рода государственные вопросы доходили до Верховной власти в разработке только одних служилых людей. Впервые теперь в деле народного строительства до

престола Монаршего дойдет голос и ваш, голос народных представителей, которые созданы Государем и поставлены им на стражу народной пользы и народной чести. И в этом деле ваш голос, конечно, не может оказаться в разнозвучии с сознанием и стремлением русского народа.

Но не забывайте, господа, что русский народ всегда сознавал, что он осел и окреп на грани двух частей света, что он отразил монгольское нашествие и что ему дорог и люб Восток; это его сознание выражалось всегда и в стремлении к переселению, и в народных преданиях, оно выражается и в государственных эмблемах. Наш орел, наследие Византии, – орел двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью. *(Рукоплескания справа и из центра.)*

Я, господа члены Государственной думы, уверен, я убежден, что одно ваше решение в этом деле уже придаст большую силу государству. Одна наша разумная плодотворная работа уже поднимает кредит государства, уже дает новые миллионы России. *(Рукоплескания справа и из центра.)* Ваше решение одно даст возможность найти и средства на посильных для нас условиях. Это одно уже является новым источником финансовой силы. Если, господа, в самые тягостные минуты нашей новейшей истории русские финансы осилили войну, осилили смуту, то на скрепление нашего расшатанного государственного тела железным обручем будут средства. Для этого, господа, нужно

только ваше единодушное решение, о котором я говорил в начале своей речи, нужно ваше единодушное слово – произнесите. *(Продолжительные рукоплескания справа и из центра.)*

Речь о Финляндии, произнесенная в вечернем заседании Государственной думы 5 мая 1908 г.

Господа члены Государственной думы, поднятый сегодня впервые в Государственной думе вопрос, касающийся отношений Империи к составной ее части – Финляндии, мало известен широким слоям русских образованных людей, но вместе с тем он вызывает к себе особенно страстное отношение и общества, и печати. Вот почему, может быть, в нарушение установившихся обычаев, я решился поделиться с вами моими мыслями о Финляндии в первой стадии развития этого вопроса, так как говорить об этом вопросе надо с особенным спокойствием и самообладанием, и мне кажется, что этим путем дело упростится, может быть, сократится и обсуждение его, так как правительство сразу выскажет свою точку зрения на отношение Империи к Великому княжеству.

Но прежде всего я должен объяснить вам, почему я считаю необходимым давать вам пояснение по финляндским делам. Ведь существует мнение, что Финляндия – совершенно особое государство, управляемое особыми своими законами через особое свое правительство. Если придерживаться

этой точки зрения, то русское имперское правительство не имеет никакого касательства к Финляндии, и Государь Император, управляя Империей через имперское правительство, управляет Финляндией через особое финляндское правительство – Сенат, разрешая лишь в случае надобности создавшиеся между двумя соседними подвластными Ему государствами недоразумения. Существует и другая точка зрения, что Финляндия есть такая же окраинная провинция, как, скажем, привислинские губернии или Кавказ, и что вся задача управления Финляндией сводится к тому, чтобы приблизить форму этого управления к форме управления Империей.

И та, и другая точка зрения неправильны. Что и как думает правительство, я разъясню дальше, но теперь с самого начала я хотел бы установить, что имперское правительство считает и будет считать себя ответственным за финляндские события, так как Финляндия – составная часть русской Империи, а Империя управляется объединенным правительством, которое ответственно перед Государем за все происходящее в государстве. *(Рукоплескания справа и из центра.)*

Что же, господа, происходило и происходит в Финляндии? Я должен признаться, что счел бы весьма трудной и неблагодарной задачу опровергать все факты, которые лежат в основе поданного в Государственную думу запроса. Ведь, господа, у всех на памяти действия финляндской красной гвардии с ее пресловутым предводителем капитаном Коком во главе. Этот бывший офицер финляндских войск еще в мае 1906 года в Котке от-

крыто заявлял, что мы, то есть красная гвардия, естественные помощники русской революционной армии и если по счастливым обстоятельствам нам пришлось достигнуть первенствующего значения, то это лишь случайно. Всем памятны и действия красной гвардии в октябрьские дни 1905 г., когда она останавливала и действие железных дорог, и телеграфа, производила насилия над чинами жандармского надзора, а когда кончилась забастовка, начала производить открыто воинские упражнения, учения и парады по всей территории Финляндии, даже под стенами русской крепости Выборг.

Памятно также и отношение к этому местных властей. Так, когда губернатор по настоянию коменданта крепости запретил эти упражнения в районе крепости, то высшие власти в крае отменили это распоряжение, заявив, что красная гвардия – это мирное, невооруженное учреждение, это классовая организация внутреннего финляндского значения. Эта мирная организация через несколько времени, однако, принимает участие в свеаборгском бунте, портит полотно железной дороги, взрывает железнодорожный мост, вступает в бой с полицией, обстреливает воинский поезд. Но подавлен свеаборгский мятеж, и после этого финляндский Сенат объявляет учреждение красной гвардии закрытым.

В это время в Финляндии уже начинает действовать и укрепляться другая, гораздо более сильная, организация – общество «Воймы» – по-русски «сила». Если судить по отзывам печати того времени, то «Войма» получила повсеместное рас-

пространение по стране, проникла во все слои населения. Случайные отголоски газет и из зала суда, где возникают отрывочные дела о складах оружия, дают яркую характеристику «Воймы». Некто Тидеман заявляет в то время, что «Война» заполнила тот пробел, который образовался в Финляндии вследствие упразднения финляндских войск; другой финляндец, один из главарей красной гвардии, дал показание о том, что под видом спортивного общества «Война» распространила в Финляндии много тысяч винтовок. А что распространение оружия приняло в это время большие размеры – это подтверждается фактами. Я думаю, что подвоз в Финляндию целых нагруженных оружием кораблей был бы признан за провокационную сказку, если бы опять-таки не факты.

Один из самых ярких примеров и фактов – это случай с пароходом «Джон Графтон»; этот пароход случайно садится в финляндских шхерах на мель, к нему сейчас же подплывают два финляндских лоцмана, их встречают 20 человек вооруженной команды, принуждают их покинуть пароход, затем сама команда садится на парусную шлюпку, берет курс в море, и тут последовательно на «Джоне Графтоне» раздаются три взрыва, и пароход идет ко дну. На обломках этого парохода всплывает оружие, винтовки, и через некоторое время у окрестных жителей отбирают до 1300 винтовок, а водолазы находят ящики с множеством винтовок и огнестрельного оружия.

Совершенно почти однороден случай с моторной шхуной «Петер», упоминаемой в запросе.

Этот случай не менее романтичен. Команда, которая состояла из финнов и шведов, во время перехода морем связывает капитана, арестовывает его, затем высаживается на берег, выгружает груз. После этого полиция устанавливает, что груз этот получен в Любеке из Базеля и состоит из сотен ящиков опять-таки огнестрельного оружия и карабинов.

Я думаю, что самый интересный из всех транспортов оружия – это транспорт парохода «Ханхи». Груз этот прошел через Гельсингфорскую таможню, и только вследствие подозрительности носильщика, который нашел его чрезмерно тяжелым, обнаружилось его содержимое, то есть оружие. Обнаружено его происхождение из Бьерпборга, откуда успели уже отправить в Куопио целый вагон винтовок. Обнаружен был и получатель этого груза, некто Маннелин. Маннелин показал, что груз этот принадлежал умершему уже в то время председателю союза «Воймы», который отдал в его распоряжение некоторую часть оружия для вооружения местных кадров национальной милиции. Маннелина судили, и финляндский суд присудил его за нарушение таможенного устава к штрафу в 300 марок!

Затем, господа, в течение всего 1907 г. ввоз оружия в Финляндию продолжался, и целые партии его были арестованы в Англии. Полиция установила даже фирму в Гамбурге, которой оружие заказывалось. Установлены, господа, не только месяцы, установлены числа, дни месяца, когда эти партии направлены были в Финляндию. В начале действий общества «Воймы» местные власти отно-

сились к ним довольно снисходительно. Вот отзыв прокурора. Когда обнаружен был преступный характер тайного общества «Воймы», то прокурор Сената в первоначальном своем заключении не находил ничего преступного в том, что члены общества ставили своею целью защиту закономерного и общественного строя, как против всякого режима, нарушающего конституцию края и благоприобретенные права граждан, так и против других враждебных обществу элементов.

Точно так же установлено участие в этих враждебных действиях некоторых должностных лиц. Вполне удостоверена на судебном процессе виновность таммерфорсского полицмейстера – Нандельштадта – и бьернборгского – Эмана; они оба устранены были от должности, и первый из них был даже судим. Что касается воззваний общества «Воймы», то полиция неоднократно обращала внимание на них финляндских властей, но судебные финляндские власти относились подозрительно к показаниям нашей полиции, даже подозревая подлинность этих воззваний и намекая на то, что они русского происхождения. Ввиду этого, мне пришлось в очень категорической форме напомнить финляндским властям, что нельзя безнаказанно обвинять клеветническим образом целое ведомство в таком проступке, притом в официальном документе.

Точно так же довольно подозрительно относились финляндские власти к заявлениям русской полиции о действиях наших революционеров в Финляндии. Между тем, господа, опять-таки полицией установлено, что в течение одного 1907 г.,

6 - 1015

начиная с февраля и кончая декабрем, на территории Финляндии происходило 25 конференций и собраний именно революционного характера. На территории Финляндии, господа, готовились и организовывались и многие из тех покушений, которые имели место в Петербурге. Там организован был взрыв 12 августа 1906 г., ограбление в Фонарном переулке, причем похищенные деньги увезены были в Финляндию; покушение на убийство генерал-адъютанта Дубасова, убийство генерала Мина, убийства генерала фон дер Лауница, главного военного прокурора Павлова, начальника Петербургской тюрьмы полковника Иванова, Дерябинской тюрьмы – Гудима, Акатуевской тюрьмы – Бородулина и начальника Главного тюремного управления Максимовского. Там же подготовлялось покушение на военного министра, покушение на министра юстиции, наконец, покушение на Великого князя Николая Николаевича, и если бы не своевременный арест знаменитого Карла, организатора всех этих убийств и покушений, то нельзя было бы, вероятно, предотвратить и покушение посредством взрыва в зале Государственного совета.

Всем памятно, господа, что в течение нынешней зимы предупреждено было покушение на ограбление, посредством взрывчатых веществ, кассы конторы Императорских театров, так как своевременно арестована была вся злодейская шайка революционеров. Конечно, на памяти у вас и лаборатория взрывчатых веществ в Хаполе, затем 20 начиненных бомб, найденных под льдом в течение текущей зимы около станции Куоккала вмес-

те со всеми приспособлениями и массою взрывчатых веществ.

Конечно, господа, и на территории Империи приготовлялись и приводились в исполнение такие же террористические акты, но если принять во внимание, что территория Финляндии равняется территории одной нашей хорошей губернии, то и в наше даже ненормальное время только что описанные мною явления не могут быть признаны нормальными.

Но нормален ли, правилен ли и другой ряд явлений, затронутых в запросе, – направление тех дел, которые имеют общеимперское значение, которые касаются и Финляндии, и России? Я не хочу, господа, касаться личностей; не хотел бы никого обвинять и хотел бы оставаться в мире фактов, и в этой области я должен признать, что многое обстоит неблагополучно. Еще 1 августа 1891 г. состоялось Высочайшее постановление о том, чтобы по тем законодательным делам, которые касаются равномерно и Империи, и Финляндии, министр статс-секретарь запрашивал заключение подлежащего министра Империи. Таким образом, по самой основной постановке вопроса, финляндское должностное лицо, финляндский министр статс-секретарь, является вершителем вопроса, касается ли данное дело интересов Империи или не касается. От его доброй воли, от его усмотрения зависит, запросить по этому поводу имперские власти или не запрашивать.

Такая постановка вопроса, конечно, дала себя знать очень скоро и привела, конечно, к ненормальным результатам. Уже в следующем году по-

сле издания Высочайшего повеления, а затем и в 1896 г. были изменены некоторые параграфы учреждений финляндского Сената, именно по милиционной его экспедиции без запроса военного министра. Затем, 20 апреля 1906 г., был издан закон о русском языке в делопроизводстве присутственных мест Финляндии – опять без запроса русских властей.

По закону о печати пропозиция сейму была предложена без запроса русских имперских властей. Самый же законопроект о печати дошел до моего сведения вследствие запроса министру внутренних дел по одному только пункту, между тем сам генерал-губернатор считал необходимым и заключение министра юстиции, министра Двора и министра иностранных дел.

Таким образом случайно, благодаря одному лишь пункту, мне стало известно о законе, который в других пунктах, в других параграфах, в целом своем касался очень существенных интересов России и русских уроженцев. Затем многие законопроекты мне стали известны только из газетных слухов. Правильно ли это? Между прочим, таким образом я узнал о законопроекте о промыслах, об оскорблении Величества, наконец, об отзыве сейма, по предложению Государя Императора, относительно ассигнований сумм на те расходы, на которые не хватало ординарных средств. Это тот самый отзыв сейма, на который, после обсуждения в Совете министров, последовала резолюция Государя Императора, позднее опубликованная, подтвердившая незыблемость прав Монарха распоряжать-

ся статным и другими правительственными фондами Финляндии.

Даже самый сеймовый устав 1906 г. чуть было не миновал имперских властей, так как по инициативе только Государя Императора была в то время образована комиссия, под председательством статс-секретаря Фриша, для обсуждения тех вопросов этого устава, которые касались интересов Империи. Наконец, в самое последнее время, в феврале месяце 1907 г., без сношения с имперскими властями министр статс-секретарь доложил Государю Императору о том, что Сенат приступил уже к составлению проекта новой формы правления. Между тем этот проект клонится к почти полному освобождению Финляндии от связи, от уз ее с державным государством, с Россией. По этому законопроекту предполагается проводить в порядке финляндского законодательства даже некоторые такие определения, которые нашли себе место в основных законах и которые никоим образом не могут составить предмета законодательства местного.

Наконец, запрос касается еще железных дорог. Вопрос о соединении железных дорог имперских и финляндских – вопрос давнишний. Еще Император Александр Второй, когда ему предложили подписать законопроект, по которому финляндская колея была уже имперской колеи, отказался утвердить его и тогда же выразился так, что «этого Ему никогда бы не простил русский народ». Впоследствии точными и категорическими указаниями и повелениями Государя Императора вопрос этот приблизился к благополучному разрешению,

и в настоящее время, как вам известно, Государем Императором утверждено направление той соединительной ветви, которая будет соединять русские железные дороги с финляндскими. Совет министров уже разрешил министру путей сообщения внести представление в Государственную думу об ассигновании одного миллиона рублей на приступ к сооружению этой ветви, а финляндские власти обещали в скором времени внести в русское казначейство ту сумму, которая причитается на долю Финляндии.

Точно так же в настоящее время уже действует комиссия, которая производит пробу движения наших вагонов, наших локомотивов по финляндской колее, и по первым опытам комиссии надо думать, что габарит наших вагонов подойдет к финляндской колее и сквозное движение окажется возможным и будет осуществлено. Что же касается проведения новых железных дорог в самой Финляндии, то этот вопрос вызывал уже недоразумения между нашим Генеральным штабом и Статс-секретариатом, и я полагаю, что и в этом случае, как и во многих случаях такого рода, разногласия должны были бы повергаться на Высочайшее благовоззрение не только одной заинтересованной стороной. Вот, господа, те факты, тот материал, который я могу представить вам по тем вопросам, которые затронуты авторами запроса.

Но при этом я думаю, что корень зла совершенно не в незакономерных действиях или бездействиях властей, а лежит гораздо глубже. К этому я сейчас перейду, но раньше, вскользь по крайней мере, я должен сказать несколько слов о том, что

делала русская правительственная власть за эти два года. Я не буду вас утомлять рассказами, пересказами тех сношений, которые имели почти все министерства с финляндскими властями как по поводу «Воймы», «красной гвардии», так и общего законодательства, так как для этого нужно было бы вам прочесть целые тома; я не буду говорить и о трудности действия нашей полиции в Финляндии, у которой там нет специальных агентов, — скажу только, что эти самоотверженные действия, может быть, предупредили не одно злодейское покушение в Империи.

Я принужден, однако, хотя мимоходом указать на то, что правительство употребило все усилия, чтобы установить такой способ, который бы обеспечил сохранность нашего государства. Вот в этом смысле велись переговоры с финляндским Сенатом, и в течение 1906 г. было найдено как будто соглашение, так как гражданская экспедиция Сената в октябре 1906 г. издала циркуляр относительно способа обысков, арестов и, наконец, выдачи нашим властям наших русских революционеров. Но циркуляр этот не имел реального значения, не имел последствий, так как финляндская полиция, по собственной инициативе, наших русских революционеров не преследовала. Ввиду этого революционеры, перешедшие границу, находили себе в Финляндии, на территории русской империи, самое надежное убежище, гораздо более надежное, чем в соседних государствах, которые с большой охотой приходят в пределах конвенций и закона на помощь нашей русской полиции в этих преследованиях.

Таким образом, когда наступили особенно тревожные события, когда ежеминутно готовились из Финляндии покушения на русских министров и Великих князей, то само собой разумеется, что правительство должно было подумать о каких-нибудь экстренных мерах. Это была, несомненно, его обязанность, так как, опять-таки повторяю, за 26 верст от столицы, от резиденции Государя, готовились ежеминутно злодейские покушения. В это время и состоялось Высочайшее повеление о том, что если не будут ликвидированы самые опасные организации революционеров в Финляндии, то объявить Выборгскую губернию на военном положении.

И вот, почти накануне объявления Выборгской губернии на военном положении, стараниями русской полиции, которая организовала это дело, был задержан и арестован тот знаменитый Карл, о котором я упоминал выше, то есть организатор всех последних покушений; с ним вместе была задержана, захвачена масса документов, которые осветили революционное движение в Финляндии, причем, к сожалению, почти одновременно с арестом другого революционера, Вайнштейна, документы, задержанные с ним, через два дня были похищены из канцелярии местного лендсмана вооруженной шайкой, напавшей на эту канцелярию. Вследствие помянутых арестов необходимость военного положения временно отпала, и Государь Император ограничился повелением установить по границам Финляндии сплошной военный кордон для того, чтобы механически не допускать подозрительных лиц, революционеров, из Финляндии в Россию.

Вот таким заслоном, таким путем и была временно огорожена наша граница, обеспечена безопасность столицы со стороны Финляндии, обеспечена от вылазок из Выборгской губернии, из Выборга, который когда-то был завоеван Петром и назван им «подушкой» Санкт-Петербурга. После всего этого дальнейшие переговоры с финляндскими властями повели к тому, что мы теперь ближе к более реальному осуществлению надзора на местах, при совместных усилиях и русских, и финляндских властей, за нашими революционерами, и от доброй воли, от успеха этих совместных действий зависит спокойствие столицы.

Точно так же, господа, и по одному вопросу – вопросу об общем законодательстве – правительством принимались те меры, которые были правительству доступны без нарушения местных финляндских узаконений. Я обратился с просьбой ко всем министрам и главноуправляющим, чтобы те заключения, которые посылаются ими министру статс-секретарю по запросам его относительно общих законопроектов, были предварительно посылаемы в Совет министров для общего их объединения и направления. Таким образом, Советом министров был рассмотрен целый ряд очень важных законопроектов, между прочим, законопроект относительно выплаты известного денежного вознаграждения Финляндией за отбытие или, вернее, за неотбытие финляндскими гражданами воинской повинности в минувшие два года. Затем рассмотрен был законопроект относительно приобретения прав гражданства русскими уроженцами, законопроект, который предполагалось направить снача-

ла в порядке финляндского законодательства, причем в этом порядке отменялись бы даже некоторые статьи нашего Свода законов.

Но, господа, все эти мероприятия правительства по проявлениям, затронутым в запросе, имеют, по-моему, второстепенное значение. Для того чтобы разрешить вопрос в корне, нужно, прежде всего, отдать себе отчет, в чем причина тех ненормальных отношений, которые создались между государством и завоеванной силой его оружия провинцией. Механически разрешить этот вопрос нельзя. Мне кажется, что для этого недостаточно даже, может быть, и глубокого теоретического его изучения, тут нужно проникновение во внутренний мир противной стороны, и для того, чтобы разрешить домогательства, предъявленные России со стороны мирных, честных, культурных, трудолюбивых наших финляндских сограждан, нужно с полной справедливостью, без всякой предвзятости отнестись к этим домогательствам.

Я не желаю, господа, затрагивать каких-нибудь теоретических правовых вопросов – это дело ученых исследований, ученых диспутов. Я хотел бы лишь остановить ваше внимание на некоторое время на всем известных, впрочем, исторических фактах, которые в разном освещении, взятые с различных углов зрения, приводят к различным выводам, что и служит причиной того неопределенного, даже, скажу, тягостного положения, в котором находятся наши отношения к Финляндии.

Попробуем же, господа, проникнуть в мировоззрение финляндцев. Но для этого, господа, необ-

ходимо считаться с тем, что почти все политически мыслящие финляндцы, почти все финляндские политические партии в отношении своих исторических верований единодушны и почти солидарны.

Это мировоззрение их основано, прежде всего, на том заявлении, которое было сделано на Сейме в Борго в 1809 г. Императором Александром Первым. Вот, господа, подлинные слова его грамоты:

«Произволением Всевышнего вступив в обладание Великого княжества Финляндии, признали Мы за благо сим вновь подтвердить и удостоверить религию, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояние сего Княжества, в особенности, и все подданные, оное населяющие, от мала до велика по конституциям их доселе пользовались, обещая хранить оные в ненарушимой их силе и действии».

Таким образом, финляндцы все признают, что на Сейме в Борго Император Александр Первый даровал Финляндии конституцию и признал особую финляндскую государственность. Дальше в течение всего своего царствования Александр Первый неоднократно подтверждал, что он желает свято хранить все старинные установления и законы Великого княжества. Особенно ярко подчеркнул это Император Александр Первый в манифесте от 1816 г. Вот, господа, выдержки из этого манифеста.

«Быв удостоверены, что конституция и законы, к обычаям, образованию и духу финляндского народа примененные и с давних времен положившие основание гражданской его свободе и устройству,

не могли бы быть ограничиваемы и отменяемы без нарушения оных, Мы, при восприятии царствования над сим краем, не только торжественнейше утвердили конституцию и законы сии с принадлежащими на основании оных каждому финляндскому согражданину особенными правами и преимуществами, но, по предварительном рассуждении о сем с собравшимися земскими края сего чинами, Мы учредили особенное правительство под названием Правительствующего совета, составленного из коренных финляндцев, который доселе управлял гражданскою частью края сего и решал судебные дела в качестве последней инстанции, не зависев ни от какой другой власти, кроме власти законов и сообразующейся с оными Монаршей Нашей воли».

Наконец, Монарх заявляет, что он конституцию и законы, им для Финляндии утвержденные, «силою сего акта во всех отношениях паки утверждает».

Затем, господа, Император Александр Второй, созывая вновь Сейм в 1863 г., упоминает о конституционной монархии. В 1869 г. Император Александр Второй утвердил Сеймовый устав. Затем он даровал Финляндии особую монету и особое войско. Сеймовый устав был признан нерушимым основным законом, который не мог изменяться без согласия Монарха с земскими чинами. Общеизвестно также, что все русские Государи, после Александра Первого, вступая на престол, торжественными манифестами подтверждали особое положение Финляндии в составе русского государства, особую организацию ее судебной и администра-

тивной части. Все эти акты, в связи с другими актами, с другими действиями тех же Государей, получают и другую окраску. Но согласитесь, господа, что эти исторические прецеденты были достаточны для того, чтобы внушить финляндской интеллигенции твердую веру в то, что Финляндии присуще особое государственное устройство, существенно отличная от России государственность.

Это сознание укрепилось у финляндцев еще тем, что в конце прошлого столетия Россия, занятая своими домашними делами, мало интересовалась финляндскими делами, а от местных генерал-губернаторов требовалось только спокойствие и установление добрых отношений к финляндским гражданам. Вот почему эти принципы отдельной финляндской государственности начали понемногу переходить в особую науку своеобразного финляндского государственного права. Для того чтобы создать эту науку, подбиралась масса документов, причем, конечно, груда таких документов, не подтверждавших этих принципов, отбрасывалась в сторону. Эта теория укреплялась еще проповедью профессоров Александровского университета, местными учеными и лицами свободных профессий. В Александровском университете все питомцы проникались этим политическим миросозерцанием, а затем, так как эти питомцы занимают все должности в крае, начиная с должности сенатора и кончая должностями лендсманов и даже констеблей, то учение это и проникало с успехом в самую толпу народа. Народные университеты и публичные лекции продолжали это же дело, и совершенно естественно, что теория скоро перешла в верова-

ние, верование перешло в догмат, догматы же трудно опровергать какими-либо рассудочными доказательствами. По этому догмату Финляндия – особое государство и притом государство конституционное, правовое государство, которое имеет задачи, совершенно различные от задач России; и чем теснее связана будет Финляндия с Россией, тем осуществление этих задач станет невозможнее. Вот, господа, то верование, которое из теории начало переходить в своеобразную науку финляндского государственного права, и для того, чтобы перейти в практическую науку, должно было быть проведено сначала в жизнь. На это и направлены были старания всей финляндской интеллигенции, начиная с 1863 г., начиная с возобновления созыва Сеймов. Старания эти были направлены, главным образом, на область административного законодательства и финансовую прерогативу Монарха.

Вам известно, господа, что законодательство Финляндии делится на две категории: первая категория – это сеймовое законодательство, принадлежащее Сейму, вторая же, весьма обширная категория законодательства, обнимающая всю область общего хозяйства, принадлежит исключительно Монарху и называется законодательством административным или экономическим. По учению финляндцев, если в каком-нибудь вопросе административного законодательства следует сделать добавление сеймового характера, то весь вопрос раз навсегда переходит в ведение Сейма.

Таким образом, к Сейму перешли все почти нормы промыслового права и многие другие. По проекту новой формы правления, о которой я говорил,

все школьное дело, начиная от низших школ и кончая университетом, передвигается в сеймовое законодательство. А что касается финансовой области, то известны, конечно, неоднократные попытки сузить самое право распоряжения правительственными фондами и затем уменьшить самое питание этих фондов: статного, милиционного и других.

Вам, конечно, памятен, господа, перенос доходов с винокуренного налога и гербового сбора из области статного фонда в фонды временных налогов, то есть сеймовые; точно так же были попытки передвинуть в разряд сеймовых законов все таможенное законодательство со всеми таможенными доходами; наконец, непрерывно проходит во всей истории политической жизни Финляндии попытка сузить финансовые прерогативы Монарха, право Государя распоряжаться статным фондом.

Вот, господа, в этой политической атмосфере и застают Финляндию события 1905 г., послужившие пробным камнем и для многих русских, которые в это время, может быть, усомнились в будущности России. Поэтому понятно, что и многие политические деятели Финляндии должны были естественно, bona fide, задать себе вопрос: не наступил ли психологический момент для осуществления накопившейся политической мечты, если не обособления Финляндии, то приобретения ею насколько возможно большей самостоятельности. А так как горячие головы идут всегда впереди интеллигенции, идут, может быть, дальше, чем хотела сама создавшая их сила, то станут понятны и

появление красной гвардии и «Воймы», и наполненные оружием корабли, которые нам кажутся как бы страницей, вырванной из романов Майн Рида.

Помянутое настроение и господствующее политическое течение, может быть, и получили бы естественное развитие, может быть, и привели бы к широкому развитию финляндской самостоятельности и почти полному обособлению этой страны, с сохранением только фактической ее связи с Россией, если бы в это время навстречу финляндской волне не хлынула другая волна – волна русского народного самосознания, русской государственной мысли.

Но прежде чем объяснять вам, господа, какие притязания с русской стороны должны считаться, по мнению правительства, справедливыми и обязательными для России, мне приходится на время вернуться вспять. Я напоминаю вам, господа, что часть Финляндии, восточная ее часть, составляет древнее достояние России, закрепленное за нею еще Ореховским договором 1323 г. Затем, понемногу мы утрачивали эту территорию, и уже при заключении Столбовского мирного договора в 1617 г. граница русского государства была отодвинута приблизительно до Тихвина. Я упоминаю об этом для того, чтобы подчеркнуть, что Император Петр Великий силою оружия в течение 20 лет отвоевывал эти земли, что ему удалось отвоевать их почти все и, кроме того, взять Выборг, который он тогда и назвал «подушкой Санкт-Петербурга», определив его политическое значение. Эти земли, а также и те, которые были отвоеваны позднее Импера-

трицей Елизаветой Петровной и закреплены по Абоскому мирному договору 1743 г., были инкорпорированы в состав России; с ними обращались как с землями завоеванными, управлялись они Санкт-Петербургской камер-коллегией и другими коллегиями. Из них образована была сперва Выборгская губерния, затем Выборгское наместничество и затем опять губерния. По Ништадтскому и Абоскому договорам земли эти отошли к России в вечное неотъемлемое владение.

Но наступает царствование Александра Первого и новые войны. Еще до окончания войны Александр Первый объявляет всем западным державам о том, что «страну сию, таким образом покоренную, Мы навсегда присоединяем к Российской Империи». Затем наступают события Боргского сейма и то заявление Императора Александра Первого, которое я вам цитировал и которое составляет основание всей догмы, всего политического верования финляндских политических партий. Но нам, русским, надобно смотреть на эти события с другой точки зрения; нам надобно помнить, что после этого, после Боргского сейма, был заключен Фридрихсгамский мирный договор, который составляет тот документ, тот акт, по которому мы владеем Финляндией и которым определяются отношения Империи к Великому княжеству. А статья 4 Фридрихсгамского договора гласит: «Его Величество король шведский, как за Себя, так и за преемников Его престола и Королевства Шведского, отказывается неотменяемо и навсегда в пользу Его Величества Императора Всероссийского и преемников Его престола и Российской Империи, от

всех своих прав и притязаний на губернии ниже сего означенные, завоеванные оружием Его Императорского Величества в нынешнюю войну от державы Шведской, а именно: на губернии Кимменегардскую, Ниландскую и Тавастгусскую, Абоскую и Биернеборгскую с островами Аландскими, Саволакскую и Карельскую, Вазаскую, Улеаборгскую и часть Западной Ботнии до реки Торнео, как то постановлено будет в следующей статье о назначении границ».

«Губернии сии со всеми жителями, городами, портами, крепостями, селениями и островами, а равно их принадлежности, преимущества, права и выгоды будут отныне состоять в собственности и державном обладании Империи Российской и к ней навсегда присоединяются». Вот, господа, тот акт, тот законный титул, по которому Россия владеет Финляндией, тот единый акт, который определяет взаимоотношения России и Финляндии. И, господа, слова и действия Императора Александра Первого не находятся в разногласии. Никто из современников в этом его не упрекал. Он сам изумился бы, если бы ему сказали, что он создал особое Финляндское государство. Почти одновременно с Сеймом в Борго Александр Первый вводит всю Финляндию в 8-й Российский округ путей сообщения. На этом самом Сейме депутаты высказались за принятие рубля в качестве монетной единицы, «дабы Финляндия в отношении монетной системы не отличалась от остальных провинций России». Вот что постановил тот самый Сейм, который служит основанием всех финляндских притязаний.

Для современников было ясно, что Россия отвоевала от Швеции 6 финляндских губерний, которые не имели особого публичного правового устройства; это отдельные губернии, которые не могли войти в унию с Россией, так как для унии, как реальной, так и унии личной, необходимы две равноправные величины. Между тем Финляндия была признана состоящей в собственности и державном обладании России. Император Александр Первый даровал Финляндии внутреннюю автономию, он даровал ей и укрепил за ней право внутреннего законодательства, подтвердил все коренные законы, весь распорядок внутреннего управления и судопроизводства, но определение отношений Финляндии к Империи он оставил за собою и определил его словами: «собственность и державное обладание».

Становится после этого понятным, почему император Александр Первый объединил в одном управлении Старую и Новую Финляндии. Александр Первый не дарил завоеванную кровью наших предков часть Финляндии другому, соседнему, стоящему под его скипетром государству.

Император Александр Первый только устраивал управление отдельных областей, входящих в состав государства. Манифест 11 декабря 1811 г., устанавливающий это управление, не был сеймовым законом. Это был единоличный акт верховного управления Александра Первого, он был основан на Высочайше утвержденном мнении Государственного совета.

Опять-таки повторяю, что все внутренние законы, порядок внутреннего управления Император

Александр Первый торжественно подтверждал, но вместе с тем оставлял за собою определение отношений Финляндии к России. Вы не найдете в финляндском законодательстве никаких норм, устанавливающих, определяющих взаимные отношения Финляндии и России, их там быть не может. Отношения Финляндии к России определяются односторонним державным правом России, а за Россию в то время решал Монарх.

За отсутствием в то время одного общего пути для выражения воли Монарха и для превращения ее в законодательные акты, Император Александр Первый в вопросах взаимных отношений Финляндии и России опирался, как и последующие Монархи, на целый ряд тайных и явных финляндских комитетов. Так делал и Император Александр Второй. Александр Второй, когда торжественно подтверждал, что основанием к новому Сеймовому уставу служат древнешведские акты, то есть форма правления 1772 г., и акт соединения безопасности 1789 г., конечно, имел в виду подтвердить именно внутреннюю автономию Финляндии, так как в этих актах вы не можете найти, да и хронологически это невозможно, ни одной статьи, которая могла бы регулировать отношение Финляндии к державному государству.

Не мешает при этом припомнить, господа, что Император Александр Второй, который считается благодетелем Финляндии, посетивши финляндский Сенат, сказал сенаторам: «Помните, господа, что вы принадлежите к великой семье, во главе которой стоит русский Император». В соответствии с действиями помянутых государей, развивая уста-

новленные ими положения, действовали и последующие Государи.

В соответствии с этим находится и рескрипт Императора Александра Третьего от 1891 г., который требует установления порядка в делах общего законодательства в России и Финляндии. В соответствии с этим находится и акт 1899 г., регулировавший в то время эти отношения.

Ведь совершенно естественно, господа, что раз Финляндия и Россия составляют одно общее политическое тело, то общими и едиными не могут быть только одни внешние международные отношения, а должно быть и единство некоторых государственных задач. Конечно, затруднительно было бы сейчас же вам представить исчерпывающий список этих задач, но, конечно, для всех ясно, что к ним относятся, например: общая защита всеми подданными Русского Государя общего отечества, наблюдение за крепостями, наблюдение и защита береговых вод, наблюдение за почтовыми учреждениями, управление телеграфом, некоторые отрасли железнодорожного, таможенного управления и, наконец, упорядочение прав русских уроженцев в Финляндии.

Все это настолько близкие России вопросы, они настолько задевают наши кровные интересы, что не могут быть предметом решения одних только финляндцев, в порядке одного только финляндского законодательства. Ведь этим порядком могли бы быть, действительно, отменены и некоторые статьи нашего Свода законов.

Русская точка зрения совершенно ясна. Россия не может желать нарушения законных автоном-

ных прав Финляндии относительно внутреннего ее законодательства и отдельного административного и судебного ее устройства. Но, господа, в общих законодательных вопросах и в некоторых общих вопросах управления должно быть и общее решение совместно с Финляндией, с преобладанием, конечно, державных прав России.

Финляндцы толкуют иначе.

Они полагают, что ни один общегосударственный закон не может восприять силы, если не будет утвержден Сеймом; но если стать на эту точку зрения, то мы можем прийти к нелепому положению: один и тот же вопрос будет обсуждаться и решаться нашими законодательными учреждениями и финляндским Сеймом. Скажем, что разрешен будет этот вопрос различно, не получится единогласного решения, и в Империи не будет той державной воли, державной власти, которая могла бы разрешить этот вопрос. Вопрос останется неразрешенным или приведет к острому конфликту. Это, господа, конечно, ненормально, и повторяю, не в бездействии властей, не в незакономерных их действиях, коренится зло, а в том, что целая область нашего законодательства, громадная область наших взаимоотношений с Финляндией не урегулирована совершенно.

Господа, этот громадный пробел нетерпим, его надо пополнить. Господа, нельзя такие важные вопросы оставлять на произвол случая, случайных обстоятельств, случайных людей и событий. Не может и Дума постоянно регулировать их путем запросов. Запросами вы не можете уловить всех возникающих в этой области фак-

тов. Затем, господа, я должен вам напомнить, что у нас есть теперь один незыблемый способ для разрешения всех законодательных дел, определенный статьею 86 Основных законов. Это путь через Государственную думу и через Государственный совет.

В интересующей нас области общего для России и Финляндии законодательства надлежит различать два момента. Первый момент – подготовительный – разрешение вопроса о том, касается ли вопрос Империи или нет. При этом весьма важно, чтобы Монарх был осведомлен о тех вопросах, которые касаются России, своим же русским правительством как при предложении законопроекта, так и при его утверждении. Этот первый момент принадлежит к области Верховного управления, и относительно разрешения этого вопроса я получил совершенно определенные указания Государя Императора, которые и будут приведены в действие.

Но есть и другой момент законодательства. Это самое рассмотрение и разрешение законодательных вопросов. Определен он может быть, конечно, только законодательным порядком. В этой последней стадии, несомненно, нужно знать мнение и нужно считаться с точкой зрения финляндцев. На обязанности и правительства, и Государственной думы лежит, однако же, поднятие вопроса о выработке общего порядка законодательного рассмотрения наших общих с Финляндией дел.

Повторяю, вопрос этот слишком важен; он касается распространения власти Государя Императора по общеимперским делам через общеимперские

учреждения на протяжении и пространстве всей Империи. *(Возгласы: «Браво»; рукоплескания в центре и справа.)*

Господа, в этом деле не может и не должно быть подозрения, что Россия желает нарушить автономные, дарованные монархами права Финляндии. В России, господа, сила не может стоять выше права! *(Рукоплескания в центре и справа; голоса: «Браво!»).*

Но нельзя также допускать, чтобы одно упоминание о правах России считалось в Финляндии оскорблением.

Господа, в Финляндии (и в обществе, и в печати) раздаются голоса, что финляндский вопрос поднят в России темными силами реакции, ищут защиты в более интеллигентных, вероятно более либеральных, кругах, которые должны защитить Финляндию, финляндские права от надвигающейся бюрократической грозы. Прислушиваются в Финляндии к тем голосам, которые не понимают, не могут понять, что суровая сила, подавляющая и ликвидирующая революцию, в связи с творческой силой, стремящейся преобразовать и местный, и общий строй, имеет одну цель – установление на пространстве всей России стройного правового порядка. *(Голоса: «Браво»; рукоплескания в центре и справа.)*

Я не понимаю, господа, каким образом могут заподозрить правительство, творящее волю Государя и совокупно с представительными учреждениями стремящееся водворить в России спокойствие и прочный порядок, зиждущийся исключительно

на законах; заподозрить его в том, что оно стремится рушить подобный же порядок у наших финляндских сограждан. Забывают, что с введением нового строя в России поднялась другая волна реакции, реакция русского патриотизма и русского национального чувства, и эта реакция, господа, вьет себе гнездо именно в общественных слоях, общественных кругах. В прежние времена одно только правительство имело заботу и обязанность отстаивать исторические и державные приобретения и права России. Теперь не то. Теперь Государь пытается собрать рассыпанную храмину русского народного чувства, и выразителями этого чувства являетесь вы, господа, и вы не можете отклонить от себя ответственность за удержание этих державных прав России. *(Рукоплескания справа и в центре.)*

Вы, господа, не можете отвергнуть от себя и обязанностей, несомых вами в качестве народного представительства. Вы не можете разорвать и с прошлым России. Не напрасно, не бессмысленно и не бессознательно были пролиты потоки русской крови, утвердил Петр Великий державные права России на берегах Финского залива. Отказ от этих прав нанес бы беспримерный ущерб русской державе, а постепенная утрата, вследствие нашего национального слабосилия или нашей государственной близорукости, равнялась бы тому же отказу, но прикрытому личиной лицемерия. Сокровище русской нравственной, духовной силы затрачено в скалах и водах Финляндии.

Простите, что я вспоминаю о прошлом, но и забывать о нем не приходится. Ведь один, с морским

флотом, построенным первоначально на пресной речной воде, с моряками, им самим обученными, без средств, но с твердой верой в Россию и ее будущее шел вперед Великий Петр. Не было попутного ветра, он со своими моряками на руках, на мозолистых руках, переносил по суше из Финского залива в Ботнический свои галеры, разбивал вражеский флот, брал в плен эскадры и награждал чернорабочего творца новой России Петра Михайлова скромным званием адмирала. *(Голоса: «Браво».)*

Господа, неужели об этой стремительной мощи, об этой гениальной силе наших предков помнят только кадеты морского корпуса, которые поставили на месте Гангутской битвы скромный крест из сердобольского гранита? Неужели об этой творческой силе наших предков, не только силе победы, но и силе сознания государственных задач, помнят только они и забыла Россия? Ведь кровь этих сильных людей перелилась в ваши жилы, ведь вы плоть от плоти их, ведь не многие же из вас отрицают отчизну *(рукоплескания справа и в центре)*, а громадное большинство сознает, что люди соединились в семьи, семьи – в племена, племена – в народы для того, чтобы осуществить свою мировую задачу, для того, чтобы двигать человечество вперед. Неужели и тут скажут, что нужно ждать, пока окрепнет центр, неужели в центре нашей государственной мысли, нашего государственного чувства ослабло понимание наших государственных задач?

Да, господа, народы забывают иногда о своих национальных задачах; но такие народы гибнут, они превращаются в назем, в удобрение, на кото-

ром вырастают и крепнут другие, более сильные народы. Мы обращаемся к вам не за жертвой, мы не требуем от вас угнетения другой, менее сильной народности – нет, господа. Правительство просит от вас лишь вашей нравственной поддержки в том деле, которое оно считает правым. Я уверен, господа, что вы отвергнете запрос; но вами, в ваших русских сердцах, будут найдены выражения, которые заставят, побудят правительство представить на ваш же суд законопроект, устанавливающий способ разрешения наших общих с Финляндией дел, законопроект, не нарушающий прав маленькой Финляндии, но ограждающий то, что нам всего ближе, всего дороже, – исторические державные права России. *(Продолжительные рукоплескания справа и в центре; возгласы: «Браво».)*

Речь о постройке Амурской железной дороги, произнесенная в Государственном совете 31 мая 1908 г.

Вопрос о постройке Амурской железной дороги настолько исчерпан, что я не позволю себе утомлять внимание Государственного совета положительной стороной этого дела. Я в Государственной думе приводил доказательства в пользу постройки этой железной дороги. Против этого говорили многие члены Государственной думы, а здесь члены Государственного совета. Я полагаю, что у гг. членов Государственного совета сложилось совершенно определенное мнение как «за», так и «против» приведенных доводов и ре-

шение их зависит в настоящее время от того субъективного впечатления, в которое вылилась в их глазах вся совокупность аргументаций как сторонников, так и противников этого предприятия. Если я все же несколько неожиданно для самого себя вступил сегодня на эту кафедру, то только для того, чтобы внести самые краткие поправки к тем доказательствам, которые были приведены противниками этой дороги. Мне кажется, что это будет способствовать выяснению вопроса, а следовательно, и более безошибочному его разрешению.

Я с самого начала должен упомянуть, что правительство с полнейшим уважением и серьезностью отнеслось к доводам противников железной дороги, понимая всю тяжесть ответственности, которую чувствуют при разрешении этого важного дела гг. члены этого высокого учреждения, ответственности, быть может, двойной, так как Верхняя палата призвана высказать свой взгляд по существу вопроса, считаясь с уже принятым решением Государственной думы.

Поправки свои я разобью по категориям соответственно доводам противников.

Мне кажется, что самый главный и самый сильный довод – это довод финансового свойства, но на нем подробно остановился министр финансов. Я полагаю, что он вас убедил, что Россия не дошла еще до такого положения, чтобы отказываться от защиты интересов, которые для нее являются жизненными. К чему же, поэтому, сведен весь вопрос? К тому: не есть ли постройка железной дороги просто плод правительственного легко-

мыслия. Нужно ли направлять финансовые силы государственного казначейства и экономические силы страны именно в том направлении? Может быть, существуют какие-либо другие нужды, более важные и настоятельные.

Хотя вопрос финансовый очень подробно был разъяснен министром финансов, я не могу не отметить, что и мне несколько странными показались как будто бы преувеличенные расчеты, которые были приведены противниками железной дороги. Сначала стоимость дороги исчислялась в 300 миллионов рублей, затем эта цифра возросла до 500 миллионов и, наконец, до 800 миллионов. Были приняты в расчет и дальневосточные крепости, и Китайская дорога, и усиление Уссурийской железной дороги. К этому были прибавлены расходы по восстановлению материальной части войск, и цифра возросла уже до 1100 миллионов рублей. Сюда затем были почему-то отнесены и убытки по Китайской восточной дороге. В конце концов, цифра вышла настолько колоссальной, что предприятие Амурской железной дороги могло показаться уже и совершенно нелепым.

Я не буду возражать ни против необходимости дальневосточных крепостей, ни против второй колеи Сибирской железной дороги, ни против усиления Уссурийской железной дороги – все это необходимо. Но мне кажется, что эти потребности отнюдь не вытекают из предположений правительства по постройке Амурской железной дороги. Я понимаю довод оппозиции о необходимости располагать расходы по степени их важности, но для меня несомненно, что постройка Амурской железной дороги

не увеличит, а уменьшит расходы по другим предприятиям. Ведь несомненно, что при наличности Амурской железной дороги придется Дальний Восток снабжать меньшим количеством войска, а следовательно, придется строить меньшее количество казарм; что касается второй колеи Сибирской железной дороги, то никто и не спорит против необходимости проведения этой колеи, но странно при этом оспаривать потребность в продолжении этой второй колеи, каковой и является Амурская железная дорога.

Что касается защиты Китайской восточной железной дороги и тех денег, которые она стоит, то это к данному вопросу как будто и совершенно уже не относится. Таким путем можно дойти до совершенной нелепости. Можно, например, на Амурский счет отнести и второй мост на Волге; а при большом напряжении изобретательности – и Охтинский мост в Петербурге. Во всяком случае, в конце концов, ясно, что и с финансовой стороны, как выразился министр финансов, это предприятие не есть нелепость – это предприятие для государства посильное. Вместе с тем, так как в дело это введен принцип известного рода постепенности, то очевидно, что всякое ассигнование на дорогу будет разрешаться в соответствии с другими культурными нуждами страны.

На этом придется остановиться несколько дольше.

Один из членов Государственного совета очень образно разъяснил, каким образом государственный корабль перегружается, каким образом он ушел в море ниже ватерлинии, вследствие чего появляется уже страх, что корабль может перевер-

нуться. Мне кажется, что после того несчастья, которое мы пережили, после ужасной войны, которая потрясла весь государственный организм до самых основ, нам придется еще долго тратить деньги и испрашивать ассигнования двоякого рода: на меры культурных начинаний и на меры восстановления физической мощи страны. Ведь вам, несомненно, долго еще после окончания постройки Амурской железной дороги придется одновременно ассигновывать большие средства, с одной стороны, на усиление армии, может быть, на устройство крепостей, на сооружение стратегических дорог, а с другой стороны, на школы, на землеустройство, на переселение, на улучшение административного устройства.

Таким образом эти расходы пойдут по двум параллельным руслам. Мне кажется, что мудрость решающей инстанции будет заключаться в том, чтобы наметить в каждой из этих областей расходов то, что окажется нужным поставить в первую голову на первое место, и на этом уже остановиться и добиться определенного результата, добиться выполнения намеченной задачи. Поэтому, если признать, что в ряде параллельных мер меры по обороне государства должны начаться с постройки Амурской дороги так же, как меры по внутреннему переустройству должны начаться с того или другого культурного мероприятия, то и к той, и к другой мере должен быть приложен принцип безостановочного действия, принцип полного государственного напряжения. В просторечье это называется – принатужиться.

Вот это, господа, и вызвало недоразумение, так

как это напряжение в одном направлении всех государственных сил квалифицируется оппозицией как поспешность, торопливость правительства. Мне кажется, что тут торопливости нельзя видеть никакой, так как с самого начала правительство всегда указывало, что дозирование расходов на Амурскую дорогу и постепенность их ассигнования будут зависеть от законодательных учреждений, которые будут рассматривать эти вопросы в порядке сметных назначений. Несомненно, что законодательные учреждения учтут, насколько могут быть напряжены финансовые силы страны, насколько может быть натянута струна.

Указание члена Государственного совета Стаховича на то, что мы совершенно забываем другие насущные, культурные нужды государства, и другие вызывающие недоразумения упреки оппозиции должны отпасть еще и по другим причинам. Для внесения их надлежит обратиться к другим нападкам на нецелесообразность того, что некоторые называют здесь Амурской авантюрой. Оппозиция, видимо, употребила здесь стратегический или скорее тактический прием, все мотивы правительства были расчленены на отдельные части, и затем была сделана попытка разбить эти расчлененные мотивы, каждый в отдельности. Между тем нигде, быть может, более, чем в данном деле, в деле Амурской железной дороги, не соединены так гармонично совершенно разнообразные интересы, военный, политический и экономический.

Быть может, если мотивы правительства брать в отдельности, то можно еще доказывать, что постройка Амурской дороги несвоевременна, но если

взять все эти мотивы в совокупности, то для России представляется неизбежным задачу эту осилить. Рассматривая мнение 10 членов Государственного совета, вставших в оппозицию к этому делу, я, к изумлению своему, нашел некоторые мотивы для меня непонятные. Так, например, говоря о чрезвычайной стоимости этого сооружения, приводят такой мотив: до сооружения Амурской железной дороги план защиты дальневосточной нашей окраины мог быть комбинирован так или иначе, но вопрос о сооружении крепостей остается открытым.

Несомненно, господа, это призыв к полной бездеятельности. В порядке сокращения расходов это, безусловно, способ дешевый, но точно так же самым дешевым способом жизни было бы ничего не есть, не одеваться, ничего не читать – но нельзя при этом считать себя великим и мужественным. Народ сильный и могущественный не может быть народом бездеятельным. Я иду дальше по пути стратегических соображений отдельного мнения 10 членов Государственного совета. Я положительно не усваиваю себе указания на преимущество Китайской восточной дороги в стратегическом отношении и не понимаю, каким образом может быть придано какое-либо стратегическое значение Маньчжурской линии, проходящей по чужой территории.

Непонятен мне и упрек в уязвимости того направления Амурской железной дороги, которое принято или предположено правительством. Я должен сказать, что в этом отношении правительство руководствовалось мнением компетентных учреждений; оно иначе, конечно, в этом вопросе и не

7 - 1015

могло действовать, но если говорить об уязвимости, то уязвимым может быть всякое сооружение; тогда не надо строить ни кораблей, ни крепостей, так как они тоже уязвимы. Дело искусства полководца – оградить в трудную минуту уязвимое место и использовать его возможно лучше!

Говоря о направлении дороги, я должен вернуться к одному недоразумению: тут говорилось о том, что комиссия Государственного совета указала на одно направление, которым пренебрегло правительство, – о направлении на Николаевск. Член Государственного совета Стахович упомянул о том, что следствием этого явился пункт 3 так называемой Правительственной декларации, в котором говорится, что правительство распоряжение строительными работами будет ставить в зависимость от производства на широком основании изысканий.

Это толкование, безусловно, неверно, так как пункт 1-й заявления правительства твердо устанавливает, что дорога будет проводиться от Куенги до Хабаровска. От этого принципа правительство отступить не может. Северное направление прямо на Николаевск не было принято правительством, так как нельзя же было нарочито выбирать для проведения железной дороги совершенно бесплодную, ненаселенную местность, раз в предположения правительства входило эту местность заселить и использовать ее в целях переселения. Таким образом, совершенно верно то, что сказал министр путей сообщения, что это дело второй очереди, что, несомненно, наступит время, когда Николаевск будет связан железной дорогой, но будет свя-

зан с одним из промежуточных пунктов Амурской железной дороги.

Что касается повторявшегося и тут неоднократно вопроса об окитаянии железной дороги, то я точно так же не могу понять рекомендуемого тут средства наложить, в предотвращение окитаяния, какое-то «табу» на весь этот край. Рекомендуют, насколько возможно, приуменьшить энергию и деятельность правительства в этой области, чтобы не создать приманки для китайцев. Но ведь, господа, я говорил в Государственной думе и тут повторяю, что просачивание желтой расы, диффузия существует уже в настоящее время, и вы не остановите законов природы. Предлагают поставить это просачивание в наиболее благоприятные условия путем совершенного устранения соревнования русских колонистов.

В настоящее время, даже если руководствоваться предположением члена Государственного совета Стаховича, совершенно забыть о железной дороге и дать 300 миллионов рублей исключительно на колонизацию Забайкальской и Амурской областей, то и такое героическое средство при отсутствии дороги не поведет к заселению этих областей. Послушайте людей, которые там живут и которые управляют этими областями. Ведь есть время года, когда из Забайкальской области в Амурскую можно пролететь только на воздушном шаре. Тот крестьянин, который ищет места для переселения, предпочтет, конечно, поехать по железной дороге в Уссурийский край, чем доехать до Сретенска и затем сотни верст проходить по тундре пешком.

В числе стратегических мотивов в особом мнении 10 членов Государственного совета было приведено еще одно соображение. Я читаю на странице 10 этого мнения, что не следует особенно напрягать государственные средства для обороны этой пустынной области, что нужно придерживаться теперешних способов ее обороны. Я спрашиваю, что значит теперешний способ обороны? Мне кажется, что мы испытали этот способ в прошлую войну и он привел нас к крайне печальным результатам. Мне кажется, что надо пользоваться минутами политической передышки, пользоваться для того, чтобы спешно укреплять государство, хотя бы и ослабленное предыдущим поражением.

Вчера я выслушал тут еще один упрек: было высказано, что правительство прибегло, для того чтобы добиться своей цели, к патриотическому стимулу, слишком преувеличило опасность положения края. Тут повторили мои слова в Государственной думе, что этот край теперь находится в таком опасном положении, что скоро можно отпасть, отсохнуть, безболезненно отвалиться. Но, господа, я имел в виду не только одну стратегическую опасность, тут опасность другая и очень большая.

Эта опасность – опасность мирного завоевания края чужестранцами.

Господа, этою опасностью пренебрегать нельзя, так как край этот нельзя приравнивать, как это было тут сделано, к побережью Ледовитого океана, это не край, который можно было бы забросить, а край, которым заняться мы обязаны. Упрекали правительство в том, что нет достаточ-

ных изысканий, что трудно решаться на такой значительный расход, на такое колоссальное предприятие, когда мы не знаем, на что мы отпускаем эти деньги, но я должен обратить ваше внимание на то, что ведь этот край не вновь завоеван, он находится во власти России уже десятилетия. У нас есть реальные факты относительно добычи в нем металлов, цифры весьма интересные по этому вопросу (я не хочу утомлять вас ими) находятся в распоряжении министра финансов; есть сведения о приобретении в Амурской области пшеницы для Приамурского военного округа, цифры в подкрепление этого приводились приамурским генерал-губернатором в комиссиях Государственного совета. Эти цифры растут с каждым годом, теперь они уже превышают 1 миллион пудов.

Я совершенно не противник детальных обследований, но мне кажется, что эти детальные обследования должны идти параллельно с правительственным действием, с постройкой железной дороги. Все мы помним, господа, какое удручающее впечатление производили на нас, скажем, на людей провинции, те многотомные, весьма почтенные изыскания, которые производились в течение многих лет и которые в конце концов ни к какому действию правительства не приводили. Не будет ли в этом отношении жизненнее, здоровее, если все такого рода изыскания, вроде комитетов по обследованию сельскохозяйственной промышленности и других комиссий, следовали бы параллельно с правительственной работой, в данном случае с постройкой железной дороги?

Не забывайте, господа, что у России нет и не будет других колоний, что наши дальневосточные владения являются единственными нашими колониальными владениями, что у нас нет другого на востоке входа в море. Если судьба нас поставила в особенно благоприятные условия, если от наших колоний нас не отделяет большое водное пространство, то ясно, что насущной для России потребностью является соединение этих дальних владений железным путем с метрополией.

Тут я опять-таки обращусь к соображениям члена Государственного совета Стаховича. Он это предприятие относит к разряду тех, которые утолщают броню и перегружают корабль. Едва ли это так! Амурская дорога – предприятие несомненно культурное, так как оно приближает к сердцевине государства наши ценные колониальные владения. Мне кажется, что если бы можно было перекинуть железную арку от Сретенска в Хабаровск и далее во Владивосток и построить по этой арке железную дорогу, в совершенно безопасных условиях, то эту железную дорогу пришлось бы поставить в более опасные условия, спустив ее на землю, на мерзлую тундру, так как к ней русский человек должен приложить свой труд, труд, который уже окупается, в котором нуждается русский человек и с каждым годом будет более нуждаться.

Я отдаю себе отчет, насколько трудную минуту мы переживаем. Но если в настоящее время не сделать над собою громадного усилия, не забыть о личном благосостоянии и встать малодушно на путь государственных утрат, то, конечно, мы ли-

шим себя права называть русский народ народом великим и сильным.

Теперь два слова по поводу мнения четырех членов Государственного совета. Нас обвинили в неожиданном выступлении с так называемой Правительственной декларацией, в противоречии ее с решением Государственной думы. Я, однако, принужден подтвердить, что на заявлении этом правительство настаивает, что оно ни в чем не идет вразрез с решением Государственной думы, ни в чем ему не противоречит. Если ваше мнение сходится с мнением правительства и с намерениями его приступить энергично к постройке Амурской дороги с запада на восток, то внесение новых редакционных поправок в Думский законопроект поведет в настоящее время, конечно, лишь к отсрочкам, притом к отсрочкам для дела опасным, и будет принято правительством как выражение полного к нему недоверия.

Речь о земельном законопроекте и землеустройстве крестьян, произнесенная в Государственной думе 5 декабря 1908 г.

Господа члены Государственной думы!

Если я считаю необходимым дать вам объяснение по отдельной статье, по частному вопросу, после того, как громадное большинство Государственной думы высказалось за проект в его целом, то делаю это потому, что придаю этому вопросу коренное значение. В основу закона 9 ноября положена определенная мысль, определенный прин-

цип. Мысль эта, очевидно, должна быть проведена по всем статьям законопроекта; выдернуть ее из отдельной статьи, а тем более заменить ее другой мыслью значит исказить закон, значит лишить его руководящей идеи. А смысл закона, идея его для всех ясна. В тех местностях России, где личность крестьянина получила уже определенное развитие, где община как принудительный союз ставит преграду для его самодеятельности, там необходимо дать ему свободу приложения своего труда к земле, там необходимо дать ему свободу трудиться, богатеть, распоряжаться своей собственностью; надо дать ему власть над землею, надо избавить его от кабалы отживающего общинного строя. *(Голоса в центре и справа: «Браво».)*

Закон вместе с тем не ломает общины в тех местах, где хлебопашество имеет второстепенное значение, где существуют другие условия, которые делают общину лучшим способом использования земли. Если, господа, мысль эта понятна, если она верна, то нельзя вводить в закон другое понятие, ей противоположное; нельзя, с одной стороны, исповедовать, что люди созрели для того, чтобы свободно, без опеки располагать своими духовными силами, чтобы прилагать свободно свой труд к земле так, как они считают это лучшим, а с другой стороны, признавать, что эти самые люди недостаточно надежны для того, чтобы без гнета сочленов своей семьи распоряжаться своим имуществом.

Противоречие это станет еще более ясным, если мы дадим себе отчет в том. как понимает правительство термин «личная собственность» и что понимают противники законопроекта под понятием

«собственности семейной». Личный собственник, по смыслу закона, властен распоряжаться своей землей, властен закрепить за собой свою землю, властен требовать отвода отдельных участков ее к одному месту; он может прикупить себе земли, может заложить ее в Крестьянском банке, может, наконец, продать ее. Весь запас его разума, его воли находится в полном его распоряжении: он в полном смысле слова кузнец своего счастья. Но, вместе с тем, ни закон, ни государство не могут гарантировать его от известного риска, не могут обеспечить его от возможности утраты собственности, и ни одно государство не может обещать обывателю такого рода страховку, погашающую его самодеятельность.

Государство может, оно должно делать другое: оно должно обеспечить определенное владение не тому или иному лицу, а за известной группой лиц, за теми лицами, которые прилагают свой труд к земле; за ними оно должно сохранить известную площадь земли, а в России это площадь земли надельной. Известные ограничения, известные стеснения закон должен налагать на землю, а не на ее владельца. Закон наш знает такие стеснения и ограничения, и мы, господа, в своем законопроекте ограничения эти сохраняем: надельная земля не может быть отчуждена лицу иного сословия; надельная земля не может быть заложена иначе, как в Крестьянский банк; она не может быть продана за личные долги; она не может быть завещана иначе, как по обычаю.

Но что такое семейная собственность? Что такое она в понятиях тех лиц, которые ее защищают, и

для чего она необходима? Ею, во-первых, создаются известные ограничения, и ограничения эти относятся не к земле, а к ее собственнику. Ограничения эти весьма серьезны: владелец земли, по предложению сторонников семейной собственности, не может, без согласия членов семьи, без согласия детей домохозяина, ни продавать своего участка, ни заложить его, ни даже, кажется, закрепить его за собой, ни отвести надел к одному месту: он стеснен во всех своих действиях. Что же из этого может выйти?

Возьмем домохозяина, который хочет прикупить к своему участку некоторое количество земли; для того, чтобы заплатить верхи, он должен или продать часть своего надела, или продать весь надел, или заложить свою землю, или, наконец, занять деньги в частных руках. И вот дело, для осуществления которого нужна единая воля, единое соображение, идет на суд семьи, и дети, его дети, могут разрушить зрелое, обдуманное, может быть, долголетнее решение своего отца. И все это для того, чтобы создать какую-то коллективную волю?! Как бы, господа, не наплодить этим не одну семейную драму. Мелкая семейная община грозит в будущем и мелкою чересполосицей, а в настоящую минуту она, несомненно, будет парализовать и личную волю, и личную инициативу поселянина.

Во имя чего все это делается?

Думаете ли вы этим оградить имущество детей отцов пьяных, расточительных или женившихся на вторых женах? Ведь и в настоящее время община не обеспечивает их от разорения; и в насто-

ящее время, к несчастью, и при общине народился сельский пролетариат; и в настоящее время собственник надельного участка может отказаться от него и за себя, и за своих совершеннолетних сыновей. Нельзя создавать общий закон ради исключительного, уродливого явления, нельзя убивать этим кредитоспособность крестьянина, нельзя лишать его веры в свои силы, надежд на лучшее будущее, нельзя ставить преграды обогащению сильного для того, чтобы слабые разделили с ним его нищету.

Не разумнее ли идти по другому пути, который широко перед вами развил предыдущий оратор, гр. Бобринский Второй? Для уродливых, исключительных явлений надо создавать исключительные законы; надо развить институт опеки за расточительность, который в настоящее время Сенат признает применимым и к лицам сельского состояния. Надо продумать и выработать закон о недробимости участков. Но главное, что необходимо, это, когда мы пишем закон для всей страны, иметь в виду разумных и сильных, а не пьяных и слабых. *(Рукоплескания центра.)*

Господа, нужна вера. Была минута, и минута эта недалека, когда вера в будущее России была поколеблена, когда нарушены были многие понятия; не нарушена была в эту минуту лишь вера Царя в силу русского пахаря и русского крестьянина. *(Рукоплескания справа и в центре.)* Это было время не для колебаний, а для решений. И вот, в эту тяжелую минуту правительство приняло на себя большую ответственность, проведя в порядке статьи 87 закон 9 ноября 1906 г., оно делало ставку не

на убогих и пьяных, а на крепких и на сильных. Таковых в короткое время оказалось около полумиллиона домохозяев, закрепивших за собой более 3 200 000 десятин земли. Не парализуйте, господа, дальнейшего развития этих людей и помните, законодательствуя, что таких людей, таких сильных людей в России большинство. *(Рукоплескания центра и отдельные – справа.)*

Многих смущает, что против принципа личной собственности раздаются нападки и слева, и справа, но левые, в данном случае, идут против принципов разумной и настоящей свободы. *(Голос слева: «Здорово»; голос из центра: «Верно».)* Неужели не ясно, что кабала общины, гнет семейной собственности является для 90 миллионов населения горькой неволей? Неужели забыто, что этот путь уже испробован, что колоссальный опыт опеки над громадной частью нашего населения потерпел уже громадную неудачу? *(Голос из центра: «Верно».)*

Нельзя возвращаться на этот путь, нельзя только на верхах развешивать флаги какой-то мнимой свободы. *(Голос из центра: «Браво».)* Необходимо думать и о низах, нельзя уходить от черной работы, нельзя забывать, что мы призваны освободить народ от нищенства, от невежества, от бесправия. *(Бурные рукоплескания центра и на некоторых скамьях справа; голос слева: «А от виселиц?»)* И настолько нужен для переустройства нашего царства, переустройства его на крепких монархических устоях, крепкий личный собственник, настолько он является преградой для развития революционного движения, видно из трудов последне-

го съезда социалистов-революционеров, бывшего в Лондоне в сентябре настоящего года.

Я позволю себе привести вам некоторые положения этого съезда. Вот то, между прочим, что он постановил: «Правительство, подавив попытку открытого восстания и захвата земель в деревне, поставило себе целью распылить крестьянство усиленным насаждением личной частной собственности или хуторским хозяйством. Всякий успех правительства в этом направлении наносит серьезный ущерб делу революции». *(Бурные рукоплескания центра.)* Затем дальше: «С этой точки зрения современное положение деревни прежде всего требует со стороны партии неуклонной критики частной собственности на землю, критики, чуждой компромиссов со всякими индивидуалистическими тяготениями».

Поэтому сторонники семейной собственности и справа, и слева, по мне, глубоко ошибаются. Нельзя, господа, идти в бой, надевши на всех воинов броню или заговорив всех их от поранений. Нельзя, господа, составлять закон, исключительно имея в виду слабых и немощных. Нет, в мировой борьбе, в соревновании народов почетное место могут занять только те из них, которые достигнут полного напряжения своей материальной и нравственной мощи.

Поэтому все силы и законодателя, и правительства должны быть обращены к тому, чтобы поднять производительные силы единственного источника нашего благосостояния – земли. Применением к ней личного труда, личной собственности, приложением к ней всех, всех решительно народ-

ных сил необходимо поднять нашу обнищавшую, нашу слабую, нашу истощенную землю, так как земля – это залог пашен силы в будущем, земля – это Россия. *(Бурные рукоплескания центра и на некоторых скамьях справа; иронические восклицания слева.)*

Речь по поводу закона о выборах членов Государственного совета от девяти западных губерний, произнесенная 8 мая 1909 г.

Господа члены Государственного совета!

По только что выслушанному вами докладу я имею от имени правительства заявить, что ныне действующий закон о выборе членов Государственного совета от девяти западных губерний с самого начала его действия признавался правительством несовершенным. Предполагалось, что, с введением в этих губерниях земских учреждений, распределение выборщиков по национальностям получит более правильное разрешение, и интересы русского населения окажутся в полной мере огражденными. К сожалению, вопрос о введении земства по некоторым обстоятельствам затянулся, и теперь мы стоим перед новыми выборами, на которых предстоит применить закон, не удовлетворяющий принципу справедливости.

Так как основная мысль предложения 33 членов Государственного совета в общем признается правительством приемлемою и имеет целью устранение дефектов закона, признаваемых и правительством, то последнее признает желательным

передать это предложение для всестороннего рассмотрения в особую комиссию. Вместе с тем, имея в виду, что, как бы успешно ни работала комиссия, новый закон о выборах не имеет шансов пройти через Думу и Совет и получить утверждение в текущую сессию, правительство немедленно же внесет в Государственную думу законопроект о продолжении полномочий теперешних членов Государственного совета от западных губерний на одну сессию или, говоря точнее, на один год, во время которого новый выборный законопроект может быть рассмотрен детально и спокойно.

Речь о порядке выборов членов Государственного совета от девяти западных губерний, произнесенная в Государственной думе 30 мая 1909 г.

Господа члены Государственной думы!

По вопросу о продлении срока полномочий членов Государственного совета от западных губерний я скажу очень немногое. Проект правительства, конечно, легко осложнить, легко попутно развернуть чуть ли не весь польский вопрос и из дела, по существу, самого простого создать дело весьма запутанное и даже с трудом разрешимое. Но дело это в глазах правительства разрешается весьма легко, если заранее выяснить три основных положения: во-первых, справедлив ли существующий порядок избрания членов Государственного совета от западных губерний; во-вторых, законен ли тот путь, который предлагает правительство, и, в-третьих,

соответственно ли, целесообразно ли в настоящее время поднимать все это дело?

Конечно, трудно оспаривать, что существующее представительство от западного края в Государственном совете и ненормально, и несправедливо. Доказать противное, я думаю, невозможно, так как цифры говорят, что в западных губерниях из всего населения поляков всего только 4%, а действительность показывает, что от девяти западных губерний все девять членов Государственного совета – поляки.

Если трудно доказать справедливость такого положения, то легче, может быть, пытаться доказывать, что положение это необходимо и даже, пожалуй, целесообразно. Делается это таким образом: выдвигается принцип, что Государственный совет не есть Государственная дума; в Совет выбираются лица из среды более культурной, более состоятельной, более устойчивой. Не вина поляков, если в этой среде преобладают они и если они, таким образом, являются естественными представителями этих слоев населения. Попадая же в Государственный совет, поляки естественно уже являются защитниками всех интересов края и, будучи такими же русскими подданными, как и все другие, очевидно, правомочны принимать участие и в разрешении всех общегосударственных вопросов.

В постановке этого вопроса кроется, по моему мнению, крупная основная ошибка. Действительно, в Государственный совет избираются лица из высших слоев населения, так сказать, верхи его, но избирает, намечает достойнейших лиц из этих

верхов, несомненно, все население, так что избранники населения являются представителями интересов всего населения, а никак не одного лишь более состоятельного его слоя. Поэтому по основному закону во внутренних губерниях избирательным собранием для выборов членов Государственного совета является губернское земское собрание, то есть учреждение, представляющее хозяйственные и экономические интересы всей губернии.

Смысл такого порядка заключается в том, что плательщики повинностей выбирают в Государственный совет из более состоятельных, из более зрелых и устойчивых плательщиков своего представителя, который таким образом и является представителем плательщиков всей губернии. В губерниях же западных избирателями являются лица, владеющие достаточным количеством земли для непосредственного участия в съездах уездных землевладельцев. Таким образом, та среда, из которой избираются члены Государственного совета, и во внутренних, и в западных губерниях одинакова, но среда избирателей совершенно различна, и в западных губерниях она состоит исключительно из более крупных землевладельцев, а избранник их является представителем именно их интересов, а не представителем интересов всего населения. Так как наиболее состоятельная среда в Западном крае есть среда польская, то нынешние представители от западных губерний в Государственном совете являются, несомненно, представителями поляков, то есть абсолютного меньшинства.

Я могу подтвердить это положение еще одним примером: известно, что в Государственный совет избираются лица, достигшие 40-летнего возраста, но избирают их все возрасты населения, конечно, граждански правоспособные. Результат выборов был бы, вероятно, совершенно иной, если бы в число избирателей входила одна лишь категория лиц 40 лет и свыше. В западных же губерниях выборы решает именно одна категория, конечно, не возрастная – не 40 лет и свыше, как в моем примере, – а категория имущественная, которая в том крае есть одновременно и категория племенная.

Конечно, может случиться, что в одной или двух губерниях число русских православных избирателей на бумаге поднимается до 40–45%, даже до 50%; но надо иметь в виду, что вследствие неправильного построения самого закона в состав выборщиков входят только высшие слои населения, то есть слои наносные, которые часто отсутствуют и тесно с землею не связаны. Между тем коренное оседлое население, состоящее из более мелких землевладельцев, самим законом от выборов отстранено, а оно всего больше заинтересовано в правильном представительстве.

Перейдем теперь ко второму вопросу: законен ли тот путь, который предлагается правительством? Правительство говорит: дабы не закреплять на три года явно неправильного представительства, установим срок – в данном случае срок годичный, – в течение которого совершенно спокойно и осмысленно возможно определить новый справедливый порядок, а на этот промежуток продлим полномочия существующего представительства.

Конечно, тут возможно возражение, что таким порядком, таким путем законодательные учреждения могут сами продлить свои полномочия до конца своих дней. Несомненно, могут быть нелепые по существу законы, но с юридической, с формальной стороны продление полномочий представителей не является ни нелепостью, ни абсурдом. Такое продление знают многие иностранные законодательства, и они всегда проводились по существу с пользой для населения и в силу существенной для страны необходимости.

В Англии при Георге Первом был проведен так называемый семилетний акт, septimal act, которым были продолжены полномочия депутатов палаты общин, в том числе полномочия заседавшего в то время состава палаты, с трех до семи лет. В истории законодательных учреждений Франции продление полномочий депутатов повторяется неоднократно: в 1809 г. части депутатов, выбывавшей по закону из состава законодательного корпуса, были продлены полномочия на всю сессию 1809 г. и на 1810 г. В 1824 г. полномочия депутатов были продлены с трех на семь лет, причем закон этот был точно так же распространен и на депутатов заседавшей в то время палаты. В 1893 г. полномочия лиц, избранных депутатами на четыре года в сентябре и августе 1893 г., были продлены до 31 мая 1898 г.

В практике наших земских и городских учреждений точно так же известны случаи продления срока полномочий гласных. Не говоря уже о самом законе, который по ст. 53 положения 1890 г. уполномочивает на продление полномочий прежних

гласных в случае недобора $^{2}/_{3}$ гласных, у всех в памяти, что в порядке верховного управления бывали случаи продления полномочий существовавшего состава гласных ввиду предстоявших изменений в законе. Так это было при введении нового земского положения в 1890 г., при введении нового городового положения в 1892 г. и при преобразовании петербургского общественного управления в 1901 г. Таким образом, законопроект правительства должен быть признан строго юридически обоснованным.

Но перейдем теперь к последнему вопросу – к вопросу о том, целесообразно ли, своевременно ли в настоящее время поднимать все это дело. Против предложения правительства о продлении полномочий членов Государственного совета можно привести, конечно, много доводов, настаивая именно на его несвоевременности. Первый и, скажу, самый сильный из этих доводов тот, что правительство само, по собственной инициативе не возбуждало этого вопроса и действует якобы под давлением части членов Государственного совета, внесших предложение об изменении порядка выборов в Государственный совет от Западного края. Второй довод, второй мотив тот, что нельзя без кричащей необходимости прикасаться к избирательному закону. Наконец, в виде третьего довода приводится соображение, что лица польского происхождения держат себя в Государственном совете весьма корректно, что всеми признается полезность их работы и что их мнения, их национальные идеи, каковы бы они ни были, не могут иметь никакого значения, так как в Го-

сударственном совете они теряются, как мнения ничтожного меньшинства.

Действительно, правительство не возбуждало вопроса об изменении избирательного закона в Западном крае, но не делало оно этого потому, что всегда полагало и в настоящее время полагает, что лучшим, самым естественным способом разрешения этого вопроса было бы распространение положения о земских учреждениях на эти девять западных губерний. Но, имея в виду, что реформу земских учреждений во внутренних губерниях трудно рассчитывать провести через законодательные учреждения в ближайшем времени и что эта работа, казалось бы, должна предшествовать распространению Земского положения на Западный край, правительство и признало приемлемой основную мысль предложения группы членов Государственного совета, имея, главным образом, в виду реорганизовать состав избирателей и распространить выборное право на более широкие слои населения.

Правительство не боялось и частичного исправления выборного закона, так как постепенное исправление и улучшение закона иногда более безопасно, чем его крутая ломка. Наконец, образ действий польских членов в Государственном совете не имеет для правительства никакого значения, так как законодательное предположение правительства не может, конечно, считаться направленным лично против кого бы то ни было. Но вообще, господа, если дожидаться благоприятной минуты для того, чтобы внести поправку в несовершенный закон, то можно с уверенностью сказать, что минута эта не настанет никогда.

Возьмем, например, лиц, имеющих право бесплатного или льготного проезда по железным дорогам. (В прежнее время таких лиц было много.) Они, занимая платные места, вызывают нарекания платных пассажиров, между тем лично они, конечно, совершенно не ответственны за свое льготное положение. Но несомненно, что они всегда сочтут высшей несправедливостью приравнение их к платным пассажирам и отнятие у них дарового или льготного проезда.

Между тем, господа, члены Государственного совета от западных губерний прошли в Государственный совет по льготному тарифу, и ничего оскорбительного для них, ничего несправедливого в изменении этого порядка быть не может, так как необходимость, государственная необходимость, заставляет применять ко всем тариф общий.

С этой целью, целью установления порядка безобидного и справедливого для всех слоев населения, правительство и внесло предложение об установлении годового срока. Если, господа, мы не установим сами для себя определенного предельного срока, несомненно, дело застрянет, дело затянется, дело завязнет. Между тем думская комиссия заявила о желательности распространить на западные губернии Земское положение. То же пожелание высказано и комиссией Государственного совета. Правительство же, как я уже указал, не взяло на себя инициативы такого предложения потому только, что полагало недостижимым провести в короткое время законопроект о расширении компетенции земских учреждений.

Но в последнее время Государственная дума стала на новую точку зрения; она сама высказывала пожелание, чтобы в некоторых внутренних губерниях было введено действующее ныне Земское положение. Я должен сказать, что эта точка зрения весьма облегчает положение правительства и, становясь на нее, правительство может взять на себя и берет на себя внесение в осеннюю сессию законопроекта о распространении существующего Земского положения на девять западных губерний *(рукоплескания справа и в центре)*, разумеется, с некоторыми изменениями в способе выбора гласных соответственно местным условиям и местным особенностям.

Если это окажется неприемлемым, то можно установить нечто другое – создать избирательное собрание, применяясь к избирательному собранию для выборов земских гласных, и возложить на это собрание непосредственно выбор членов Государственного совета. Руководствуясь этими соображениями, я прошу вас, господа, не отклонять законопроекта правительства. Движимые необходимостью закончить дело в течение года, мы, господа, дружными усилиями, несомненно, проведем в течение этого срока новый законопроект о введении земства в Западном крае, законопроект немаловажный, который не может не внести умиротворения в местную работу. Я прошу вас, господа, об этом ввиду восстановления справедливости по отношению к 15-миллионному русскому населению в Западном крае.

Не ненависть, не желание нанести полякам напрасное оскорбление руководит правительством –

это было бы не только не великодушно, это было бы не государственно. *(Голоса: «Браво, браво»; рукоплескания в центре и справа.)* Правительством руководит сознание, которое должно всегда и впредь руководить всяким русским правительством, сознание необходимости прислушиваться к справедливым требованиям природного русского населения окраин и, если эти требования обоснованны, поддерживать их всею силою правительственного авторитета. *(Рукоплескания справа и в центре.)*

Я должен заявить, что предложение партии 17 октября соответствует одному из тех вариантов, которые правительство имело в виду внести в Думу. Если и был внесен другой вариант, то потому, что правительство полагало, что при выборах на один год будут во всяком случае выбраны лица польского или русского происхождения – безразлично; но не те, которые были бы выбраны всем населением. С другой стороны, я должен заявить, что главная цель правительства – это достигнуть принятия годичного срока, в течение которого ныне действующий порядок был бы исправлен. Так как внесенное предложение клонится к тому же, то я и заявляю, что против него, если оно Думою будет принято, правительство ничего не имеет.

Я должен, однако, сделать одну оговорку: по моему мнению, предложение фракции 17 октября не есть поправка – такого рода существенные поправки не должны были бы иметь места, так как это было бы нежелательным прецедентом, – это есть, собственно говоря, изменение законопроекта, изменение, предложенное фракцией 17 октября, находящееся в полном соответствии с прави-

тельственным предложением, изменение, на которое правительство выражает полное свое согласие. *(Рукоплескания центра и справа.)*

Речь о праве крестьян выходить из общины, произнесенная в Государственном совете 15 марта 1910 г.

Господа члены Государственного совета!

После исчерпывающего доклада М. В. Красовского и после глубоких разъяснений такого высокоуважаемого и авторитетного знатока крестьянского дела, как А. С. Стишинский, задача моя, представителя правительства, сильно упростилась. Я свободен теперь от обязанности разъяснять вам существо и значение указа 9 ноября 1906 г., тем более что по поводу этого акта и в Государственной думе, и в Особой комиссии Государственного совета, и в ученых обществах, и в прессе, без преувеличения, сказано уже все. Закон этот не только проверен теоретически рассуждениями специалистов, он четвертый год проверяется самой жизнью, и правительству не приходится пробивать ему дорогу в законодательных учреждениях.

Закон сам завоевал себе право на существование, сам прокладывает себе пути и шагает так быстро, что через несколько времени, может быть, было бы уже невозможно видоизменить его окрепшие уже очертания. Это сознают и самые крайние противники закона, но тем более он им кажется принципиально вреден. Они не могут не смотреть

на него, как на действительно живое порождение правительства, как на исчадие уродливое и уродующее местную жизнь.

Конечно, за последнее время суровые доводы против закона поневоле смягчены теми результатами, которые дает жизнь, но вместе с тем и понятно и естественно стремление противников закона выровнять, выправить, видоизменить, обезвредить вредное в их глазах явление ранее, чем оно получит окончательное признание, окончательное узаконение в этом высоком учреждении, ранее, чем санкционировать дальнейший его рост и развитие.

Но точно так же, господа, понятно и естественно убеждение правительства, что закон построен правильно, убеждение в том, что изменения, поправки могут только придать ему вредное, неестественное направление. Поэтому я остановлюсь исключительно на тех поправках и добавлениях, которые предполагается, в порядке так называемого обезвреживания закона, в него ввести, и сочту себя обязанным самым определительным образом изложить взгляд правительства по этому вопросу. Но прежде этого, для того, чтобы более понятна была принципиальная точка зрения правительства, позвольте попросить вас мысленно обернуться к прошлому и вспомнить, в какое время и при каких обстоятельствах закон 9 ноября возник.

Ведь это было довольно смутное время, когда еще горели или догорали помещичьи усадьбы, когда свобода воспринималась как свобода насилия, когда насилие это иные считали возможным уничтожить насилием же, принудительным отчужде-

нием владельческих земель. В это время правительство начало проводить целый ряд узаконений, относящихся до крестьян. Мероприятия эти понимались многими искренно, иными, быть может, лукаво, как акт политической растерянности слабого правительства, которое зря сразу разбросало весь свой балласт; земли удельные, земли государственные, общинный строй – все в жертву гидры революции.

Но я думаю, что теперь всем стало ясно, что как эти меры, так и мероприятия по укреплению личной собственности являются результатом отношения правительства, отношения продуманного, принципиального к тому, что происходило в то время в России. А диагноз происходившего в кратких словах может быть сведен к следующему. Смута политическая, революционная агитация, приподнятые нашими неудачами, начали пускать корни в народе, питаясь смутою гораздо более серьезною, смутою социальною, развившейся в нашем крестьянстве. Отсюда естественный вывод – необходимость уничтожить первопричину, необходимость сначала излечить коренную болезнь, дав возможность крестьянству выйти из бедности, из невежества, из земельного нестроения.

Социальная смута вскормила и вспоила нашу революцию, и одни только политические мероприятия бессильны были, как показали тогдашние обстоятельства, уничтожить эту смуту и порожденную ею смуту революционную. Лишь в сочетании с социальной аграрной реформой политические реформы могли получить жизнь, силу и значение. Поэтому, господа, на закон 9 ноября надо смотреть

с угла зрения социального, а не политического, и тогда станет понятно, что он явился плодом не растерянного решения, а что именно этим законом заложен фундамент, основание нового социально-экономического крестьянского строя. А так как время смуты – время решений, не раздумья, то понятно, почему этот вопрос был проведен в порядке статьи 87, словом и волею Государя. Понятно это и потому, как говорил тут А. С. Стишинский, что к 1 января 1907 г. должен был быть решен в области крестьянского землевладения вопрос о выделе участков в частную собственность, так как к этому времени кончалась выплата выкупных платежей и должна была войти в силу статья 12 Общего положения.

Эту историческую справку я привел для того, чтобы с самого начала установить ту принципиальную сторону закона, с которой правительство сойти не может, в которой уступок нет. Не вводя, силою закона, никакого принуждения к выходу из общины, правительство считает совершенно недопустимым установление какого-либо принуждения, какого-либо насилия, какого-либо гнета чужой воли над свободной волей крестьянства в деле устройства его судьбы, распоряжения его надельной землей. Это главная коренная мысль, которая залегла в основу нашего законопроекта.

Если, господа, я так долго остановился на внутреннем значении акта 9 ноября 1906 г., то, может быть, это ускорит и облегчит выяснение дальнейшего отношения правительства к тем поправкам и дополнениям, которые предполагается в него ввести. Я остановлюсь сначала на отделе 1-м, введенном

в законопроект Государственной думой, особенно на статье 1, и прямо скажу, что этот отдел не вносит никакой новой мысли, новой идеи, противоречащей, противоположной идее правительства, так как поправка эта внесена с целью скорейшего перехода крестьян к личной собственности. Это было достаточно определенно высказано в свое время товарищем министра внутренних дел, А. И. Лыкошиным, в Государственной думе. Но и тут, в Государственном совете, я должен также оговориться, что правительство возражало бы против признания участко-наследственными тех обществ, в которых не было общих переделов за последние 24 года.

Соображения правительства таковы: конкретно весьма легко установить общества, в которых, с самого наделения их землей, не было никогда общих переделов. Каждый живущий в русской деревне знает общества стародушников, общества крестьян, владеющих землею по старым ревизским душам. В этих обществах, в этих селениях существуют группы молодых крестьян, которые мечтают добиться уравнения и общих переделов земли, но это им никогда почти не удается, не удается набрать голосов, так как старые домохозяева крепко и твердо стоят на своем, на старом порядке владения землею.

Но несколько сложнее положение там, где не было переделов в течение 24 лет. Во-первых, какой громадный труд, какое отвлечение от настоящего живого дела кадров крестьянских учреждений для выяснения, в каких обществах было и в каких не было переделов за последние два двенадцатилетия, так как и приговоры о переделах дале-

ко не везде сохранились! А возбужденные при этом споры! Господа, ведь до разрешения их должно быть приостановлено рассмотрение всех заявлений отдельных домохозяев о закреплении за ними участков. Таким образом, дело не ускорилось бы, а, напротив, затормозилось бы.

Я не могу молчать еще и о том, что так называемые незаконные общие переделы наблюдаются, главным образом, в тех обществах, где официальных переделов за последнее время не было. Затем, изменение существующего порядка вызвало бы среди крестьян лишь волнение, недоумение. Да и зачем принимать искусственные меры там, где дело идет естественным своим ходом? Ведь за 3,5 года – или, вернее, за 3 года, так как закон не начал действовать немедленно после его опубликования, – до 1 февраля 1910 г. заявило желание укрепить свои участки в личную собственность более 1 700 000 домохозяев, то есть, как заявил тут А. С. Стишинский, около 17% всех общинников-домохозяев; окончательно укрепили участки в личную собственность 1 175 000 домохозяев, то есть более 11% с 8 780 160 десятинами земли, и это кроме целых сельских обществ, в которых к подворному владению перешли еще 193 447 домохозяев, владеющих 1 885 814 десятинами.

Таким образом, при такой же успешной работе, еще через 6–7 таких же периодов, таких же трехлетий, общины в России – там, где она уже отжила свой век, – почти уже не будет. Поэтому правительство, веря в жизненность законов 9 ноября 1906 г., не стремилось и не стремится вводить в закон каких-либо признаков принуждения

и особенно, проводя закон в порядке статьи 87, считало невозможным производить какую-либо насильственную ломку. Конечно, законодательные учреждения в этом отношении более свободны. У вас руки развязаны, и поэтому правительство заявляет, что оно согласилось бы на введение отдела 1 одобренного Думой закона 9 ноября, особенно если бы в нем были исключены слова «и в течение 24 лет».

Переходя ко второй поправке, внесенной Государственной думой и касающейся укрепления излишков, я заявляю, что правительство считает укрепление этих излишков, по взаимному соглашению, а при отсутствии такового по оценке волостного суда, неприемлемым. Правительство предвидит, что при таком порядке возникнет целый ряд судебных споров, очень продолжительная судебная волокита, а вместе с тем и затруднение в процессе выхода домохозяев из общины. Укрепление этих излишков по действительной стоимости, то есть вторичный выкуп от сельского общества уже раз выкупленной земли, едва ли было бы справедливо и, во всяком случае, было бы для хозяев обременительным. Поэтому правительство настаивает на своей редакции, принятой и Особой комиссией Государственного совета.

Покончив с главнейшими дополнениями, внесенными в закон Государственной думой, я перейду к двум поправкам, предложенным меньшинством Особой комиссии Государственного совета. В Особой комиссии голоса разделились почти поровну, и поэтому я считаю себя обязанным выяснить мнение правительства как по вопросу о лич-

ной и семейной собственности, так и по вопросу о предоставлении обществам преимущественных прав к приобретению продаваемых домохозяевами надельных земель. Обе эти поправки клонятся к ограничению прав домохозяина в распоряжении своей надельной собственности: первая – во имя ограждения прав семьи, вторая – в целях ограждения интересов общества.

Я не буду распространяться вновь о том значении, которое правительство придает личной собственности. Я с самого начала заявил уже, что в законопроекте есть стороны принципиального характера, от которых правительство не может отказаться и не откажется. Я добросовестно старался вникнуть в мысли и доводы сторонников семейной собственности и понимаю, что предоставление женщинам права голоса в разрешении вопроса о продаже надельных участков, в этом направлении мысли, является требованием минимальным. Я разделяю теорию, отождествляющую семейный союз с трудовой артелью. Я сознаю весь ужас семьи, глава которой – пьяница и тунеядец – начнет распродажу земли – кормилицы семьи. Но все же я самым решительным и определенным образом заявляю, что принудительные путы, по мнению правительства, делу не помогут, а повредят. Семейный союз, как союз трудовой, останется в силе, если члены семьи будут сознавать себя членами такового, даже если они находятся где-нибудь на отдаленных отхожих промыслах, и никакой закон не свяжет их с семьей отбившегося домохозяина, если он и живет на месте. Домохозяин тунеядец, пьяница всегда промотает свое имуще-

ство, какую бы власть над ним вы ни предоставили его жене. В этом отношении ограждение прав семьи может осуществиться только единственным справедливым и правильным решением в установлении опеки за расточительство. Но отдавать всю общинную Россию под опеку женам, создавать семейные драмы и трагедии, рушить весь патриархальный крестьянский строй, имея в мыслях только слабые семьи с развратными и пьяными домохозяевами во главе, – простите, господа, я этого не понимаю.

Ведь даже Сенат, создавший у нас институт семейной собственности, никогда так далеко не шел, никогда не ставил препятствий отдельным домохозяевам продавать свои подпорные участки. Когда создают армию, не равняют ее по слабым и по отсталым, если только намеренно не ведут ее к поражению. Как же воссоздать крепкую, сильную Россию и одновременно гасить инициативу, энергию, убивать самодеятельность? Самодеятельность эта забивалась общиною, так не заменяйте общину женским гнетом. Логика везде одинакова: особое попечение, опека, исключительные права для крестьянина могут только сделать его хронически бессильным и слабым.

Много у нас говорят о свободах, но глашатаи отвлеченных свобод не хотят для крестьянина самой примитивной свободы, свободы труда, свободы почина. Поэтому я самым решительным образом буду возражать и против второго предположения меньшинства Особой комиссии о предоставлении обществам преимущественного права приобретения продаваемых домохозяевами надельных уча-

стков. Поверьте, что там, где у обществ есть средства, где у обществ образовался капитал от обязательных отчуждений угодий для государственной или общественной надобности или от разработки недр, там общество не упустит продаваемого надела, если только он ему нужен. Но там, где у общества средств нет, к чему искусственно расширять площадь общинной земли, стравливать насильно договорившиеся стороны с обществом, создавать силой закона спор и вражду; а что такие споры, такая вражда создадутся – в этом я безусловно убежден.

Ведь у нас продают свои участки, главным образом, домохозяева, желающие переселиться или желающие приобрести себе другой участок, который, по их понятиям, более выгоден. Для этого иногда домохозяева приезжают издалека, а продавцы и покупатели стремятся осуществить сделку или до начала полевых работ, или до наступления зимнего времени. А тут предполагается дать обществам право в течение месяца составить приговор о желании конкурировать с частным покупателем, а затем дать им еще три месяца для осуществления этой сделки, для заключения купчей крепости. Я и спрашиваю себя: каким образом, при каких условиях – при узаконенной четырехмесячной волоките, – каким образом явится возможность осуществить частную сделку? По-моему, такой возможности нет. Создается лишь соблазн для общества, соблазн накладывать табу на всякую предполагаемую сделку с тем, чтобы по истечении четырех месяцев от нее отказаться.

Является еще соблазн наталкивания покупателей и продавцов на заявление в волостном правлении сделок фиктивных. И все это в видах искусственного поддержания общины, в видах затруднения домохозяевам сознательного осуществления своего права так или иначе решить свою судьбу, тогда, когда наше законодательство последнего времени идет в противоположную сторону – к уравнению в правах крестьян с остальными обывателями Империи.

Я так настоятельно возвращаюсь к этому вопросу потому, что принципиальная сторона законопроекта является осью нашей внутренней политики, потому что наше экономическое возрождение мы строим на наличии покупной способности у крепкого достаточного класса на низах, потому что на наличии этого элемента зиждутся и наши законопроекты об улучшении, упорядочении местной земской жизни, потому, наконец, что уравнение прав крестьянства с остальными сословиями России должно быть не словом, а должно стать фактом.

Я, господа, не преувеличиваю значения закона 9 ноября. Я знаю, что без сопутствующих, упорно проводимых мероприятий по мелкому кредиту, по агрономической помощи, по просвещению духовному и светскому, нас временно ждут и неудачи, и разочарования, но я твердо верю в правильность основной мысли закона и приписываю первоначальную удачу этого, сравнительно, быть может, скромного акта тому, что он неразрывно связан с величайшим актом прошлого столетия – с освобождением крестьян и составляет, быть может, по-

следнее звено в деле раскрепощения нашего земледельческого класса.

И что дело это не бесплодно, что ваш усидчивый труд по окончательной разработке этого закона не останется без результата, доказывает одно поразительное явление, явление, может быть, недостаточно учитываемое, а, может быть, и нарочно замалчиваемое: горячий отклик населения на закон 9 ноября, эта пробудившаяся энергия, сила, порыв, это то бодрое чувство, с которым почти одна шестая часть, как только что было указано, домохозяев-общинников перешла уже к личному землевладению. Господа, более 10 миллионов десятин общинной земли, перешедшей в личную собственность, более 500 тысяч заявлений о желании устроиться на единоличном хозяйстве, более 1 400 000 десятин, уже отведенных к одним местам. Вот то живое доказательство, которое я принес сюда, чтобы засвидетельствовать перед вами, что значит живая неугасшая сила, свободная воля русского крестьянства! И безрассудно было бы думать, что такие результаты достигнуты по настоянию правительственных чинов.

Правительственные чины много поработали над делом землеустройства, и я ручаюсь, что работа их не ослабнет. Но я с слишком большим уважением отношусь к народному разуму, чтобы допустить, что русское крестьянство переустраивает свой земельный быт по приказу, а не по внутреннему убеждению. Правительство и рассчитывает, что, идя навстречу этому внутреннему убеждению, этому внутреннему народному чувству и разделяя вместе с правительством веру в государственную

силу свободного крестьянства, вы, господа члены Государственного совета, вынесете свой беспристрастный и авторитетный приговор и придадите закону 9 ноября 1906 г. силу своего одобрения.

Речь о крестьянской семейной собственности, произнесенная в Государственном совете 26 марта 1910 г.

Господа члены Государственного совета!

Вопрос о семейной собственности – вопрос для крестьянской жизни настолько значительный, а для правительства настолько принципиальный, что я позволю себе в настоящее время, перед голосованием статьи 9, вкратце к нему вернуться. Во-первых, считаю необходимым установить, ввиду неоднократного упоминания тут об отношении правительства к слабым, что правительство никогда и нигде не заявляло о том, что государство свободно от забот относительно слабых, относительно немощных, относительно неспособных членов крестьянской общины и крестьянской семьи. Заботы по этому предмету, несомненно, лежат на правительстве, но они, эти слабые, не должны лежать тяжелой обузой, не должны давить, как тяжкие кандалы, на одно крестьянское сословие, на один земледельческий класс, на его инициативу, его стремление улучшить свой быт.

Закон 9 ноября, избегая всякого насилия, всякого принуждения как в отношении общинного способа, так и семейного способа владения землей, лишь осторожно развязал, снял путы, связывав-

шие до настоящего времени свободную волю крестьян, рассчитывая на то, что, не будучи ничем стеснены, способности и воля разумнейших и сильнейших свободно проявят себя, проявят во всю ширину народной самодеятельности русского народного духа. По этим соображениям, возражая, как известно, против признания единоличными собственниками членов тех общин, где когда-либо были переделы, правительство, по тем же причинам, решительно высказывается против установления каких-либо новых писаных норм в определении понятия крестьянской семейной собственности, особенно с пригвождением к ней, помимо естественного, жизненного подбора, элемента, иногда, быть может, негодного.

Заметьте, господа, что правительство шло в этом направлении с величайшей осторожностью и, освобождая крестьянству пути перехода к личной собственности, сохранило по отношению к этому новому виду владения все правила, ограждающие сохранность крестьянской надельной земли для крестьянства, и тем заслужило даже упрек в недостаточном размахе бюрократического творчества!

В этом направлении правительство пошло гораздо далее существующего закона. Во-первых, единоличные участки, укрепленные в личную собственность, – по проекту правительства до выдела к одному месту, а по статье 51 Думского законопроекта и после выдела, – подчиняются всем правилам, установленным для надельных земель. Эти участки могут продаваться только в руки крестьянства, они могут закладываться только в Кресть-

янском банке, они изъемлются из обращения на них частных взысканий. Закон 9 ноября, сохраняя возможность применения местных обычаев в порядке завещательном и в порядке наследственном, ограждает в значительной степени права сыновей. Закон 9 ноября, как я только что сказал, пошел даже дальше существующего закона, оградив от произвола домохозяев и боковых родственников, признав их совладельцами надельных земель. Наконец, Дума статьей 51-й ограничила возможность скупки наделов, установив правила о воспрещении продажи в одни руки в одном уезде более 6 указанных наделов; при этом я должен оговорить, что едва ли в действительности существует такая громадная мобилизация крестьянской собственности, как тут упоминалось.

По крайней мере, мы стараемся по каждому отдельному случаю немедленно производить расследование, и, как члены Государственного совета недавно могли узнать, по поводу одного сообщения о крайне низкой цене, по которой продаются будто бы надельные участки в Орловской губернии, напечатанного в «Новом времени», был запрошен губернатор. Он ответил телеграммой на имя товарища министра, «что сведения о продаже земли в газете «Новое время» совершенно неверны – в округе Орловского окружного суда средняя покупная цена десятины за последние три года, согласно купчим крепостям, равнялась 86 руб., а средняя покупная цена десятины в 1909 г. равнялась 89 руб. Цена эта значительно ниже фактической покупной цены, она искусственно понижена во избежание нотариальных расходов. В указанные цены не

входят принятые на себя покупщиками и плательщиками недоимки».

Я должен заметить, что вообще средняя продажная цена надельной земли по всей России в настоящее время равняется 93 руб., то есть она не чрезмерно низка.

Возвращаясь к установленным законом гарантиям, я укажу, что право взрослых сыновей, как заметил и гр. Д. А. Олсуфьев, ограждено указом 5 октября 1906 г., установившим возможность производства в настоящее время семейных разделов, по приговорам сельских сходов, даже и без согласия домохозяев-отцов. Права отдельных семейств ограждаются против обезземеленья вследствие пьянства или распутства домохозяина выработанным уже Министерством внутренних дел законом об упрощенных опеках над расточителями.

Все эти мероприятия имели в виду, не нарушая самой природы надельной земли как земельного фонда, обеспечивающего крестьянство, дать возможность этому крестьянству использовать землю приложением к ней путем свободного труда лучших крестьянских сил.

Поэтому совершенно противно самой мысли, самому принципу закона 9 ноября насильственное прикрепление к земле какой-либо рабочей силы, будь то путем прикрепощения ее к общине или путем создания в черте самого надела новой небольшой общины – общины семейной. По нашим понятиям, не земля должна владеть человеком, а человек должен владеть землей. Пока к земле не будет приложен труд самого высокого качества, труд

свободный, а не принудительный, земля наша не будет в состоянии выдержать соревнование с землей наших соседей, а земля (повторяю то, что сказали в свое время в Государственной думе), земля – это Россия.

Я опасаюсь, господа, применения к надельным землям того принципа, который такое продолжительное время применялся к уральским заводам, принципа обязательного занятия заводскими работами всего заводского населения, независимо от пригодности его для этих работ. В результате – гибнут заводы, в результате – находятся в трагическом положении и заводские рабочие. По этим соображениям, правительство, не из желания спорить, не из упорства, но по принципиальным соображениям, не может присоединиться к такой поправке к статье 9, которая вносила бы совершенно новые, не существовавшие до сих пор начала, противоречащие существующим нормам крестьянской собственности. Короче сказать, неприемлема для нас такая поправка, которая ударяла бы по всем домохозяевам-крестьянам.

Так как наиболее льготной в этом отношении является поправка А. С. Стишинского, и к ней, кажется, очень близка и поправка кн. А. Д. Оболенского 2, то позвольте мне представить вам некоторые соображения, доказывающие неприемлемость для нас этой поправки; тогда, мне кажется, отпадет необходимость говорить и о всех остальных поправках.

С первого взгляда может показаться более чем естественным предоставление домохозяину, укрепляющему за собой участок, права заявления: желает ли он укрепиться единолично или желает

укрепить вместе с собой и членов своей семьи в общую семейную собственность. Это, казалось бы, не вносит в дело никакого принципа принуждения; наоборот, крестьянину-домохозяину предлагается свобода выбора между порядком новым и старым.

Но в действительности это далеко не так.

При личной собственности, по закону 9 ноября, сохраняется, как я только что говорил, действующий ныне порядок распоряжения землей. Какова бы ни была сенатская практика, в которой исследователи совершенно добросовестно могут отыскивать указания на принцип и личной, и семейной собственности, все же ни эта практика, ни Государственный совет, в известном всем деле Армалиса, не установили, что при продаже, при залоге или при отчуждении участка, принадлежащего семье, требуется нечто иное, кроме свободного единоличного волеизъявления домохозяина.

Таким образом, если указ 9 ноября не ломает в этом отношении понятия, установившегося в деревне, то обсуждаемая поправка вносит в эту область много нового.

Во-первых, совершенно неясно, предполагается ли этой поправкой даровать домохозяину право укреплять вместе с собою всех членов своей семьи, имеющих по местным обычаям участие в общей собственности, или избирать для этого отдельных своих родичей. Первый случай равнялся бы распространению на существующее поколение коллективной семейной собственности и установлению между родителями и детьми новой законодательной нормы.

Я думаю, что доброе число домохозяев, которые согласились бы при укреплении избрать эту формулу новой прикровенной семейной собственности, под видом сохранения прежнего порядка, было бы прямо введено в заблуждение. Я полагаю, что они были бы изумлены после нарождения у них новых сыновей открытием того обстоятельства, что эти новорожденные сыновья не имеют никакого участия в собственности на землю. Я думаю, что они были бы изумлены, когда со временем, при желании с их стороны продать участок, заложить его, перейти на хутор, выйти на отруб, им было бы заявлено, что они отреклись от своего права распоряжаться землей, что их место заступил какой-то новый коллективный орган семейного волеизъявления. Да каким же образом установить этот орган, каким образом добиться в нем единогласия, каким образом установить в нем представительство интересов малолетних и опекунских установлений?

По моему разумению, провести такого рода принцип в жизнь немыслимо. Писаное право точно так же такого рода нормы не знает, разве только в одной Черногории, о которой тут уже упоминалось и где гражданское уложение писал профессор Новороссийского университета. Но, быть может, и вероятно даже, я ошибаюсь, а так как поправка мотивирована, как тут было заявлено, тем, что нельзя же ограничивать свободную волю домохозяина, укрепляющего за собой надел, запретом предоставления определенным лицам соучастия в его владении, то, несомненно, поправка предполагает право домохозяина избрать тех или иных из членов своей семьи для соукрепления в надельном участке.

Но в таком случае ведь теряет значение и сама поправка. Она ведет к совершенно неожиданным результатам, так как домохозяин приобретает право исключать из своей семьи нежелательных ему членов семьи, например взрослых сыновей по настоянию мачехи. Более того, домохозяин приобретает в силу этой поправки при жизни гораздо более прав, чем закон 9 ноября предоставляет ему, в порядке завещательного распоряжения, которое все-таки поставлено в зависимость от обычая.

А дети? Дети, конечно, выиграют от этой поправки и в первом, и во втором случае. Если закон не скажет, то он подскажет детям идти по всей России требовать от родителей насильственного закрепления за ними в семейную собственность надельных участков. В иных случаях будет делаться это скопом, в других случаях – будет навязывать свою волю наиболее дерзкий, наиболее наглый член семьи. А так как этот вопрос – шкурный, то требование это будет предъявлено с ножом к горлу. Раздор между родителями, о жалкой роли которых тут так много говорилось, и между детьми, несомненно, будет посеян, и в результате бывшая патриархальная семья, лишившись распорядителя-домохозяина, лишившись юридического аппарата волеизъявления, будет влачить жалкое первобытное существование, прикованная к нищенской рутине цепями, выкованными здесь, в С.-Петербурге. Вот, господа, причина, почему я считал бы не только вредным, но прямо опасным вместо определенных норм вводить в закон туманное понятие социалистически-сентиментального свойства.

Дополнение, сделанное по поводу речи А. С. Стишинского, произнесенной в Государственном совете 26 марта 1910 г.

Господа члены Государственного совета!

Я хочу остановить ваше внимание на две минуты, не более, по поводу речи А. С. Стишинского. Мне кажется, что член Государственного совета А. С. Стишинский хорошо понял одну из моих мыслей, именно о том, что закон 9 ноября сохраняет земельный надельный фонд в руках крестьянства, но он ошибся, приписывая мне мысль о том, что закон 9 ноября бережно относится к сохранению семейной собственности в ее целом.

Я не оспариваю утверждения А. С. Стишинского о том, что семейная собственность выражается в жизни в двух признаках; первый признак – право члена семьи во всякое время вселиться в участок; признак второй – право требовать выдела своей доли из участка, из цельного культурного участка. Но, по моему мнению, именно эти два права и ведут к разорению хозяйства и являются главнейшим аргументом не за, а против семейной собственности.

Замечу еще, что А. С. Стишинский в своей речи, при вычислении лиц, бросающих землю, выходящих из нее, оставивших участки, которых всего в России 82 тысячи при 67 тысячах и даже несколько более покупщиков, забыл упомянуть о том, что в числе их находятся в большом числе и переселенцы, которые не могут считаться оставившими землю. Затем, несмотря на объяснения А. С. Стишинского, что, согласно его поправке, те члены семьи, которые не зачислены в соучастники семейной

собственности, являются наследниками доли своего отца, я все же утверждаю, что они являются по отношению к другим членам семьи, признанным соучастниками, и обездоленными, и обиженными.

Я устанавливаю точно так же, что, согласно закону 9 ноября, при закреплении участка за домохозяином в личную собственность он не вправе, как утверждает А. С Стишинский, выгнать члена своей семьи из участка, так как споры между членами семьи будут разрешаться и впредь по местному обычаю волостными судами.

Наконец, у меня остается еще одно недоумение. Если, по словам А. С. Стишинского, его поправка не дает соучастникам во владении права голоса при отчуждении, при продаже участка, то мне кажется, что поправка эта, во-первых, теряет всякое значение и, во-вторых, является не только бесполезной, но и вредной; она, несомненно, введет в смущение целый ряд лиц, ввиду того, что ни один, я думаю, нотариус не решится произвести продажу и совершить акт на отчуждение участка по заявлению одного только домохозяина, раз в коренном акте его владения землей он значится собственником, наравне с другими соучастниками продаваемого участка.

Замечание по поводу поправки к закону от 9 ноября, сделанное в Государственном совете 27 марта 1910 г.

Только что выслушав новую поправку, я должен заявить, что правительство против нее также возражает, так как, во-первых, правило, устанавлива-

емое этой поправкой, сводится к тому, что частный случай, когда домохозяин перестает быть распорядителем участка, подводится под общее правило и таким образом как будто бы внушается членам семьи, что они могут устранять или могут заменять собою самого домохозяина; а во-вторых, еще более важно, с моей точки зрения, то, что поправкой устанавливаются совершенно новые гражданские нормы. Поправка может создать у крестьянства убеждение, что домохозяин, переставший быть распорядителем участка, перестает быть и собственником этого участка. Наступает как будто бы гражданская смерть домохозяина, то, чего в настоящее время в убеждении крестьянства, конечно, не существует, так как старик, который не может уже работать на участке, все-таки в понятиях крестьян остается его собственником и лишению гражданских прав подвергнут быть не может.

Дополнение в связи с выступлениями в Государственном совете В. П. Энгельгардта и Н. А. Хвостова, сделанное 27 марта 1910 г.

Я только скажу два слова. Я так понял двух предыдущих ораторов. Член Государственного совета В.П. Энгельгардт выступил против оставления прав за теми домохозяевами, которые по старости или слабости, как он выразился, «лежат на печи», а член Государственного совета Н.А. Хвостов указывал на еще большую, по его понятиям, опасность, опасность того, что родоначальник, который даже не живет на участке, который где-то на-

ходится вдалеке, может вернуться домой и затем укрепить за собой участок и распорядиться им.

Я усматриваю тут явное недоразумение и предлагаю обратиться к самому закону 9 ноября, прочесть статью 8, где сказано, что каждый «домохозяин», владеющий надельной землей на общинном праве, может во всякое время и т. д. Следовательно, лицо, «лежащее на печи», не может почитаться домохозяином, лицо отсутствующее, живущее где-нибудь в С.-Петербурге или на заработках, – не есть домохозяин. Поэтому, по закону 9 ноября, он не может укрепиться, не может обойти, обездолить своих сыновей, свою семью. Закон же 9 ноября принимает на себя заступничество, наравне с семьей, и за стариков, и принципу этого закона противоречит поэтому поправка, согласно которой старик, «лежащий на печи» или отсутствующий и не являющийся домохозяином, может вдруг оказаться только соучастником собственности, к которой пожелает укрепиться (сообща с другими членами семьи) член семьи домохозяина и из владельца превратиться в совладельца определенной доли своего бесспорного земельного имущества.

Речь о Финляндии, произнесенная в Государственной думе 21 мая 1910 г.

Господа члены Государственной думы!

Я думаю, вы поймете меня, если при обсуждении вопроса такой исторической важности, как вопрос финляндский, я принужден буду, говоря от имени правительства, соблюдать точно так же,

как и два года тому назад, величайшую сдержанность и осторожность. Все писаные нормы, которые определяют положение Финляндии в государство, а также все законодательные акты, относящиеся до Финляндии, за последние сто лет носят на себе следы самых разнообразных политических и исторических течений, часто друг другу противоречащих, часто случайных, зависящих от временных событий и условий.

Суждения же последнего времени отличаются такой страстностью, такой склонностью опорочить финляндскую политику правительства, приписывая ей своекорыстные побуждения, что я одной из своих главнейших задач ставлю освобождение спора от излишних, затемняющих его подробностей, от принижающих его приемов, дабы представить на ваш суд очищенную от этих пут и привесок точку зрения, по моим понятиям, государственную.

Я убежден, что масса материалов, документов, актов, касающихся отношений Финляндии к России, дают возможность легко защищать всякую теорию: достаточно повыдергать из архивных груд нужные для этого материалы и строить на них свои суждения. Для этого не нужно даже особой недобросовестности. Достаточно некоторой предвзятости и предубежденности. Но этот путь не для правительства. Пускай политическое построение правительства сочтется многими прямолинейным, пускай оно многим будет неприятно, но пусть не назовут его изворотливым и недоброкачественным.

Я начну с того, что многим, очевидно, непонятно, почему правительство в настоящее время под-

няло финляндский вопрос. Финляндия процветает, Финляндия никому не мешает, и обострять отношения к ней – это или роковая ошибка, или недобросовестная авантюра. *(Голос слева: «Верно».)* Но дело, господа, не так просто: кризис 1905 г. и последующих годов оставил этот вопрос открытым, и только преступная бездеятельность власти могла бы заставить правительство его замолчать. *(Голос справа: «Браво».)*

Остается неразрешенным хотя бы крупный вопрос об исполнении финляндцами воинской повинности. Дело в кратких словах обстояло так. В 1905 г. временно был приостановлен, а затем и отменен закон о распространении всеобщей воинской повинности на Великое Княжество Финляндское. Приостанавливая этот закон, Государь Император повелел в течение трех лет, до урегулирования вопроса, вносить из финляндских средств в государственное казначейство по 10 миллионов марок в год. Хотя Сейм и пытался воспользоваться этим случаем для того, чтобы распространить свое распоряжение на статные средства, которые по закону находятся в распоряжении одного Монарха, но как-никак деньги эти были заплачены.

В 1908 г. вопрос, однако, вернулся в первоначальное положение. Оставить его неразрешенным было невозможно, приняться же за его разрешение – значило поднять весь финляндский вопрос, так как тут сталкивались две совершенно противоположные точки зрения: точка зрения правительственная и точка зрения финляндская.

Правительственная точка зрения заключается в том, что отбытие воинской повинности и несе-

ние расходов на военную нужду болезненно касаются общеимперских интересов, отражаясь и на числе новобранцев, призываемых из русских губерний, и на количестве повинностей, уплачиваемых русским населением; а финляндская точка зрения сводилась к тому, что вопрос этот по конституции должен разрешаться односторонним актом Сейма. А каков должен был быть этот сеймовый акт, видно из представлений Сената о восстановлении отдельных финляндских войск. Этим и только этим путем, по мнению финляндцев, мог быть правильно и законно разрешен вопрос.

И нельзя сказать, чтобы правительство в этом деле действовало неосторожно и вызывающе. Если бы статный фонд был неисчерпаем, то, конечно, возможно было вопрос оттянуть, путем хотя бы ежегодного перечисления из статных сумм в государственное казначейство определенных взносов взамен исполнения финляндцами личной воинской повинности.

Но, не желая ослаблять расходы на культурные надобности, которые питаются из статного фонда, Государь предложил Сейму изыскать суммы для этих взносов из сеймовых средств. И вот, господа, уже второй Сейм отвечает на это совершенно законное требование Монарха решительным отказом.

Я остановился на этом случае как на ближайшем механическом поводе, вскрывающем русско-финляндский вопрос. Одно из двух – приходится или взыскать и установить способ решения общеимперских вопросов и финляндских законов, ка-

сающихся интересов Империи, или примириться с односторонним разрешением их Сеймом.

Но, может быть, надо было бы идти на это, может быть, государственная мудрость именно и заключается в том, чтобы сделать из Финляндии совершенно свободное, автономное государство, связанное с Россией только общими внешними интересами, и создать на пороге Петербурга благодарный и довольный народ.

Конечно, господа, всякое разумное правительство перед тем, как идти на столкновение, на так называемый конфликт с частью государства, должно ясно дать себе отчет – в чем же заключаются интересы государства, не поддаваясь при этом ни чувству ложного самолюбия, ни чувству национального шовинизма. Поэтому надлежало проанализировать, выгоднее ли для всего народа – не для одних, конечно, только финляндцев – полное невмешательство России во внутренние дела, во внутреннюю жизнь Финляндии.

Вам, конечно, известно, что в истории русско-финляндских отношений были эпохи, когда финляндская самостоятельность достигала широких размеров, когда связь ее с Россией ослабевала. Таких главнейших было три момента: первый – после издания октябрьского манифеста 1905 г., когда Финляндия, казалось, достигла всего того, о чем она только могла мечтать; ранее, после убийства генерал-адъютанта Бобрикова, когда при генерал-губернаторе князе Оболенском ясен был поворот в сторону соглашения с финляндцами; наконец, еще раньше после воцарения Императора Александра Вто-

рого, когда оказывалось явное доброжелательство финляндцам.

Что же эти эпохи принесли России? Что Россия от этого выиграла? Выиграть она могла, во-первых, нравственно, завоевав симпатии финляндцев, и, обезопасив себя с этой стороны, выиграть она могла политически, приобретя для русских граждан некоторые преимущества путем чисто финляндского законодательства; выиграть она могла, наконец, материально, связав более крепко свои экономические узы с достаточным народом, находящимся под одним с нею скипетром. Если бы были достигнуты экономические и нравственные выгоды, то, конечно, дальнейший путь был бы ясен. Благо и России, и Финляндии требовало бы полной государственной – я подчеркиваю слово государственной – автономии последней.

Но, мне кажется, трудно доказать, что ослабление связи между Финляндией и Россией увеличивало бы симпатии Финляндии к русскому государству. Вы помните события, которые произошли в октябре 1905 г. в Финляндии. Я вам их подробно излагал два года тому назад. Вы не забыли, конечно, целых кораблей, нагруженных оружием, вы не забыли и «Воймы», и красной гвардии, и безнаказанно подготовлявшихся в Финляндии террористических актов против России. Газеты того времени отражают эти настроения и эти события.

Я думаю, что никогда еще активное возбуждение против России не достигало таких размеров в Финляндии, как в ту эпоху. Лозунгом тогдашним было: вооружение для защиты добытого. Но и в

предыдущий период, после убийства генерал-адъютанта Бобрикова, уступки России не вызывали благодарности со стороны Финляндии. Характерны в этом отношении те всеподданнейшие доклады, которые посылал в Петербург посланный в Финляндию с примирительной миссией тогдашний генерал-губернатор князь Оболенский. Приехав в Финляндию, он был поражен возрастающей враждебностью ко всему русскому со стороны населения, особенно интеллигенции, вошедшей в сношения, в связь с русскими террористами. Интересно во всеподданнейшем докладе от 1904 г. сообщение князя Оболенского, что в заседании одной из комиссий известный сенатор Лео Мехелин, доказывая необходимость упорного отстаивания разных требований, ссылался на предстоящую якобы в России революцию, имеющую вспыхнуть не далее, как в шестинедельный срок.

Это было писано в 1904 г., а в последующем всеподданнейшем докладе 1905 г. князь Оболенский, описывая начавшиеся в крае беспорядки, пишет: «Приведенные в первой моей всеподданнейшей записке слова Мехелина о предстоящем в России мятеже оправдались – беспорядки в Петербурге и в других местах Империи состоялись именно в указанный им срок». Но еще в более мирные времена, в те времена, когда начались созывы Сеймов, когда государство начало определять свое отношение к области, без ущерба для государства, – я говорю не своими словами, а привожу слова почтенного Н. Х. Бунге из записки, найденной в его документах, – уже начали раздаваться обвинения со стороны финляндцев о нарушении их прав со стороны

России. Далее Бунге говорит о возрастающей в то время враждебной отчужденности Финляндии от России.

Но перенесемся в еще более отдаленные времена, времена крымской кампании, когда уже со стороны России никакого давления на Финляндию не оказывалось, и в те времена уже известен «союз бескровных», который мечтал об отторожении княжества от России. Но, господа, если ослабление уз Финляндии с Россией не принесло России никаких нравственных выгод, не обезопасило ее с этой стороны, то, может быть, совершенно самостоятельная работа финляндского Сейма создала такую законодательную практику, которая была выгодна для «другой страны», как в Финляндии часто называют Россию?

В апреле нынешнего года при обсуждении в финляндском Сейме того самого законопроекта, который теперь обсуждаете вы, бывший сенатор Нюберг, конечно, желая привести доводы в пользу финляндской аргументации, заявил о том, что существует целый ряд законоположений, бесспорно касающихся интересов России, которые были изданы в финляндском законодательном порядке. И это, господа, безусловно так: финляндский Сейм расширял свою законодательную самостоятельность до того, что не стеснялся подчас улавливать, регулировать и даже отменять русские законодательные нормы. Принесло ли это пользу русским гражданам или, по крайней мере, было ли это безвредно? Не всегда.

Я не буду приводить вам целый ряд законоположений подобного характера, как, например, под-

чинение православной консистории финляндскому закону о гербовом сборе, как постоянные попытки подчинить финляндских граждан за преступления, совершенные ими в Империи, финляндскому уголовному закону, но я остановлюсь тут на самой яркой попытке, известной в литературе предмета, признанной фактом, попытке обойти, отменить в финляндском порядке целый ряд русских узаконений, попытке поставить Финляндию в самостоятельное якобы положение в международном союзе, попытке уравнять имперские русские интересы с интересами международными.

Я говорю об Уголовном уложении 1889 г. Известно, что это Уголовное уложение было уже Высочайше утверждено 19 декабря 1889 г., а затем было манифестом от 1 декабря 1890 г., когда обнаружилась подкладка этого дела, временно приостановлено введением в действие. Тревогу тогда забил известный наш ученый, сенатор Таганцев, который, как честный человек, случайно ознакомился с этим делом. В этом его огромная, незабвенная государственная заслуга, таким образом, вряд ли русским подданным был выгоден способ решения их дел, о котором упоминал бывший сенатор Нюберг, тем более что, как известно, права русских подданных мало чем и отличаются в Финляндии от прав иностранцев.

Но перейдем теперь к следующему вопросу: о том, как материально отражается на России государственное самоопределение Финляндии. С одной стороны, на Россию ложатся все те расходы, которые обусловливаются состоянием Финляндии в составе Русского государства и которые Империи

не возвращаются. Затем, Россия несет ущерб невыгоды от тех льгот, которые ею предоставляются Финляндии, от льгот таможенных, тарифных, монетных и т. д. Первая категория расходов заключает в себе расходы по защите государства, расходы по содержанию Министерства императорского двора и Министерства иностранных дел. Я намеренно не упоминаю о взносах взамен исполнения воинской повинности, так как эти взносы мы так или иначе получим. Я не принимаю во внимание доли финляндцев в уплате процентов по общеимперским займам, хотя я думаю, что военные тяготы, для которых, главным образом, и заключались наши займы, должны были бы равномерно ложиться на все части государства. Я не учитываю также доли финляндцев в содержании высших имперских учреждений, например Государственной думы, потому что мне могут ответить, что, кроме вреда, эти учреждения ничего финляндцам принести не могут. *(Слева рукоплескания и голоса: «Верно».)*

Но я думаю, что было бы совершенно справедливо, если бы на финляндцев, точно так же, как и на всю остальную Империю, упадали некоторые совершенно бесспорные расходы, ложащиеся на каждого жителя Империи в сумме: 3 руб. 59 коп. на содержание армии и флота, 10,2 коп. на содержание Министерства двора, 3,9 коп. на содержание Министерства иностранных дел; всего 3 руб. 73 коп. на жителя, а если вычесть платимые финляндцами на однородные расходы – я беру в расчет все подходящие расходы, пенсии, лоцию и т. д. – 54 коп. с жителя, то на каждого финляндца при-

дется 3 руб. 19 коп.; а на всю Финляндию 9 625 000 руб. На Россию тягота эта ложится по 6 коп. на каждого жителя, иными словами, каждый русский, старик и младенец, женщина и мужчина, за проблематическое право обладания Финляндией платят по 6 коп. в год, а семьей в 5 душ – 30 коп., а каждый финляндец получает льготу от Империи по 3 руб. 19 коп., а на каждое семейство 15 руб. 95 коп. в год.

В расчет этот не вошли таможенные доходы, которые составляют 16 500 000 руб., между тем как наш тариф по финляндской границе – тариф уравнительный, то есть Россия получает в свою пользу тарифные ставки в размере, взыскиваемом на остальных границах, за вычетом взыскиваемых Финляндией. Сопоставляя все это, будет ясно, почему Финляндия, расходуя на каждого жителя совершенно столько же, сколько и Россия, то есть по 15 руб. с копейками, может употреблять на культурные надобности вдвое больше, а на управление, несмотря на все припевы о нашем бюрократизме, втрое больше, чем Россия.

Господа, я привел все эти цифры только для того, чтобы доказать, что развивающаяся государственность Финляндии с материальной стороны особых выгод Империи не приносит. Во всяком случае, потери нравственные, политические и материальные, вызываемые, очевидно, тем, что некоторые общеимперские дела разрешаются односторонне в финляндском порядке, не могут уравновешиваться теми правами административного законодательства, которые принадлежат нашим Монархам.

Тут много упоминалось об административном законодательстве и законодательстве параллельном. Надо помнить, что права эти весьма шатки, неопределенны и что со времени начала созыва Сеймов в 1863 г. эта область еще более сузилась; например, целый ряд законов о самоуправлении сельском и городском, о промыслах, банках, акционерных компаниях, о лесах и многие другие, прежде разрешавшиеся в порядке административного законодательства, теперь давно решаются при посредстве народного представительства. Точно так же целый ряд доходов, как, например, доходы винокуренные, доход гербовый, доход от железных дорог, от прибылей банков, которые прежде поступали в штатный фонд, находящийся в распоряжении Монарха, в настоящее время поступают в сеймовые средства.

Поэтому наивно было бы думать, что посредством административного законодательства можно было бы оградить общеимперские интересы русских граждан в Финляндии. Понятно поэтому, что лица, которые отвечают за интересы России, не могли не чувствовать, не сознавать, что то стремительное центробежное течение, которое неудержимо приняли финляндские дела, все более и более наносило ущерб России.

Уже Император Александр Второй делал строгие словесные внушения Сейму, а Император Александр Третий, познав бессилие слов, постановил разработать проект общеимперского законодательства и внести его в Государственный совет. Завершил мысль Императора Александра Третьего ныне благополучно царствующий Госу-

дарь Император манифестом 3 февраля 1899 г., основные положения которого были приостановлены в 1905 г.

Таким образом, в настоящее время общеимперские интересы ничем не обеспечены, в настоящее время вопрос опять оказывается висящим в воздухе, и картина государственного бессилия является полной. И в это время нам говорят о благоразумии, говорят о том, что необходимо ждать, ждать в то время, когда партнер не ждет, когда ждать значит проигрывать, проигрывать, может быть, наследие отцов.

Не всегда, впрочем, сами финляндцы строили свои расчеты на малодушии русских. Так, например, сенатор Даниельсон-Кальмари еще в таганцевской комиссии заявлял:

И в Финляндии в настоящее время смотрят на этот вопрос иначе, чем в то время, когда он возник впервые. Ныне сознают, что земские чины должны дать свое согласие на отнесение некоторых вопросов, бывших до сего времени предметом финляндского законодательства, к области законодательства общегосударственного. События последних лет привели к убеждению, что изменение в рассматриваемом ныне отношении неизбежно и представляется возможным также и с точки зрения финляндцев. Хотя все еще есть люди, которые считают нашим правом и долгом отклонить требования относительно общегосударственных законов, все-таки мнение это, насколько нам известно, не имеет более значительного числа приверженцев ни на Сейме, ни в Сенате, ни вообще среди нашего народа. Все более преобла-

дающее значение получает мнение, что нам необходимо считаться с взглядами, господствующими «здесь в России», и что мы поэтому должны упорно отстаивать свое мнение, иногда даже в таких случаях, когда мы не убеждены в необходимости изменения постановлений, касающихся законодательной компетенции, так как цель могла бы быть достигнута и без таких мер. Мы, следовательно, можем идти на уступки, лишь бы нам и при новых условиях гарантировано было существование в качестве особого народа с собственным политическим бытием. Это, конечно, говорилось до событий 1905 г., но и затем в комиссии сенатора Харитонова финляндские члены не отрицали существования интересов и дел общеимперского свойства и предлагали для разрешения их особый способ – способ делегаций, способ, уравнивающий Россию с Финляндией и в конце концов ничего не разрешающий, так как при разногласии финляндских и русских членов этих делегаций большинство вопросов, по мнению автора проекта, должно было оставаться неразрешенным.

Русское правительство предпочитало все-таки изыскать способ решения этих вопросов, в конце концов их разрешающий. Поэтому, господа, позвольте мне в дальнейшем исходить из того положения, что необходимость разрешения вопроса об общеимперском законодательстве установлена. Но тут сам собой возникает вопрос: какая же власть должна решить основной вопрос, то есть самый способ течения общеимперских дел, сущность этих дел, вопрос процессуальный и вопрос матери-

альный? В существе своем тут спор может сосредоточиться на следующем: финляндцы, опираясь на слова Императора Александра Первого, на дарованную им конституцию, на подтверждения незыблемости коренных старинных шведских законов, на возможность отмены сеймовых законов только путем взаимного согласия Монарха и Сейма, приходят к тому заключению, что России принадлежит право решения только в области внешних международных сношений, а что все внутренние дела, хотя бы и обнимающие общеимперские интересы, могут быть законно разрешаемы только в финляндском порядке, сеймовом или административном.

Эта точка зрения наиболее образно была высказана тем же сенатором Лео Мехелином, который в 1904 г. в газете «Fria ord» заявлял о том, что взаимоотношение обеих стран требует, чтобы Царь и Великий Князь был единственным русским, который мог бы и должен был бы влиять на финляндские дела. Таким образом, внутренним делам противополагаются внешние, но не общегосударственные; таким образом, провозглашается теория личной унии, или, по терминологии финляндской, унии реальной. Отсюда ясен логический вывод, что решение вопроса об изменении взаимоотношений России и Финляндии, взаимоотношений, сильно осложнившихся за сто лет, должно принадлежать исключительно творчеству финляндского Сейма; России должно принадлежать, в лице ее Монарха, лишь право veto, что сводит роль России к пассивному сопротивлению против вредных для нее актов и не дает ей возможности приве-

сти свои отношения с Финляндией к благополучному исходу.

Свое мнение о том, как возникла и как развивалась эта теория, я уже излагал перед Государственной думой. Я считаю совершенно излишним в настоящее время оспаривать юридическое построение финляндцев. Совершенно несомненно, что Император Александр Первый утвердил для Финляндии без всякого точного определения основные нормы конституционных законов Швеции. Совершенно неопровержимо, что и после Фридрихсгамского договора, в 1840 и 1816 гг., в тех манифестах, на которые тут ссылались, Император Александр Первый подтверждал дарованную им краю конституцию – или конституции – и заявлял о политическом существовании финляндского народа. Совершенно верно, что при Императоре Александре Втором, в 1869 г., был издан Сеймовый устав, который был признан незыблемым основным законом, подлежащим изменению или отмене лишь по согласному решению Монарха и Сейма. Совершенно бесспорно также, что монетный закон 1877 г. был признан общим сеймовым законом, а закон о воинской повинности в главных своих статьях – даже законом основным.

Я бы не хотел утаить ни одного из доводов, которые говорят в пользу финляндской точки зрения, я не возьму на себя неприглядной для правительства обязанности выискивать отдельные слова, выражения, опорочивающие эти акты: нельзя исторический спор ставить в зависимость от адвокатской ловкости ораторов и ловить на слове истори-

ческих деятелей, давно уже сошедших в могилу. *(Голос в центре: «Это правильно».)*

Задача правительства иная: правительство считает, что Финляндия пользуется широкой местной автономией, что Финляндии дарована провинциальная конституция, но правительство вполне убеждено, что те предметы, которые обнимают всю империю, или финляндские законы, которые затрагивают интересы России, выходят за пределы компетенции финляндского Сейма. Всякое другое понимание завело бы нас в исторический тупик. *(Голоса в центре: «Правильно».)*

Ведь для всех, я думаю, господа, ясно, что нормы законодательные, правовые нормы и отношения не окаменевают, но изменяются, развиваются вслед за развитием жизни народной. Точно так же должны были измениться взаимоотношения России и Финляндии. Должна же быть какая-нибудь конечная инстанция, какая-нибудь верховная, суверенная, на юридическом языке, власть, которая бы эти вопросы решала, решала бы вопросы об изменении норм взаимоотношений Финляндии и России, которая решала бы и общие для них вопросы. Мы ведь видим, что право административного законодательства Монархов не покрывает этих вопросов. Мы видим, как мало удачны попытки финляндского Сейма решать эти вопросы захватным правом.

Предоставление же Сейму решения принципиального вопроса об общегосударственном законодательстве было бы равносильно предоставлению ему прав, которые член Государственной думы Милюков назвал учредительными, по вопросу, ко-

торый касается всей России. Это было бы незаконно по отношению к России. Это не соответствовало бы существу провинциальной финляндской конституции. Я скажу более, такого права самоопределения не имеют даже составные части сложных государств.

Нам возразят, да уже возражали, что в том учреждении в Германии, которое решает вопросы об изменении отдельных конституций, имеют право голоса все союзные государства. Но я думаю, что в настоящее время никто еще не признает Финляндию государством, союзным с Россией. Английский Colonial Legislation Validity Act безусловно признает силу за решениями колониальных парламентов только тогда, когда они не противоречат законодательным актам британского Парламента. Но если державная власть в деле общеимперского законодательства не принадлежит и не может принадлежать финляндскому Сейму, то кому же она принадлежит по праву?

До настоящего времени ее, бесспорно, осуществляли русские Монархи, то есть единственная общая законодательная для Финляндии и для России власть. Ввиду неопределенности финляндских законов, ввиду туманности даже самого понятия основных финляндских законов, ввиду неясности границ между местным и общеимперским законодательством, Монархи наши безразлично осуществляли эту власть и путем имперских повелений, и в порядке административного законодательства, и в порядке сеймового законодательства, которое, как вы видели, иногда даже вторгается в область законодательства чисто русского. Но что совер-

шенно ясно, совершенно бесспорно, это то, что сами наши Государи сознавали, что они, и они одни, властны и правомочны выполнять общеимперское законодательство в пределах Великого Княжества Финляндии.

Александр Первый, даровав Финляндии конституцию и потребовав от земских чинов в Борго их мнения по разным вопросам, запечатлев в Фридрихсгамском мирном договоре державные права России, тщательно и добросовестно охранял финляндскую автономию, но вместе с тем в тех делах, которые касались и России, он чувствовал себя совершенно свободным от всяких ограничений и действовал совершенно патриархально.

Разрешив финляндцам управляться в своих границах на основании старинных шведских законов, Александр Первый во всех своих манифестах, даже самых льготных, все же признавал Финляндию частью, и притом подчиненной частью русского государства, России. Он даже, как вы знаете, не счел необходимым, утверждая эти законы, сделать оговорку о том, что они имеют силу только в той мере, в какой они не противоречат русским Основным законам, настолько он признавал их провинциальный характер.

Ведь в этих законах, которые, по статье 57 Формы правления, должны быть понимаемы буквально, не только запрещается назначать генерал-губернаторов, но вопреки единственному фундаментальному закону того времени о престолонаследии требуется, как тут уже упоминали, от Монарха лютеранское вероисповедание, невыезд его из пределов Финляндии и т. д. Если признать, что Импе-

ратор Александр Первый отказался за Россию от державных или учредительных прав, то надо признать, что немедленно же после утверждения шведских законов он начал их нарушать! Но в его время, по крайней мере, в этом его никто не обвинял, в эту эпоху все признавали Великое Княжество Финляндское русской провинцией. Это заявлялось и на сейме в Борго, это вы можете найти во всех исторических и юридических учебниках того времени.

Известный финляндский ученый Нервандер называет Финляндию Тиролем России. Двадцать лет пребывавший вице-председателем Сената барон Гартман открыто заявлял, что форма правления потеряла свою силу, что необходимо возможно широкое распространение в Финляндии русского языка.

Министр статс-секретарь граф Ребиндер мечтал о сближении устава Гельсингфорского университета с уставами других русских университетов. В те времена, до 50-х гг., в торжественных случаях в университете пелся русский народный гимн; Императора и консистория университетская, и студенты встречали адресами, написанными на русском языке.

Вот, господа, в какой финляндской атмосфере действовали и законодательствовали Император Александр Первый и Император Николай Павлович. Я не знаю, надлежит ли перечислять вам тот объемистый перечень законов, которые при Императоре Александре Первом были изданы в имперском порядке? Их тут перечислял один из предыдущих ораторов. Нельзя же длительную практику

принимать как исключение. Известно, что Император Александр Первый в том же 1810 г., в котором он издал один из льготных своих манифестов, на который тут уже ссылались, указом своим приказал перечислить в ресурсы государственного казначейства остатки по смете новой Финляндии. Вам известно, что он присоединил старую Финляндию к новой Финляндии, что он назначил генерал-губернатора вопреки параграфу 33 Формы правления.

Особенно интересны те суждения, которые высказывались в Государственном совете по поводу этих актов. В той записке, которая была представлена в Государственный совет, говорилось буквально следующее, и в то время это никого не смущало:

Если обе сии провинции – то есть старая и новая Финляндия – ныне равно принадлежат Империи и той же и единой покорены верховной власти, то не может быть никакого основания различать их ни в имени, ни в жребии, ни в образе управления, и подобно тому, как из двух прежних разновременных завоеваний составилась одна губерния, ныне должно из трех составить одну провинцию.

Вместе с тем указывалось, между прочим, что от этой меры имперская казна не потерпит ущерба, так как «вообще о финляндских доходах сделано постановление, чтобы остатки их причисляемы были к казначейству Империи». Затем в царствование Императора Николая Первого и Александра Второго существовал, можно сказать, негласный порядок решения общеимперских дел. Может

быть приведен перечень тех учреждений, которые ведали этими делами. Например, таможенный тариф Финляндии обсуждался в Министерстве финансов в 1840 г. Реформа финляндского банковского устава обсуждалась в Министерстве финансов, проект устава Императорского Александра Первого университета 1828 г. обсуждался в особом комитете при Министерстве народного просвещения. Проект кодификации финляндских законов обсуждался во Втором отделении канцелярии Его Величества. Проект денежной реформы обсуждался в Министерстве финансов в 1860–1865 гг. Вопрос о том, созывать или не созывать Сейм, обсуждался в особом совещании из сановников русских и представителей Финляндии под председательством Императора Александра Второго. Военные вопросы обсуждались в Военном министерстве; вопросы, касающиеся постройки шоссе, обсуждались в Главном управлении путей сообщения, которому с 1909 г. была подчинена Финляндия после причисления всей Финляндии в 8-й округ путей сообщения.

Начиная с царствования Императора Александра Второго получила, однако, особое развитие теория об особой финляндской государственности. В это время в сеймовом порядке прошли такие важные законы, как закон монетный и закон о воинской повинности. Но в словах и во многих действиях Императора Александра Второго сказывалось все же, что он общеимперскую идею не подчинял идее провинциальной. Так, в 1863 г., когда финляндский Сенат обратился к Императору Александру Второму с ходатайством о том, чтобы

на разрешение финляндского Сейма был передан вопрос о возврате Сестрорецка в черту Империи, Александр Второй в этом безусловно отказал и вопрос этот решил единолично. Горестны воспоминания этого Монарха о данном им в тяжелую для него минуту на театре военных действий согласии на монетную реформу. Еще в 1860 г. он сказал о монетной же реформе: «On m'a escamote топ consentement».

Император Александр Третий ясно сознавал преобладание общеимперского законодательства. В широких массах известен его почтовый манифест и его манифест о приостановлении введения в действие Уголовного уложения, о котором я уже упоминал. Менее известны другие два акта его царствования: Высочайшее повеление 1891 г. о передаче на обсуждение Государственного совета проекта финляндского Сената о финляндских основных законах и проекта финляндского генерал-губернатора графа Гейдена об учреждении управления финляндскими губерниями и Высочайшее повеление 1893 г. о передаче, точно так же на разрешение Государственного совета, мнения русских и финляндских членов комиссии Бунге о будущем государственном законодательстве.

Знаменательно, что в это еще время многоопытный финляндский генерал-губернатор граф Гейден настаивал на том, чтобы его проект об учреждении управления финляндскими губерниями обсуждался в порядке русских Основных законов, так как он имеет общегосударственный характер.

Понятно из всего сказанного, что Государь Император Николай Александрович, вступая на престол и подтверждая права и привилегии Великого Княжества Финляндского, подтвердил законы, права и привилегии областные, провинциальные; естественно также, что он захотел продолжить дело своего отца и 3 февраля 1899 г. обнародовал манифест об общеимперском законодательстве; понятно, что в 1905 г., когда весь наш законодательный и государственный строй изменился, манифестом 20 февраля 1906 г. было возвещено о том, что о порядке осуществления общегосударственного законодательства будут в свое время преподаны особые указания.

Обзор действия пяти Монархов приводит нас к неопровержимому выводу, что общегосударственное законодательство, хотя иногда, может быть, и в неясных очертаниях, иногда с отступлениями, с колебаниями, но осуществлялось в течение ста лет волею и властью русских государей. Ни один из них не отказывался от своих общеимперских прав, ни один из них тем более не отказался от державных или, как здесь их называли, от учредительных прав Русской Империи. Отказ этот был бы равносилен признанию Финляндии самостоятельным государством, всякое столкновение, всякий конфликт с которым был бы неразрешим, так как не было бы такой власти, которая была бы вправе эти осложнения, эти конфликты разрешать. Окончание же конфликтов путем, установленным между равноправными государствами, то есть путем войны, конечно, между Финляндией и Россией немыслимо.

Таким образом, ныне царствующему Государю в минуту поворота в финляндских делах предстояло решить, кто же правомочен осуществить державную власть для установления норм и порядка общегосударственного законодательства. Даровав, как самодержавный Государь, Основные законы Империи, Государь Император манифестом от 20 февраля 1906 г. оставил за собою право установить в свое время и законы общегосударственные. Он мог сделать это сам, он мог сделать это, вняв финляндским теориям, с помощью финляндского Сейма, он мог, наконец, призвать к этому делу русское народное представительство. Манифестом 14 марта этот вопрос разрешен, и законопроект находится перед вами, господа члены Государственной думы.

Вам предстоит решить вопрос исторических размеров, но во время этого исторического суда будут раздаваться и раздаются уже и обвинения, и укоры, и нарекания. Указывая на перечень, вам будут доказывать, что русская реакция стремится задушить автономию свободного народа *(голоса слева: «Правильно»)*, тогда как в возможности пополнения перечня и заключается признак верховенства Русского государства, заключается обеспечение, в случае пропуска или недосмотра, от поворота вновь в такое же положение, в котором мы находимся в настоящее время.

Приглашение финляндских депутатов в Думу и в Государственный совет с решающим голосом – это акт величайшей справедливости, но это в то же время доказательство *(шум слева; звонок председателя)* единства Русской империи. Смущающий вас, как я слышал, некоторый дозор, в малой хотя

степени, за школами введен в перечень вследствие той неприязни, того недружелюбия, которое внушается в школах детям по отношению к России и русскому языку. *(Шум слева; звонок председателя.)* Союзы, печать, общество – это все предметы, которые даже в сложных государствах составляют предмет общеимперского законодательства. *(Голос слева: «Еще бы».)*

Но нам будут указывать, конечно, что этим путем бюрократия стремится разрушить высокую местную культуру *(голоса слева: «Правильно»)* и народное просвещение. Я вам отвечу словами докладчика, что независимо от финляндского правосознания существует еще другое правосознание, правосознание русское; вам будут указывать на то, что правительство не считается с интересами целого народа; на это я вам отвечу, что Государь доверил дело вам, а не бюрократии и что помимо вас не пройдет ни один имперский закон; вам, наконец, будут, вероятно, торжественно указывать на мнение якобы Европы, на тысячи собранных финляндцами за границей подписей; тут уже отвечу вам не я, а ответит вся Россия, что многие, видимо, еще не поняли, что при новом строе Россия не разваливается, не расчленяется на части, а крепнет и познает себя.

Разрушьте, господа, опасный призрак, нечто худшее, чем вражда и ненависть, – презрение к нашей родине. Презрение чувствуется в угрозе пассивного сопротивления со стороны некоторых финляндцев, презрение чувствуется и со стороны непрошеных советчиков, презрение чувствуется, к сожалению, и со стороны части нашего общества,

которая не верит ни в право, ни в силу русского народа. Стряхните с себя, господа, этот злой сон и, олицетворяя собою Россию, спрошенную Царем в деле, равного которому вы еще не вершили, докажите, что в России выше всего право, опирающееся на всенародную силу. *(Продолжительные рукоплескания правой и центра.)*

Последняя публичная речь Столыпина, произнесенная 27 апреля 1911 г. в ответ на запрос Государственной думы

Господа члены Государственной думы!

Время, протекшее со времени внесения в Государственную думу запроса о незакономерном применении правительством статьи 87 Основных законов, закрепило ходячее мнение о причинах, руководивших действиями правительства в этом деле, и придало им в глазах многих характер совершенной бесспорности. Моя задача – противопоставить этим суждениям совершенно откровенное изложение всего хода взволновавшего вас дела и, насколько возможно, полное и точное разъяснение побудительных причин, вынудивших правительство прибегнуть в данном случае к неожиданной и чрезвычайной мере.

Понятно, что речь моя, какой бы летописный характер она ни носила, все же ввиду сложившегося в различных политических кругах понимания правительственной политики будет восприниматься с некоторой неприязнью моими слуша-

телями. Это первое и большое затруднение, с которым мне придется считаться в моих объяснениях. Но оно не единственное. Другое неблагоприятное для меня обстоятельство то, что мне приходится отвечать Государственной думе после того, как мною уже даны разъяснения по тому же предмету Государственному совету как стороне, наиболее заинтересованной в этом деле. А так как доводы правительства уже значительно исчерпаны, то мне не избежать некоторых повторений, хотя повторить я постараюсь лишь то, что, может быть, повторять и небесполезно. Повторения эти будут касаться, главным образом, формальной стороны дела, несмотря на то, что я огораживаться формальным правом не намерен. Но обойти эту сторону вопроса я не могу, так как мне в дальнейшем изложении придется опираться как на установленный факт на то, что в данном случае при других необходимых условиях не было со стороны правительства ни нарушения, ни обхода закона. Это необходимо мне и для более ясного освещения статьи 87, значение которой определяет права Короны и не может быть умалено без создания нежелательного прецедента.

Какие же формальные права присущи нашим законодательным учреждениям?

Государственная дума, так же как и Государственный совет, вправе, конечно, предъявлять правительству запросы из области управления, но весьма сомнительно, чтобы эти же учреждения вправе были запрашивать правительство по предметам свойства законодательного, хотя бы законодательные функции временно осуществлялись че-

рез Совет министров. Права наших палат в этом отношении твердо и ясно выражены в самом законе. Они заключаются в праве последующего обсуждения временных законов и отказа в последующей им санкции. Все возражения по этому поводу основаны, по моему мнению, на смешении двух понятий, двух моментов: права палат после того, как закон уже внесен в законодательные учреждения, и права палат предварительно контролировать формальную закономерность правительственного акта до этого.

Первое право – право отвергнуть закон по всевозможным мотивам и даже без всяких мотивов – совершенно бесспорно, а второго права просто не существует, оно представляло бы из себя юридический нонсенс. Первым обширнейшим полномочием поглощается право запроса; им определяются права законодательных палат, которые не могут стать цензором формальной правильности акта Верховной власти. Я знаю в практике западных государств случаи отклонения временных законов, проведенных в чрезвычайном порядке, но я не знаю случаев запроса о незакономерности таких актов, так как субъективная оценка и момента чрезвычайности, и момента целесообразности принадлежит, во всяком случае, не палатам. Это логично и понятно: законодательные учреждения не могут сделаться судьей закономерности законодательного акта другого учреждения. Обязанность эта по нашим законам принадлежит исключительно Правительствующему сенату, который не имеет права опубликовать или обнародовать незаконный, незакономерный акт.

Точно так же законодательные учреждения вправе запрашивать и председателя Совета министров, и отдельных министров, и главноуправляющих о незакономерных их действиях, но едва ли они вправе запрашивать о том же Совет министров как учреждение, не подчиненное Правительствующему сенату, в котором, когда Ему это благоугодно, председательствует Его Императорское Величество. Единственный раз, когда мне был предъявлен запрос о незакономерных действиях Совета министров как учреждения, а именно по изданию правил 24 августа 1909 г., я сделал оговорку о том, что существо этого запроса не соответствует природе запросного права.

Предъявленный в настоящее время Государственной думой запрос составлен с формальной стороны более осторожно, чем запрос Государственного совета, так как в нем отсутствует один довод, который лег в основу запроса Совета. Но довода этого касались во время прений о принятии запроса некоторые ораторы, и поэтому мне в двух-трех словах придется коснуться и его. Я подразумеваю опорочение права Верховной власти применять статью 87 при чрезвычайных обстоятельствах, возникших до роспуска палат. Но это право неопровержимо, оно зиждется, основано на жизненных условиях, и как бы наши жизненные и наши законодательные условия ни были различны от таких же условий в западных государствах, но и там, на Западе, это право понимается именно так, а не иначе, и авторитетное мнение науки признает правильность обращения к указанному праву во время перерыва занятий палат, вызванного дейст-

виями самих палат. Всякое другое толкование этого права неприемлемо, оно нарушало бы смысл и разум закона, оно сводило бы и право Монарха применять чрезвычайные указы на нет.

Чтобы покончить с формальной стороной вопроса, я отмечу еще по поводу указного права, как права чисто политического, что и в Западной Европе не существует норм, так сказать, конституционного его применения. Если вы не хотите обратиться к примеру Австрии, то возьмите пример Пруссии. Все чрезвычайные указы, изданные за последнее полстолетие в порядке параграфа 63 прусской конституции, подвергались оспариванию в прусских палатах, и хотя большинство из них были, в конце концов, приняты палатами, но многие из них вызывали сильные сомнения, как, например, касавшиеся натуральных повинностей, нового обложения, таможенных сборов и т. д. То, что пытаются представить у нас нарушением законов, незакономерностно, и в Пруссии, и в Австрии никогда не признавалось нарушением конституции.

Но если формальная сторона этого дела настолько безукоризненна, то чем же объяснить, господа, тот шум, который поднялся вокруг последних действий правительства: возбуждение в политических кругах, негодование одних, недоумение других? Конечно, наивно было бы со стороны правительства объяснять это непременным желанием сделать ему во что бы то ни стало неприятность. Несомненно, причины лежат гораздо глубже; чтобы исчерпать вопросы до дна, надо обратиться к ним, и я попытаюсь совершенно спокойно и беспристрастно разобраться в происшедшем, но, ввви-

ду только что высказанных мною соображений, я в дальнейших своих объяснениях буду опираться не на статью 58 Учреждения Государственной думы, а на статью 40 и просто, добросовестно, насколько это мне доступно, изложу вам сведения по делу, которое, согласно этой статье 40, будет в будущем подлежать вашему рассмотрению. Я считаю это совершенно необходимым, так как Государственная дума не судебное учреждение, разрешающее уже законченный, совершившийся факт, анатомирующее мертвое тело; Государственная дума имеет дело с событиями длящимися, с жизнью страны, а жизненные явления требуют объяснения.

В дальнейшем мне, к сожалению, придется подчеркивать пункты и поводы к разногласию между мыслью, заложенной в основании запроса Государственной думы, и мыслью правительственной. Но ранее этого я мимоходом отмечу одно положение, которое не вызывает и не вызовет между нами разногласий. Правительство точно так же, как и Дума, понимает и признает применимость статьи 87 только в самых исключительных обстоятельствах, и статью эту оно не может, конечно, считать обычным оружием своего арсенала. Что же касается разногласий, о которых я только что упомянул, особенно тех, которые ведут в конце концов к применению чрезвычайных мер, то я охотно признаю, что всякое правительство должно их предвидеть и должно сообразовать свои действия с ожидаемыми последствиями.

Gouverner cest prevoir, – говаривала еще Великая Екатерина, и, конечно, правительство, действующее не в безвоздушном пространстве, должно

было знать, что придет час и оно столкнется с двумя самостоятельными духовными мирами – Государственной думой и Государственным советом. Но так как эти два духовных мира весьма между собой различны, то люди, искушенные опытом, находили, находят и теперь, что правительство должно было мириться с политикой, скажем, некоторого оппортунизма, с политикой сведения на нет всех крупных, более острых вопросов, между прочим и рассматриваемого нами теперь, с политикой, так сказать, защитного цвета. Эта политика, конечно, не может вести страну ни к чему большему, но она не приводит и к конфликтам. Очевидно, во всяком случае, что ключ к разъяснению возникшего недоразумения – в оценке и сопоставлении психологии Государственного совета, Государственной думы и правительства, а в правильности их анализа и заключается разъяснение, требуемое от меня Государственной думой.

Психологию Государственного совета предвидеть было не трудно. Законопроекту правительства, внесенному в Государственный совет, придавалось уже заранее значение неудачной затеи, и, конечно, трудно было ждать от Государственного совета отождествления его же отказа в принятии этого закона с чрезвычайным обстоятельством. Признавая правительство по-прежнему лишь высшим административным местом, не считая его политическим фактом, Государственный совет должен был увидеть и увидел в совершившемся лишь борьбу между двумя началами – началом административным и началом законодательным, а в действиях правительства усмотрел лишь ущерб, нане-

сенный второму началу, законодательному, высшей правящей бюрократией.

Психология Государственной думы несколько сложнее, так как авторы запроса приписывают правительству нечто другое, и значительно худшее. Я, конечно, не касаюсь и не буду впредь касаться личных против меня нападок, личных выпадов; я остановлюсь на более существенной аргументации: правительство, господа, попросту заподозрено в том, что, пренебрегая всеми законами, даже и Основными, желает править страной по собственному усмотрению, собственному произволу *(голос слева: «Верно»)*, и для того, чтобы легче этого достигнуть, желает приобщить к этому законоубийственному делу и самую Государственную думу (*голос слева: «Правильно»; голоса справа: «Тише»*); поэтому отношение правительства к Государственной думе понималось тут как яркая провокация или, как оратор Государственной думы более мягко выражался, как вызов. А так как закон был опубликован в думской редакции, то этому придавалось значение искушения, введения в соблазн Государственной думы с целью поссорить ее с Государственным советом, с целью уронить авторитет Государственной думы и воскресить эру административного засилья. *(Шум слева; звонок председателя.)*

Кроме этого, в попутных замечаниях обращает на себя внимание еще упрек о крайнем искажении смысла статьи 87 путем создания искусственного перерыва и обвинение правительства в нарушении избирательного закона. Вот приблизительно что думали, чувствовали и выражали авторы запроса

Государственной думы. Мне, конечно, придется дольше остановиться на этих мыслях, но раньше я попытаюсь отстранить одно привходящее обвинение, на которое я только что сослался; попрек в нарушении избирательного закона. Я думаю, господа, нет ли тут недоразумения? Указ 14 марта ни одним словом не касается этого вопроса; наоборот, если в указе была бы сделана оговорка о сохранении прежнего порядка выборов, то этим самым были бы изменены правила выборов в Государственный совет и нарушена была бы статья 87 Основных законов. Конечно, несомненно, с введением в западной России земства отпадает статья 5 этих правил, но не указ 14 марта поражает эту статью, а она сама определяет себя как меру временную, подлежащую уничтожению при наступлении известных обстоятельств, ожидаемых законодателем.

Само собой, что полномочия нынешних членов Государственного совета остаются в силе и с введением земства до окончания срока их выбора, а за это время, очевидно, выяснится, окончательно определится судьба временной меры, проведенной в порядке статьи 87.

Покончив с этим эпизодическим обстоятельством, я возвращаюсь к основному вопросу. Из суждений господ членов Государственной думы ясно, что корень вопроса, то есть отклонение законопроекта о западном земстве, до настоящего времени не рассматривался Думой как нечто необычайное, как обстоятельство чрезвычайное. Если видели нечто чрезвычайное в последних событиях, то исключительно только в наружном, бьющем, броса-

ющемся в глаза действии правительства, то есть в способе, а не в причине. Словом, решительность меры затмила ее цель, и чрезвычайность была признана не в существе вопроса, а лишь в применении статьи 87 как в доказательстве возвращения к худшему, что ли, из абсолютизмов – к абсолютизму зарвавшихся чиновников. *(Голоса слева: «Верно».)* Правительство, со своей стороны, видело корень вопроса в исключительности политического момента и статью 87 понимало лишь как совершенно, конечно, исключительное средство, но как законный способ выйти из ненормального положения.

Чтобы понять не только действия, но и побуждения правительства, надо исходить из предположения, что политические обстоятельства сложились не совсем обыденным образом. Припомним же, господа, положение государственных дел до мартовских событий. Всем известен, всем памятен установившийся, почти узаконенный наш законодательный обряд; внесение законопроектов в Государственную думу, признание их здесь обычно недостаточно радикальными, перелицовка их и перенесение в Государственный совет; в Государственном совете признание уже правительственных законопроектов обыкновенно слишком радикальными, отклонение их и провал закона. А, в конце концов, в результате, царство так называемой вермишели, застой во всех принципиальных реформах.

Заметьте, господа, что я не ставлю вопроса на почву обвинения каких-либо политических партий в излишнем радикализме или в излишней ре-

акционности. Я рисую положение так, как оно есть; я хотел бы правдиво изобразить вам те необычные условия, в которых приходилось действовать правительству, в которых возник и получил дальнейшее развитие закон о западном земстве. Совершенно подчиняясь безусловному праву обеих палат и изменять, и отклонять предлагаемые им законопроекты, правительство все же должно было дать себе отчет, бывают ли такие исключительные минуты, когда и само правительство должно вступать в некоторую борьбу за свои политические идеалы. Правительство должно было решить, достойно ли его продолжать корректно и машинально вертеть правительственное колесо, изготовляя проекты, которые никогда не должны увидеть света. Или же правительство, которое является выразителем и исполнителем предначертаний Верховной воли, имеет право и обязано вести определенную яркую политику? Должно ли правительство при постепенном усовершенствовании представительных учреждений параллельно ослабевать или усиливаться и не есть ли это обоюдное усиление, укрепление нашей государственности? Наконец, вправе ли правительство испрашивать у Монарха использования всех находящихся в его распоряжении законных средств или это равносильно произволу?

И, конечно, господа, правительство не могло решить этого вопроса в пользу правительственного бессилия! Причина этому не самолюбие правительства, а прочность государственных устоев. Поэтому и в данном деле, если только придавать ему крупное значение, если учитывать тот вол-

шебный круг, в который попало наше законодательство, правительство должно было представить Верховной власти законный и благополучный из него выход.

Какой же, господа, мог быть выход из попавшего в изображенное мною только что колесо дела *(Б у л а т, с места: «Отставка»; голоса справа: «Тише, тише»)*, дела осуществления западного земства, которое имело за себя сочувствие Монарха, которое в главных основных началах прошло через Государственную думу и было отвергнуто Государственным советом?

Конечно, первый, самый естественный и законный выход заключался во вторичном внесении этого закона на обсуждение законодательных учреждений. Многие говорят: если бы правительство не отвернулось от народного представительства, если бы оно не предпочло остаться одиноким, вместо того чтобы идти рука об руку с Государственной думой, то при некотором терпении были бы достигнуты желательные результаты без нежелательных потрясений. Но ведь это, господа, не так, это было бы актом самообмана, если не лицемерия, это была бы отписка перед западной Россией, отписка тем более жестокая, что ваши полномочия, полномочия Третьей Думы, в скором времени заканчиваются, и для того, чтобы покончить с западным земством, от Государственного совета не требовалось даже шумной процедуры обыкновенного погребения недоношенных законов – достаточно было сдать его в комиссию и несколько замедлить его рассмотрением. *(Голоса в правом центре: «Браво».)*

Но, говорят, в таком случае был другой, законный способ – это испрошение у Государя Императора роспуска законодательных учреждений. *(Голоса слева: «Верно».)* Но роспуск палат из-за несогласия с верховной палатой, которая является, главным образом, представительством интересов, а не представительством населения, в которой только половина членов выборных *(смех и шум слева; звонок председателя)*, лишено было бы практического смысла и значения. Оставался третий выход – статья 87. Я уже говорил, господа, что правительство ясно отдавало себе отчет, что оценка законодательными учреждениями акта Верховной власти представляет из себя юридическую невозможность. Но, понимая вопрос именно так и зная, что законодательные учреждения снабжены гораздо более сильным средством – правом полного отклонения временного закона, правительство могло решиться на этот шаг только в полной уверенности, что акт, изданный по статье 87, по существу своему для Государственной думы приемлем.

Внесение в Государственную думу на проверку закона, явно для Государственной думы неприемлемого, представляло бы из себя, конечно, верх недомыслия, и вот отсутствие этого недомыслия, тождественность акта, изданного по статье 87, с законопроектом, прошедшим через Государственную думу, опорочивается как соблазн, как искушение, как лукавство! Опорочивается также и искусственность перерыва и проведения по статье 87 закона, отвергнутого верхней палатой в порядке статьи 86. Но, господа, то, что произошло те-

перь в более ярком освещении, молчаливо признавалось Государственной думой при других обстоятельствах.

Я не буду касаться мелких законов, я напомню вам прохождение законопроекта о старообрядческих общинах. Вы знаете, что по этому закону не состоялось соглашения между обеими палатами и что в настоящее время требуется лишь окончательная санкция этого разногласия с Государственной думой, и закон отпадет. Ни для кого не тайна, что Государственная дума заслушает это разногласие перед одним из перерывов своих занятий, в полной уверенности, что правительство исходатайствует у Государя Императора восстановление существующего закона *(М и л ю к о в, с места: «Что такое? Это безобразие»)* в порядке статьи 87. *(Смех и шум слева.)*

Совершенно понятно, что если бы постановление Государственной думы воспоследовало не перед естественным перерывом, то перед правительством во весь рост стал бы вопрос о необходимости искусственного перерыва, так как нельзя, господа, нельзя приводить в отчаяние более 10 миллионов русских по духу и по крови людей из-за трения в государственной машине. (В *правом центре рукоплескания и голоса: «Браво»; шиканье слева; звонок председателя.)* Нельзя, господа, из-за теоретических несогласий уничтожать более полутора тысяч существующих старообрядческих общин и мешать людям творить не какое-нибудь злое дело, а открыто творить молитву, лишить их того, что было им даровано Царем. *(Шум слева.)* И в

этом случае Государственная дума, устраняя необходимость искусственного перерыва, сама прикровенно наводит, толкает правительство на применение статьи 87!

Я в этом не вижу ничего незаконного, ничего неправильного *(М и л ю к о в, с места: «Хорош»)*, но я думаю, что оратор, на которого я раньше ссылался, должен был бы усмотреть тут, по его собственному выражению, «вызов», но уже со стороны Государственной думы по отношению правительства, а правительство по этой же теории должно было бы, вероятно, воздержаться от этого «искусственного предложения». Взвинтить на ненужную высоту *(голос слева: «На веревку»)* возможно, конечно, каждый вопрос, но государственно ли это?

Конечно, статья 87 – средство крайнее, средство совершенно исключительное. Но, господа, она дает по закону возможность Монарху создать выход из безвыходного положения. Если, например, в случае голода законодательные учреждения, не сойдясь между собой, скажем, на цифрах, не могли бы осуществить законопроект о помощи голодающему населению, разве провести этот закон возможно было бы иначе, как в чрезвычайном порядке? Поэтому правильно было искать в этом же порядке утоление духовного голода старообрядцев. Но отчего же менее важны культурные интересы шести западных губерний? Почему они должны быть принесены в жертву нашей гармонически законченной законодательной беспомощности? Потому, скажут мне, что эти шесть губерний жили до настоящего времени без земства, проживут без него и далее, потому что этот во-

прос не касается всей России и не может быть поэтому признан первостепенным. Но ведь старообрядческие общины и неурожаи – вопросы, которые по распространению своему не касаются всей России.

Всей России в вопросе западного земства касается нечто другое и более важное, чем географическое его распространение. Впервые в русской истории на суд народного представительства вынесен вопрос такого глубокого национального значения. До настоящего времени к решению таких вопросов народ не приобщался. Может быть, поэтому он становился к ним все более и более равнодушен; чувство, объединяющее народ, чувство единения тускнело и ослабевало! И если обернуться назад и поверх действительности взглянуть на наше прошлое, то в сумерках нашего национального блуждания ярко вырисовываются лишь два царствования, озаренные действительной верой в свое родное русское. Это царствования Екатерины Великой и Александра Третьего. Но лишь в царствование Императора Николая Второго вера в народ воплотилась в призвание его к решению народных дел; и, может быть, господа, с политической точки зрения, не было еще на обсуждении Государственной думы законопроекта более серьезного, чем вопрос о западном земстве. В этом законе проводится принцип не утеснения, не угнетения нерусских народностей, а охранения прав коренного русского населения, которому государство изменить не может, потому что оно никогда не изменяло государству и в тяжелые исторические времена всегда стояло на западной нашей границе на

страже русских государственных начал. *(В правом центре рукоплескания и голоса: «Браво».)*

Если еще принять во внимание, что даже поляки в городах Царства Польского молчаливо одобряют ограждение их от подавляющего влияния еврейского населения путем выделения его в отдельные национальные курии, если того же самого в более или менее близком будущем, в той или другой форме будут требовать и немцы Прибалтийского края по отношению к эстонцам и латышам, то вы поймете, насколько скромна была попытка нашего законодательного предположения оградить права русского населения в шести западных губерниях. Не без трепета, господа, вносило правительство впервые этот законопроект в Государственную думу: восторжествует ли чувство народной сплоченности, которым так сильны паши соседи на Западе и на Востоке, или народное представительство начнет новую федеративную эру русской истории? Победил, как вы знаете, исторический смысл; брошены были семена новых русских политических начал, и если не мы, то будущие поколения должны будут увидеть их рост.

Но что же произошло после этого? Отчасти случайно, по ошибке, отчасти нарочито, эти новые побеги, новые ростки начали небрежно затаптываться людьми, или их не разглядевшими, или их убоявшимися. *(Возглас слева: «Ох!»)* Кто же должен был оградить эти всходы? Неужели гибнуть тому, что было создано, в конце концов, взаимодействием Монарха и народного представительства? Тут, как в каждом вопросе, было два пути, два

исхода. Первый путь – уклонение от ответственности, переложение ее на вас путем внесения вторично в Государственную думу правительственного законопроекта, зная, что у вас нет ни сил, ни средств, ни власти провести его дальше этих стен, провести его в жизнь, зная, что эта блестящая, но показная демонстрация. Второй путь – принятие на себя всей ответственности, всех ударов, лишь бы спасти основу русской политики, предмет нашей веры. *(В правом центре рукоплескания и голоса: «Браво».)*

Первый путь – это ровная дорога и шествие по ней почти торжественное под всеобщее одобрение и аплодисменты, но дорога, к сожалению, в данном случае не приводящая никуда... Второй путь – путь тяжелый и тернистый, на котором под свист насмешек, под гул угроз, в конце концов все же выход к намеченной цели. Для лиц, стоящих у власти, нет, господа, греха большего, чем малодушное уклонение от ответственности. И я признаю открыто: в том, что предложен был второй путь, второй исход, ответственны мы – в том, что мы, как умеем, как понимаем, бережем будущее нашей родины и смело вбиваем гвозди в вами же сооружаемую постройку будущей России, но стыдящейся быть русской, эта ответственность – величайшее счастье моей жизни. *(Голоса в правом центре: «Браво».)*

И как бы вы, господа, ни отнеслись к происшедшему, а ваше постановление, быть может, по весьма сложным политическим соображениям уже предрешено, как бы придирчиво вы ни судили и ни осудили даже формы содеянного, я знаю, я ве-

рю, что многие из вас в глубине души признают, что 14 марта случилось нечто, не порушившее, а укрепившее права молодого русского представительства. *(В правом центре рукоплескания и голоса: «Браво»: смех в левом центре и слева; голоса слева: «Защитники народного представительства».)* Патриотический порыв Государственной думы в деле создания русского земства на западе России был понят, оценен и согрет одобрением Верховной власти. *(В правом центре рукоплескания и голоса: «Браво; шиканье слева».)*

ДОКЛАДЫ.
ЗАПИСКИ.
ЦИРКУЛЯРЫ

Об экспорте в Германию живого скота и мяса в связи с положением ветеринарного дела в губернии 2 марта 1901 г.

М[илостивые] г[осудари]!

Обсуждая вопрос, близко касающийся торговых наших отношений с Германией, мне само собой придется затронуть вопрос о договорных наших отношениях с этой державой – вопрос, приобретающий громадный интерес ввиду истечения через 2 года срока русско-германского торгового договора. При последующих прениях нам придется помнить, что дело это не подлежит нашему обсуждению с тех его сторон, которые соприкасаются с политикой или международными отношениями, и что нам следует оставаться на почве чисто местных интересов.

Относительно Германии Ковенская губерния находится в особом положении. Каких бы сравнительных облегчений ни добилось правительство при заключении нового договора с Германией, все же эпоха зернового хозяйства для нас кончилась и конкурировать с хлебом внутренних губерний наша губерния не может. Явление это обусловлива-

ется существованием у нас дифференциального тарифа, от которого правительство отказаться не может. Действительно, мы у себя не можем требовать от торговцев цены за хлеб высшей, чем стоимость хлеба во внутренних губерниях плюс провозная плата оттуда до Ковенской губернии. Следовательно, в нашу пользу, по сравнению с хозяйствами внутренних губерний, остается стоимость этого провоза, но на деле оказывается, что обработка земли у нас настолько дорога ввиду необходимости канав, химических удобрений и почва наша настолько беднее, что затраты по достижению одинаковых результатов со средними великорусскими губерниями превышают прибыль, которую нам дает разница на фрахте.

Что это так, видно из того, что к нам на местные мельницы ежегодно привозят все больше хлеба из внутренних губерний, у нас же увеличивается число правильных молочных хозяйств, то есть существует стремление скармливать зерно свое у себя дома. В этом направлении местное хозяйство наше будет, вероятно, идти дальше и, по-видимому, обстоятельства для нас сложились так, что нам, при заключении нового торгового договора с Германией, настолько же, насколько и вопрос о пошлинах на хлеб, важен вопрос об ограждении интересов нашего скотоводства.

Скотоводство может быть двух типов – молочное и мясное. В первом случае – в целях скармливания молочных остатков, важно свиноводство в качестве подсобного промысла и выгодный сбыт свиней, во втором же случае важен сбыт мясного рогатого скота. При плохом питании нашего наро-

да, у нас нет достаточно обширного внутреннего рынка для сбыта свиней и скота, туго идет также из наших деревень сбыт животных частей в свежем состоянии, а также кож, топленого сала, костей, рогов, шерсти и волоса. Открытие новых рынков сбыта для этих продуктов создало бы, вероятно, целый ряд побочных производств, имеющих при настоящих условиях немаловажное значение для сельского хозяйства. Возрождение мясных продуктов в Германии делает вероятною возможность добиться от германского правительства некоторых облегчений при переговорах о новом договоре, срок которого начнется 18 декабря 1903 г. Интересны поэтому некоторые сведения из новейшей истории вывоза за границу нашего скота.

Начать следует с основного циркуляра министра внутренних дел от 11 марта 1889 г. за № 534, в котором возвещалось, что ввиду результатов, достигнутых применением в Европейской России законоположений от 30 мая 1876 г., 3 июня 1879 г. и 11 мая 1882 г., можно надеяться, что в недалеком будущем безусловное воспрещение доставки нашего скота и его продуктов на многие из иностранных рынков будет отменено и даже ныне одно из западных государств готово открыть свои рынки для русского скота. Для окончательного же устранения серьезного повода к пропуску нашего скота за границу вменялось в обязанность местным властям применение тогда же изданных правил о ветеринарно-полицейском надзоре за скотом, предназначенным для отправки за границу. Из означенных правил видно, что в то время

вывоз за границу крупного скота допускали морским путем лишь из Одессы и Севастополя, а по железным дорогам через Волочиск и Радзивиллов.

Таким образом, 12 лет тому назад прусская граница была для нашего крупного скота закрыта.

...со стороны Министерства внутр[енних] дел состоялось 29 июля 1895 г. за № 463 подтверждение о строгом соблюдении ветеринарно-полицейского надзора за экспортным скотом. Видимо, со стороны нашего правительства делались попытки заставить германское правительство изменить свое решение о запрещении ввоза нашего скота, так как в протоколе Русско-германской конференции от 9 февраля 1897 г. заключается обещание германского правительства вновь рассмотреть вопрос о ввозе скота, как только будет закончено преобразование в России ветеринарной части.

Эпоха эта с точки зрения германского правительства, вероятно, очень еще далека. Во всяком случае, нам, продавцам скота, обсуждающим, в какой форме нам необходима правительственная помощь в этом деле, необходимо быть хоть в общих чертах в курсе того положения, в котором поставлена у нас ветеринарная часть. Для выяснения этого вопроса я пользовался богатым материалом, предоставленным в мое распоряжение г. губернским ветеринаром А.К. Березкиным, и его просвященными разъяснениями тех деталей дела, которые мне не были вполне понятны. Ход распоряжений по ветеринарному управлению показывает, что упорядочение этого дела продвига-

ется вперед быстро и что успехи в этой отрасли достигнуты немалые. До 1897 г. собственно отдельного ветеринарного управления в губерниях не было совсем и делом этим заведовали врачебные инспектора. В 1897 г. учреждена должность губернского ветеринара, и этому предшествовало учреждение должностей уездных ветеринаров и 14 ветеринарных фельдшеров. В 1898 г. собственно для города Ковны определены 2 ветеринарных врача, ветеринарный фельдшер, 2 микроскописткки и 4 ветеринарных надзорщика. В 1899 г. в г. Ковну назначен ветеринар скотопригонного тракта.

Конечно, во всех этих мероприятиях встречаются некоторые затруднения, главным из которых является общий недостаток ветеринаров в России (всего в России 4 ветеринарных института, выпускающих 200 человек в год на все ведомства), скудность содержания, имеющая последствием переход в другие ведомства, и привлечение хорошими окладами ветеринаров для борьбы с эпизоотиями на Кавказ, являющийся для ветеринаров каким-то Эльдорадо.

...Большинство же ветеринарных фельдшеров не окончили ветеринарных школ, а набираются из бывших военных фельдшеров. Затруднения эти, конечно, устранимые, и губернская, так же как и центральная, администрация озабочена прекращением этих недостатков, которые неизбежны в деле, организуемом заново.

Если приведенные данные доказывают, что германское правительство не вправе считать у нас ветеринарный надзор несуществующим, то резуль-

таты, достигнутые на месте очагов заразы – на Кавказе и в Азиатской России, дают право возражать против другого нарекания германского правительства, что Россия служит местом непрекращающейся чумы рогатого скота и других эпизоотий. Вот что по этому вопросу сообщил мне г. Березкин.

«Не только Европейская Россия более 10 лет совершенно освобождена от чумы рогатого скота, но и в наиболее отдаленных окраинах С[еверного] Кавказа и значительной части Азиатской России, благодаря настойчивым и энергично принятым мерам со стороны Министерства внутренних дел, чума рогатого скота настолько подавлена, что это обстоятельство послужило основанием для Особого совещания, состоявшегося в мае месяце 1899 г. при ветеринарном управлении Министерства внутренних дел, прийти к заключению, что

1) все местности Империи, простирающиеся от западногерманской границы нашей до Тобольской губернии и Акмолинской области включительно, а равно от Кавказского хребта и Черного моря до Архангельской губернии включительно, должны быть признаны вполне благополучными по чумной эпизоотии;

2) во всем безопасном по чумной эпизоотии районе Империи (п. 1) надлежит установить однородный порядок передвижения крупного рогатого скота и овец, причем производить это передвижение, если это выходит за пределы местных нужд, не иначе, как по железным или водяным путям (см. № 70 Правит. вестн. 1900 г.).

Заключение названного Совещания представляется особенно ценным, потому что оно не есть плод спешной кабинетной работы, а является результатом целого ряда совещаний, в которых принимали участие представители министерств внутренних дел, путей сообщения, земледелия и государственных имуществ, чины ветеринарно-административного надзора: Закавказского и Туркестанского краев, городов – С.-Петербурга, Москвы, а равно 38 губерний и областей Европейской и Азиатской России, 21 представитель земских управ, 10 представителей сельскохозяйственных обществ и сельских хозяев и 3 представителя скотопромышленности.

Разделяя предположение Совещания, Министерство внутренних дел признало необходимым издать новые правила о порядке передвижения крупного рогатого скота и овец в пределах Европейской России, опубликованные в № 27 «Правит[ельственного] вестн[ика]» 1900 г. На основании этих общих правил изданы, по утверждении Министерством внутренних дел, ковенским губернатором местные правила от 27 октября 1900 г., взамен таковых же правил от 17 мая 1892 г.

Несмотря на столь строгие запретительные меры касательно доступа нашего скота и сырья, сама Германия не свободна от эпизоотий и в Германии из года в год существуют также эпизоотии, как, например, ящур, сап, туберкулез, повальное воспаление легких, сибирская язва.

...Если отпадает вопрос о ковенском рынке вообще, то является другая комбинация: отчего не

воспользоваться тем обстоятельством, что Ковно первоклассная крепость и что войсковые части являются крупнейшим покупателем, притом на наличные деньги, притом мяса вообще без разделения на кошерное и трефное.

Этот вопрос мне кажется своевременным потому, что в Ковно было сделано начало в этом направлении, и здесь несколько времени функционировала своя военная скотобойня, покупавшая непосредственно у скотовладельцев. Год тому назад скотобойня эта закрыта.

Но передо мной лежит живой, талантливый реферат д-ра Покровского, заведовавшего этой бойней и доказывающего, насколько вреден для войск и убыточен подрядочный способ и насколько желательно возобновление действий военной скотобойни.

Для нас же изо всего этого может быть свой вывод.

Мне кажется, что у нас, помещиков, имеется как раз тот товар, который нужен войскам: порода скота у нас улучшается, крупнее крестьянского, перед продажею он откармливается, и у каждого помещика имеется ежегодно на продажу или бык, который уже тяжел для случки, или коровы, у которых количество молока уменьшилось и которые поэтому бракуются. Вот и возникает вопрос, – не следует ли ходатайствовать перед комендантом о возобновлении действия крепостной скотобойни, с тем чтобы покупался у помещиков, возложив на наш синдикат оборудование этого дела, то есть прием скота от посылающих его в Ковно помещиков, сдача на скотобойню и ведение расчетов с военным ведомством. Организация такого мясного

бюро была бы большим шагом вперед, особенно ввиду перспективы возможности открытия через 2 года громадного экспортного рынка для нашего скота, к чему подготовиться необходимо. Но может быть дело это не под силу нашему синдикату, может, оно слишком мудреное? Это, конечно, и требует не только обсуждения с вашей стороны, но и глубокого изучения.

Я пришел к концу и считаю нужным ясно резюмировать свои выводы, но раньше полагаю нравственным долгом своим сделать почтенному собранию одно предложение, а именно высказать благодарность лицу, которому мы обязаны получением богатого материала, предложенного вашему обсуждению. Лицо это из скромности не пожелало само выступить публично. Это губернский ветеринар г. Березкин, присутствующий в нашем собрании.

Переходя к выводам моим, формулирую их следующим образом:

1) При заключении нового торгового договора с Германией у Ковенской губернии, кроме общих с остальными местностями России интересов, касающихся пошлины на зерновой хлеб, существуют свои собственные пограничные интересы относительно условий экспорта в Германию живого скота, мяса и животных частей в свежем и сухом виде.

2) Интересы эти заключаются в сохранении ныне существующих пошлин и отмене полного запрещения вывоза рогатого скота, свиней и мяса из Ковенской губернии.

3) При выборе пограничного пункта, через который был бы разрешен этот вывоз, следует остано-

виться на Таурогене и ходатайствовать перед правительством об открытии в этом пункте при заключении нового торгового договора с Германией границы для сказанной цели.

4) Кроме открытия границы, крайне важно изменение порядка взаимного обмена извещений о мерах карантинных и ветеринарно-полицейских, и с этой целью следует ходатайствовать, во избежание принятия провинциальными властями мер экономических, под предлогом ветеринарно-полицейских, о взаимном извещении о принятых мероприятиях, или, по крайней мере, об основаниях сих мероприятий дипломатическим путем, – что при легкости телеграфных сношений не может представить препятствий.

5) Одновременно с разрешением вывоза скота через Тауроген необходимо, для успеха дела, установить в этом пункте строгий ветеринарный надзор, для чего учредить там должность пунктового ветеринара, в распоряжении которого были бы ветеринарные фельдшера, надзорщики и микроскописты. Об этом следует возбудить ходатайство перед правительством.

6) В период времени до 1903 г. следует организовать сбыт помещичьего скота в военное крепостное ведомство, для чего избрать комиссию, которая ходатайствовала бы перед г. комендантом о возобновлении действий военной скотобойни и организовала бы при с[ельско]хоз[яйственном] товариществе (синдикате) мясное бюро.

К обсуждению этих тезисов я и прошу вас, м[илостивые] г[осудари], предложив вам избрать вместе с тем комиссию, которая занялась бы рас-

смотрением других вопросов, возникающих из торговых наших отношений с Германией, влияющих на местное наше сельское хозяйство и устранимых при заключении нового русско-германского договора.

Таких вопросов, конечно, немало, один уже беспошлинный вывоз в Германию всех продуктов, обогащающих косвенно и прямо ее почву как жмыхов, барды, мякины, отрубей, животных удобрений и костей, заслуживал бы серьезного обсуждения со стороны специальной комиссии.

РГИА.Ф. 1662. Оп. 1. Д. 59. Типографский оттиск.

Всеподданнейший отчет Саратовского губернатора, 1903 г.

Вступив 26 марта 1903 г. в управление Высочайше вверенной мне Вашим Императорским Величеством Саратовской губернией и ознакомившись путем личного обозрения с ее положением, я не могу не остановиться прежде всего на современном ее экономическом состоянии и на сильно развитом в значительной ее части политическом движении.

Часто повторяющиеся за последние годы неурожаи хлебов неблагоприятно отозвались на хозяйственном строе сельского населения: обеднели главным образом крестьяне малоземельные, увеличилось количество безлошадных дворов и потребовалась энергичная помощь населению со сто-

роны правительства, как по выдаче продовольственных и семенных ссуд, так и по устройству общественных работ.

При объезде губернии я убедился, что острая нужда была повсюду своевременно удовлетворена и народ с обновленными силами занят полевыми работами, причем господствует бодрое настроение, ввиду удовлетворительных пока видов на урожай.

Помощь правительства выразилась в 1902 г. в ссудах на продовольствие на сумму 840 000 руб., на обсеменение яровых полей на сумму 674 500 руб., и на тот же предмет на сумму свыше 100 000 руб. из остатков от операции по неурожаю 1901 г., и кроме того, распоряжением Министерства финансов было доставлено 582 434 пуда семенной ржи. Всего населению в 1902 г. было выдано хлеба из запасных магазинов и за счет имперского капитала на сумму 1 920 891 руб. В предыдущий 1901 г. хлеба выдано на сумму 2 121 694 руб.

Кроме этого Министерством внутренних дел ассигновано было на производство общественных работ сначала 325 000 руб., а затем дополнительно еще 75 000 руб., причем производство этих работ передано земским учреждениям, которые, следует надеяться, приложат все старание, чтобы оправдать оказанное им в этом деле доверие.

В настоящее время долг населения по ссудам из продовольственных капиталов равняется 6 754 525 руб., кроме долга государственному казначейству по ссудам в голодные 1891 и 1892 гг., равняющегося 1 200 000 руб. Если принять во внимание, что к 1 мая сего года местных хлебных

запасов составляло по губернии налицо до 3 000 000 пудов, вместо 8 198 836 пудов, установленных по норме по числу душ, то экономическое положение населения должно признать сильно поколебленным и достигнуть удовлетворительного положения оно может лишь после нескольких лет хорошего урожая.

Одним из тяжелых последствий неурожая были эпидемии цинги и тифа, появившиеся в Хвалынском уезде еще в июле месяце 1901 г.

Борьбу с ними всецело приняло на себя Общество Красного Креста.

При первых тревожных известиях о заболеваниях Саратовское управление Общества сформировало и отправило в Хвалынский уезд два врачебно-продовольственных отряда из врачей, фельдшеров и сестер милосердия. Повсюду, где были заболевания, на средства Общества были открыты столовые и организована раздача пищевых продуктов.

Число столовых достигло 39; из них было 32 бесплатных и 7 дешевых; последние – для рабочих, на местах общественных работ. Врачебно-продовольственные отряды и столовые действовали в Хвалынском уезде до начала июля 1902 г., то есть до окончательного прекращения эпидемий.

Больных было в этом уезде до 2000 цинготных и до 150 тифозных.

Обедов и ужинов из столовых Общества Красного Креста отпущено: бесплатных – 1 884 459 и дешевых – 56 849.

Вслед за Хвалынским уездом цинга и тиф появились в начале 1902 г. в уездах Балашовском,

Вольском, Саратовском и Сердобском, но здесь заболевания были немногочисленны и слабее по своей форме.

И в этих уездах борьбу с эпидемиями взяло на себя Общество Красного Креста. Где появлялись заболевания, оно или открывало столовые, или организовывало раздачу пищевых продуктов на руки.

Эта помощь в пяти уездах обошлась Обществу Красного Креста свыше 100 000 руб.

Неблагополучное материальное положение сельского населения дало возможность врагам государственного порядка направить свою деятельность в среду крестьянскую и произвести попытки к возбуждению крестьян против землевладельцев с целью нанесения последним ущерба, главным образом путем земельных захватов и поджогов владельческих построек.

Если революционная деятельность в городах может быть и предупреждена, и парализована действиями полиции и не вызывает настоятельной тревоги, не захватывая широких и самых крепких кругов городских обывателей, то малейший успех противоправительственной агитации в деревне должен останавливать на себе самое бдительное внимание администрации, так как спокойствие крестьянского населения служит залогом порядка в государстве, отдельные же вспышки среди темного сельского люда могут неожиданно принять крупные размеры и заразительно действуют на неразвитые крестьянские массы.

Вследствие сего я, при первом же обозрении губернии, старался лично вникнуть в причины

столь нежелательного явления, и пришел к убеждению, что единственная почва, на которой может иметь успех агитация среди крестьян, это вопрос земельный. Неурожай может создать недовольство, жалобы и подготовить почву для агитации, но крестьянин отлично осознает, что на помощь ему во время недорода приходит правительство, и сбить его с толку могут только рассказы и слухи, иногда даже вздорные и нелепые, о переделе или прирезке земли.

Это доказывает, насколько жизненно важно для крестьянства решение вопроса о землеустройстве и об обеспечении землею. В Саратовской губернии фабрик и промыслов очень мало, население привыкло исключительно к земледельческому труду и хотя острого малоземелия не ощущается, но в тех обществах, где крестьяне на малом и дарственном наделах, нужда в земле велика и таких малоземельных до 25% общей крестьянской массы. Для этих крестьян трудно осуществимо и приобретение земли с помощью Крестьянского банка, так как у них нет средств на требуемую банком приплату, трудно им при бедности дается и переселение в Сибирь: аренда же частновладельческих земель достигла в некоторых уездах небывало высоких размеров. Объясняется это чрезмерным поднятием цен на землю, вследствие громадного на нее спроса, главным образом со стороны тех крестьян, которые могут осилить покупку земли; соразмерно с ростом ценности земли растет и земельная рента, что вызывает в некоторых местах волнение и недовольство крестьян. Последним обстоятельством

пользуются агитаторы и, полагая, что разрешение земельного вопроса не под силу правительству, стараются поставить на очередь этот вопрос в деревне и всеми способами его раздувать.

К счастью, насколько я мог убедиться при личном объезде губернии, крестьяне в огромном большинстве ждут улучшения своего положения от правительства. Знают и верят, что царь озабочен их судьбою, и сильно обнадежены тем местом Всемилостивейшего манифеста Вашего Императорского Величества, в котором Вашему Величеству благоугодно было указать на предстоящее направление деятельности Крестьянского банка к дальнейшему упрочению народного хозяйства и благосостояния крестьянства.

В упомянутых выше поджогах и беспорядках участвуют в большинстве случаев лишь незначительные группы молодых крестьян, поставленных на ложный путь пропагандистами, внушающими им противоправительственные и социалистические идеи. Особенно сильно велась пропаганда в Балашовском уезде, но настолько ловко и осторожно, что в последнее только время усилия жандармской и общей полиции имеют некоторый успех; несколько злонамеренных лиц, самых влиятельных и опасных, уже удалены из губернии. Вследствие сего и группы крестьян-агитаторов потеряли отчасти свою силу, не так уже запугивают своих односельчан, и я смею надеяться, что мерами воздействия, которые дает мне Положение об усиленной охране, удастся понемногу поколебать их значение и ослабить пропаганду в деревне.

К весьма печальным явлениям я должен отнести участие в этой пропаганде нескольких учителей народных училищ. К сожалению, в учительской среде, мало обеспеченной, предоставленной самой себе, разбросанной по отдаленным малокультурным селам и деревням, легко развивается недовольство и, при недостаточном сравнительно развитии учителей, они легко поддаются влиянию лиц, якобы обнаруживающих к ним интерес и сочувствие и наталкивающих их на политическую пропаганду.

Хотя, покуда явление это нельзя признать общим, но обнаруженные отдельные случаи политической неблагонадежности учителей указывают, казалось бы, на необходимость обратить на этот предмет особенное внимание, причем желательно было бы принять меры к улучшению их материального положения, особенно к обеспечению их в старости, безразлично при службе их в императорских или земских школах.

Кроме упомянутых отдельных случаев пропаганды в наших школах, обнаружена, к сожалению, и преступная агитация среди учеников Мариинского земледельческого училища под Саратовом, которые перепечатывали нелегальные издания – прокламации и брошюры и распространяли их среди крестьян. В настоящее время виновные задержаны и агитация прекращена, но в высшей степени прискорбно то, что в училище этом воспитываются по большей степени крестьянские дети, близкие к народу, ввиду чего проникновение в их среду революционной заразы особенно опасно.

В частности, бывшие в прошлом 1902 г. в Саратове и в Саратовской губернии волнения и беспорядки сводятся к нижеследующему.

В Саратове агитация имела некоторый успех, главным образом среди фабричных и заводских рабочих, но стачки и забастовки, происходившие между ними в 1901 г., в 1902 г. не повторялись, хотя злонамеренные лица и прилагали все усилия, чтобы их вызвать.

Так, в конце апреля были получены сведения, что на 1 мая, в день рабочего праздника, в Саратове готовится уличная демонстрация, участвовать в которой призывались все рабочие, с целью предъявить требования не только экономического, но и чисто революционного характера. Принятые властями меры предосторожности предотвратили демонстрацию 1 мая, но она состоялась в ближайшее воскресенье, 5 мая.

В этот день, около часа, на центральном базаре появилась толпа демонстрантов с красными и черными флагами.

Толпа с пением революционных песен и разбрасывая прокламации, призывающие народ к свержению правительства и самодержавия, направилась на главную улицу, куда подоспела и полиция. Произошла свалка, в которую вмешалась и посторонняя публика. При содействии последней полиции вскоре удалось загнать большинство манифестантов в ближайший двор и арестовать. При этом выяснилось, что рабочих к манифестантам примкнуло мало.

Из виновников демонстрации часть приговорена Саратовской судебной палатой к бессроч-

ной ссылке на поселение, часть выслана административным порядком, а относительно некоторых вопрос о высылке еще не разрешен Министерством внутренних дел. Высылка административная была предпринята по ходатайству моего предшественника, который просил об удалении из Саратова 32 лиц, состоящих под полицейским надзором (в числе их организаторы демонстрации).

Несмотря, однако, на удаление значительного числа лиц, занимавшихся революционной пропагандой, последняя не прекращается, хотя после обнаружения одного из главарей противоправительственного движения, члена городской управы Милашевского, и ареста его, заметна некоторая разъединенность в действиях агитаторов.

В крестьянском населении агитация имела успех главным образом в уездах Балашовском, Сердобском, Петровском и Аткарском, где местами возникали аграрные беспорядки, для прекращения которых посылались пехотные войска, временно расположенные с этой целью на узловой станции железной дороги Ртищево, и небольшие казачьи отряды, нанятые на время моим предшественником из свободных казаков Астраханского войска на средства, исходатайствованные у Министерства внутренних дел. При пользовании войсками наглядно выяснилось преимущество казаков в деле водворения порядка перед пехотою: не говоря уже о большой их подвижности, их действия уже потому успешнее, что не влекут за собою кровопролития, так как разгоняют тол-

пу с самого начала, в случае надобности, не оружием, а нагайками.

Такого рода казачья полицейская команда имеется и в настоящее время в моем распоряжении, с разрешения г. министра внутренних дел, и при малочисленности войск в губернии является неоценимым органом охранения порядка.

Из крестьянских беспорядков необходимо отметить нижеследующие.

В Сердобском уезде, в с. Хованщине, упорно циркулировали слухи, что земли помещиков в недалеком будущем должны перейти к крестьянам. Крестьяне волновались, и отношение их к землевладельцам крайне обострилось. Воспользовавшись этим, один из местных крестьян, Иван Серков, из корыстных целей, стал убеждать односельцев, что у него уже имеются неоспоримые доказательства их прав на землю соседнего помещика, причем показывал шкатулку, в которой будто бы хранились эти документы. Волнение крестьян возрастало.

Между тем полиция получила сведения, что в шкатулке хранятся прокламации, привезенные им из Петербурга, куда он ездил на счет общества якобы для ведения дела об отобрании в пользу крестьян помещичьей земли. Местный полицейский урядник явился с понятыми в дом Серкова в отсутствие последнего и взял шкатулку, чтобы доставить ее приставу. Соседи Серкова подняли тревогу и погнались за урядником, но последний успел передать шкатулку сотскому и ускакать на лошади в село Бековo, к становому приставу, который и поспешил в Хованщину.

Здесь пристава встретила толпа крестьян, настолько возбужденная, что никакие убеждения на нее не действовали. Толпа бросилась на пристава, тяжко его изувечила, избила урядника, старшину, бросившегося защищать пристава, и сотского.

Получив по телеграфу эти сведения, бывший губернатор немедленно явился в Хованщину, куда вызвал две роты солдат со станции Ртищево. К волостному правлению немедленно собралась огромная толпа крестьян, которая не поддавалась убеждениям губернатора и не хотела допустить ареста зачинщиков. Когда же войска оцепили самую шумную часть толпы, в которой находились главные виновники беспорядков и нанесения побоев приставу, остальные крестьяне стали требовать их освобождения, заявляя, что виновато все село и что они не допустят арестов.

Принять какие-либо решительные меры губернатор не мог: пришлось бы действовать оружием, но в таком случае пострадали бы, прежде всего, ни в чем не повинные женщины и дети, которых толпа умышленно выставила вперед. Тогда губернатор вызвал из Саратова только что сформированную полсотню казаков, быстрое прибытие которых сразу дало возможность наказать и разогнать шумевшую толпу и произвести аресты главных виновников беспорядка.

Прибытие казаков сразу подчинило толпу авторитету губернатора, и полное усмирение села было делом не больше двадцати минут.

По дороге из Хованщины губернатор получил известие о тревожном настроении крестьян села

Владыкина, тоже Сердобского уезда. Оказалось, что здесь крестьяне предъявили землевладелице Олсуфьевой требование или продать, или сдать им в аренду землю на условиях, ими самими определенных. Явившиеся с этим требованием уполномоченные от сельского общества вели себя по отношению к владелице возмутительно и предложили ей обдумать вопрос до 12 часов ночи. После этого срока крестьяне грозили разгромить усадьбу.

Губернатор с отрядом в 40 казаков явился в с. Владыкино, при содействии казаков собрал сход и тех уполномоченных, которые приходили к г-же Олсуфьевой со своими требованиями, подвергнул наказанию розгами. Эта мера сразу водворила порядок: весь сход стал на колени, выражал раскаяние в своем поступке и дал обещание никогда не повторять беззаконий.

В Балашовском уезде был ряд самовольных захватов крестьянами помещичьего имущества и поджогов, и отношения крестьян к властям были вызывающи. Губернатор из Сердобского уезда отправился в центр преступной пропаганды Балашовского уезда, село Ключи.

Здесь им был собран сельский сход, которому разъяснена преступность действий крестьян, сделано предупреждение против распространяемых среди них злоумышленниками подпольных изданий и подвергнуты наказанию розгами 10 главных подстрекателей.

В деревне Глебовке, тоже Балашовского уезда, крестьяне напали на усадьбу землевладельца Сафонова и произвели там разные бесчинства. Губер-

натор отправился в эту деревню, вызвав туда же роту солдат и отряд казаков, созвал сельский сход, дал ему соответствующее нравоучение, а главных виновников наказали розгами.

В селе Макарове, Балашовского же уезда, произошли крупные беспорядки 8 июля на ярмарке. Крестьяне-торговцы напали на патруль казаков из 3 человек; на помощь последним явился исправник с казачьим отрядом. Произошла свалка. Крестьяне огромной толпой нападали, вооруженные кольями и оглоблями, и казакам только после больших усилий удалось оттеснить их, арестовать 15 виновных и восстановить порядок.

В Петровском уезде, как и в Балашовском, агитация вызвала целый ряд поджогов имущества землевладельцев. Виновных удалось обнаружить, и все они преданы суду.

В Аткарском уезде пропаганда имела значительно меньший успех, тем не менее в некоторых селениях крестьяне прониклись преступными идеями, хотя и держали себя в прошлом году спокойно.

В остальной части Высочайше вверенной мне Вашим Величеством губернии подпольная деятельность была менее энергична, влияния не имела и население оставалось спокойным, за исключением двух селений Камышинского уезда – Верхней Добриники и Жирного, где в 1902 г. у повторились давнишние споры о праве пользования землею, вызвавшие необходимость вмешательства властей и удаления административным порядком 5 крестьян, подстрекавших своих од-

носельцев к самовольному захвату чужой собственности.

В общем, почитаю долгом своим еще раз засвидетельствовать перед Вашим Императорским Величеством, что из объезда губернии и личных повсеместно расспросов крестьян и разговоров с ними я вынес полное убеждение, что значительное большинство их одушевлено чувствами законности и порядка.

Вследствие сего я смею надеяться, что неуклонное принятие мер строгости по отношению к виновникам агитации и вместе с тем внимательное отношение к действительным нуждам народа и созидательная в этом направлении деятельность, согласно Всемилостивейше предначертанным Вашим Императорским Величеством в манифесте от 26 февраля сего года указаниям, обеспечит в будущем спокойное и нормальное течение сельской жизни Саратовской губернии.

В 1902 г. во исполнение утвержденного 22 марта 1902 г. Вашим Императорским Величеством положения Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, об учреждении губернских и уездных комитетов, были открыты таковые и в Саратовской губернии.

Обсудив почти все вопросы по программе, выработанной Особым совещанием, означенные комитеты воспользовались предоставленным им правом рассмотреть вопросы и не вошедшие в программу, но имеющие то или другое значение в интересах поднятия сельскохозяйственной про-

мышленности и экономического положения губернии.

По большинству вопросов многими из участвовавших в комитетах лиц были составлены особые записки, которые могут служить не бесполезным материалом для правильного освещения нужд сельскохозяйственной промышленности в Особом совещании, куда в строго систематизированном порядке направлены бывшим саратовским губернатором тайным советником Энгельгардтом с его заключениями и несколькими личными его записками труды губернского и уездных комитетов.

В общем итоге, при окончательном рассмотрении работ в губернском комитете, в значительном большинстве случаев получились довольно согласные решения как о причинах, влияющих на упадок сельскохозяйственной промышленности, так и относительно мер к улучшению ее положения, при этом деятельность комитетов протекала без всяких обострений, и если в редких случаях в некоторых уездных комитетах имели место частичные уклонения в суждениях отдельных лиц, то [они] устранялись тайным советником Энгельгардтом и не вызывали каких-либо последствий, которые в той или другой степени могли бы невыгодно отразиться на решении вопросов по их существу.

Такое в общем спокойное, серьезное и добросовестное отношение к делу я объясняю тем, что большинство членов комитетов были серьезно проникнуты важностью предложенной их вниманию задачи и искренно желали оправдать до-

верие Вашего Величества, будучи преисполнены в то же время чувством глубокой благодарности к заботливому попечению Вашего Императорского Величества по отношению к одному из важнейших вопросов экономического преуспеяния России.

ПЕРЕПИСКА
П.А. СТОЛЫПИНА

Письма П.А. Столыпина Николаю II

Письмо Николаю II
13 августа 1906 г.

Получив милостивую телеграмму Вашего Императорского Величества, имею счастие всеподданнейше доложить, что жизнь моя принадлежит Вам, Государь; что все помыслы, стремления мои – благо России; что молитва моя ко Всевышнему – даровать мне высшее счастие: помочь Вашему Величеству вывести нашу несчастную Родину на путь законности, спокойствия и порядка.

Вашего Императорского Величества
Верноподданный
Петр Столыпин
13 августа 1906 г.

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1352. Л. 3.

Письмо Николаю II
3 декабря 1906 г.

Ваше Императорское Величество.

Если долг генерал-адъютанта Дубасова побудил его просить милости для покушавшихся на его

жизнь, то мой долг ответить на вопрос Ваш: «что Вы думаете?» всеподданнейшею просьбой возвратить мне его письмо и забыть о том, что оно было написано.

Мне понятно нравственное побуждение Дубасова, но когда в Москве мятежники покушались на чужие жизни, не он ли железною рукою остановил мятеж?

Тяжелый, суровый долг возложен на меня Вами же, Государь. Долг этот, ответственность перед Вашим Величеством, перед Россиею и историею диктует мне ответ мой: к горю и сраму нашему лишь казнь немногих предотвратит моря крови, благость Вашего Величества да смягчает отдельные, слишком суровые приговоры, – сердце царево – в руках Божьих, – но да не будет это плодом случайного порыва потерпевшего!

Министр внутренних дел
Столыпин
3 декабря 1906 г.

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 515. Л. 80–80об.

Письмо Николаю II
10 декабря 1906 г.

Ваше Императорское Величество.

Только что получил Ваше повеление относительно оставления без последствий журнала по еврейскому вопросу.

Вашему Величеству известно, что все мои мысли и стремления направлены к тому, чтобы не создавать Вам затруднений и оберегать Вас, Государь, от каких бы то ни было неприятностей.

В этих видах, а не из желания испрашивать каких-либо изменений решения Вашего по существу, я осмеливаюсь писать Вашему Величеству.

Еврейский вопрос поднят был мною потому, что, исходя из начал гражданского равноправия, дарованного манифестом 17 октября, евреи имеют законные основания домогаться полного равноправия; дарование ныне частичных льгот дало бы возможность Государственной думе отложить разрешение этого вопроса в полном объеме на долгий срок.

Затем я думал успокоить нереволюционную часть еврейства и избавить наше законодательство от наслоений, служащих источником бесчисленных злоупотреблений.

Все это послужило основанием в обнародованном с одобрения Вашего Величества правительственном сообщении объявить, что коренное решение еврейского вопроса является делом народной совести и будет разрешено Думой, до созыва которой будут отменены не оправдываемые обстоятельствами времени наиболее стеснительные ограничения.

Затем еврейский вопрос был предметом обсуждения Совета министров, журнал которого и был представлен Вашему Величеству, что, несмотря на полное соблюдение тайны, проникло, конечно, в прессу, и в общество, ввиду участия многих лиц в составлении и печатании этой работы.

Теперь для общества и еврейства вопрос будет стоять так: Совет единогласно высказался за отмену некоторых ограничений, но Государь пожелал сохранить их.

Ваше Величество, мы не имеем права ставить Вас в такое положение и прятаться за Вас.

Это тем более неправильно, что Вы, Ваше Величество, сами указывали на неприменимость к жизни многих из действующих законов и не желаете лишь в порядке спешности и чрезвычайности даровать от себя что-либо евреям до Думы.

Моя всеподданнейшая просьба поэтому такова: положите, Государь, на нашем журнале резолюцию приблизительно такого содержания: «Не встречая по существу возражений против разрешения поднятого Советом министров вопроса, нахожу необходимым провести его общим законодательным порядком, а не на основании 87 статьи законов Основных, так как 1) вопрос этот крайне сложен, 2) не представляется, особенно в подробностях, бесспорным и 3) не столь спешен, чтобы требовать немедленного разрешения за два месяца до созыва Государственной думы».

При таком обороте дела и министерство в глазах общества не будет казаться окончательно лишенным доверия Вашего Величества, а в настоящее время Вам, Государь, нужно правительство сильное.

Затем, если бы Вашему Величеству было угодно, можно было бы резолютивную часть журнала переделать и, не настаивая на 87 статье, испрашивать разрешения Вашего Величества, внести ли вопрос в Думу, или разрешить его в порядке чрезвычайном.

Простите мне, Ваше Величество, но я знаю, чувствую, что вопрос этот громадной важности. Если Ваше Величество не одобрите мои предположения и не разрешите мне прислать для наложения резолюции журнал, о возвращении которого никто пока не знает, позвольте приехать со словесным докладом в среду в 9 $^{1}/_{2}$ вечера.

Вашего Императорского Величества верноподданный

П. Столыпин

10 декабря 1906 г.

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 515. Л. 78–79об.

Письмо Николаю II
6 марта 1907 г.

Приемлю долг доложить Вашему Величеству, что сегодня мною прочитано в заседании Государственной думы сообщение правительства.

После бурных нападок левых с призывом к открытому выступлению и стойкого отпора правых, мною произнесена речь, прилагаемая при сем в стенограмме.

Государственная дума постановила принять простой переход к очередным делам.

Настроение Думы сильно разнится от прошлогоднего, и за все время заседания не раздалось ни одного крика и ни одного свистка.

Председатель Совета министров

Столыпин

6 марта 1907 г.

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 515. Л. 66.

Письмо Николаю II
30 мая 1907 г.

Приемлю долг доложить Вашему Величеству, что все готово к предъявлению Государственной думе в пятницу требования об устранении из своей среды 55 членов и к роспуску Думы в случае ее отказа в этом.

Одновременно будет предъявлено требование о разрешении немедленно заключить под стражу 15 наиболее уличаемых членов Думы, которые вместе с тем являются и цветом левых партий. Совет министров признал невозможным требовать разрешения ареста всех 55 членов, так как это имело бы характер не серьезного судебного обвинения, а политической мести. Но так как обвинение и требование исключения из Думы будет касаться всех пятидесяти пяти, то в случае попытки скрыться они все будут задерживаться полицею.

Избирательный закон переписывается и будет послан Вашему Величеству к подписи завтра.

Наместник усиленно просит не исключать совсем Кавказа, но мне представляется лучшим временно приостановить там выборы.

Манифест будет также готов завтра и прислан на окончательное благоволение Вашего Величества: в нем вчера в Совете министров сделано два-три ничтожных исправления в выражениях.

Председатель Совета министров
Столыпин
30 мая 1907 г.
ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 515. Л. 64–66об.

Письмо Николаю II
7 марта 1908 г.

Думая над вопросом о кредитах на судостроение, я пришел к убеждению, что существует один только способ провести эти кредиты в Государственной думе и Государственном совете.

Как Вашему Величеству известно, против кредита восстают одинаково и правые, и левые. Поэтому какое-либо давление со стороны верховной власти послужило бы только к ущербу ее авторитета. Но, к счастию, большинство удалось, кажется, привести к тому убеждению, что линейный флот России необходим; отказывает в кредите это большинство по той причине, что думает этим отказом способствовать ускорению реформ. Этим настроением я воспользовался, чтобы сделать заявление о том, что Ваше Величество являетесь инициатором реформы флота, так что противники кредита ломятся в открытую дверь. Этим путем, вместо разногласия с патриотично настроенными людьми, в деле, касающемся жизненного вопроса и правильного расходования народных денег, я думал подчеркнуть, наоборот, солидарность с ними верховной власти. Теперь единственно верным ударом было бы явить этому доказательство на деле. Я разумею введение теперь же в строе морского ведомства несколько коренных реформ.

Это послужило бы доказательством тому, что реформы проводятся не из-под палки, вследствие отказа Думою в деньгах, что период времени с конца войны не потерян и употреблен был на серьезную работу и, наконец, что реформы эти вводятся

11 - 1015

велением Вашего Величества, а не по инициативе законодательных учреждений.

Я очень хорошо понимаю, что преобразование ведомства не может быть произведено наспех, без серьезной разработки. Находясь далеко от этого дела, я не счел себя и вправе говорить об этом с морским министром ранее, чем изложить свои мысли Вашему Величеству. Но я знаю, что схема нового управления совершенно готова, и думаю, что в части она могла бы быть приведена в действие немедленно, притом единоличною властью Вашею, Государь, так как это не вызывает новых расходов.

Я разумею отрасль судостроения и командования. Если разные комитеты будут заменены управлениями с ответственным начальником судостроения во главе и если отдельные флоты будут подчинены главным начальникам, ответственным за воспитание, обучение, материальную часть и боевую готовность своих судов, то будет сделан громадный шаг вперед, и у противников морского ведомства будет выбит главный их аргумент против ассигнования кредитов.

Я слышал, что эти части реформы, которым придают в Думе и Совете наибольшее значение, уже детально разработаны. Чем больше их будут обсуждать в разных комиссиях, тем более затянется дело. Важны, конечно, подробности преобразования, но теперь особенно важен момент его проведения. Я полагаю, что теперь затруднительно было бы осуществить преобразование портовых управлений, то есть одной из важнейших частей, так как это, видимо, требует наиболее кропотливой ра-

боты. Но ведь, вводя вышеупомянутые нововведения, можно было бы повелеть в известный срок провести и реформу портов.

Я решил изложить Вам, Государь, не покидающие меня мысли, не дожидаясь очередного доклада, так как думаю, что вопрос о флоте нельзя бросать на полпути, одними словами тут тоже не возьмешь, нужно дело, а с ним надо торопиться, если желательно добиться своего.

Статс-секретарь Столыпин.

7 марта 1908 г.

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 540. Л. 6–7об.

Письмо Николаю II
14 марта 1908 г.

Возвращая Вашему Величеству переданные мне записки по реорганизации флота, приемлю долг доложить, что все составленные до настоящего времени схемы преобразования морского ведомства очень друг другу близки. Я слышал, что большая часть членов совещания, работающего у морского министра, сходятся в главнейших вопросах преобразования. Главный пункт разногласия, это странное положение (висячее на воздухе) главного начальника судостроения, замеченное и Вашим Величеством.

Я вполне уверен, что единственная возможность вывести дело из заколдованного круга – это Ваш приказ, Государь, морскому министру в течение недели кончить работу совещания и представить Вашему Величеству согласованный в этом со-

вещании план реформ морского ведомства. После этого желательно было бы одно заседание под личным председательством Вашего Величества для вписания в проект угодных Вам поправок и для решения вопроса о способе и форме объявления Вашего, Государь, повеления.

Не имея отношения к вопросам военным и морским и не будучи в них компетентным, я могу лишь с общей политической точки зрения высказать, что общество поверит лишь толчку, данному в этом деле Вашим Величеством лично, и что даже ошибка в подробностях дела (всегда поправимая) менее опасна, чем продолжение толчения воды в разных комиссиях, уже третий год преобразующих флот.

Провести же кредиты в законодательных учреждениях возможно, лишь опираясь на начатые реформы.

Статс-секретарь Столыпин

14 марта 1908 г.

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 540. Л. 8–8об.

Письмо Николаю II
12 марта 1909 г.

Ваше Императорское Величество.

Я не нахожу слов, чтобы выразить чувства, вызванные во мне милостивым ко мне вниманием Вашего Величества во время моей болезни.

Вы знаете, Государь, что я не мастер, да и стесняюсь касаться этих вопросов, но есть вещи, которые не забываются и навсегда незабвенным оста-

нется для меня и жены то царственное отношение, которое Ваши Величества так человечески проявили к своему больному слуге.

Я молю Бога, чтоб Он дал мне силы и возможность не словами, а делом отслужить своему Государю хоть частицу того добра, которое постоянно от него вижу.

Теперь я, благодарение Господу, совсем здоров, но еще слаб, и доктора действительно требуют поездки недели на три на юг, чтобы окрепнуть ранее, чем взяться за серьезную работу.

Я думал было проехать за границу, но это вызывало некоторые затруднения полицейского характера, теперь же, благодаря разрешению Ваших Величеств воспользоваться свитским домом или дачею министра в Ливадии, я могу осуществить поездку вместе с семьею, что мне особенно дорого. Надеюсь выехать в конце шестой или в начале Страстной недели и вернуться на Фоминой уже в совершенно нормальном виде.

Отрешившись во время болезни от мелких дел и забот, я невольно думал о вопросах более важных и принципиальных.

По отношению к Финляндии я относительно последней меры держусь особого мнения. Права Империи в этом принципиальном вопросе не затронуты, а у нас достаточно вопросов, в которых придется отвоевывать жизненные интересы России. Поэтому в этом специальном вопросе мне казалось уместным проявить высшее беспристрастие монарха. Теперешнее решение мне представляется половинчатым. Но каково бы оно ни было, недопустимо дерзко решение Сената, наглость которого

надлежит сломить. Но это будет неминуемо продолжаться, пока генерал-губернатор идет сознательно против правительства и по недомыслию является покорным слугою Сената. Я имел в виду в ближайшем всеподданнейшем докладе доложить Вашему Величеству, что действительным наказанием для Сената явилась бы отставка ген[ерала] Бекмана и замена его Зейном. Конечно, последнему надо было бы начертать программу действий, так как со времен Бобрикова многое изменилось и в теперешней борьбе нам приходится твердо стоять на почве сеймовых законов, дабы не дать какого-либо оправдания активному или пассивному сопротивлению финляндцев. Если мне до отъезда возможно будет иметь всеподданнейший доклад, разрешите, Ваше Величество, подробнее доложить этот вопрос.

Финляндцы, конечно, надеются на то, что нас втянут в войну, но Господь Бог поможет Вам предупредить кровопролитие.

Еще один вопрос, волнующий меня, это вопрос о морском Генеральном штабе. Способ направления подобного рода был далеко не выяснен; правительство должно его принципиально вырешить и принципиальный вопрос представить на Высочайшее благоусмотрение; пока дело принципиально не разрешено, правительство не могло спешный, частный вопрос о Генеральном штабе проводить иначе, как общим законодательным порядком; сделано это с Высочайшего соизволения, вопрос этот сепаратный и общий вопрос о правах Верховного вождя вооруженных сил не предрешает. Вот что, по моему мнению, надо мор-

скому министру заявить в Государственном совете. Иначе в настоящем выйдет соблазн: вместе с искренними людьми, гр[аф] Витте и другие политики будут громить крамольное правительство за умаление верховных прав! В будущем же неизбежный длительный конфликт между Государственным советом и Думою, которая в данном случае исполнила лишь требование правительства и в результате странное и ненормальное положение Генерального штаба, который годами придется содержать на 10-миллионный фонд, несмотря на согласие Г[осударственной] думы ассигновать нужный на это дело кредит.

Мое убеждение, что весь этот парад необходимо в Государственном совете предупредить и что искусственно создавать осложнение в будущем не следует. Простите, Государь, за откровенное изложение моего мнения, которое и поручил В.Н. Коковцову более подробно доложить завтра Вашему Величеству.

Весьма важным делом считаю я также выбор лица на должность Виленского генерал-губернатора – край этот я хорошо знаю, он с 1905 г. немного распустился и там много серьезной работы.

Я надеюсь до отъезда повидать Унтербергера, считая весьма важным, чтоб эти дальние генерал-губернаторы, приезжая в Петербург, осязали бы результат своего приезда и сами участвовали бы в Совете министров не в бумажном, а в окончательном разрешении поднятых ими принципиальных вопросов.

В заключение приемлю долг доложить Вашему Величеству, что я передал министру юстиции по-

веление о заготовлении к празднику Св. Пасхи указов о назначении в Сенат директора Департамента полиции Трусевича и калужского губернатора Офросимова.

Решаюсь также напомнить о доложенном мною уже раз заветном желании министра иностранных дел Извольского быть также членом Государственного совета (из министров он почти единственный не в Государственном совете).

Статс-секретарь Столыпин

12 марта 1909 г.

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 395. Л. 16–18об.

Письмо Николаю II
26 сентября 1910 г.

Ваше Императорское Величество.

Милостивые строки, которыми Ваше Величество меня осчастливили, заставляют меня нарушить покой, которым Вам, Государь, так редко приходится пользоваться.

...На днях будет представлен Вашему Величеству общий мой с А.В. Кривошеиным всеподданнейший отчет о нашей поездке.

Я говорю краткий, так как все поучительные впечатления наши и выводы заняли бы целые тома.

Общее мое впечатление более чем утешительное. После страшной встряски Россия, несомненно, переживает сильный экономический и нравственный подъем, которому сильно способствует и урожай двух последних лет.

Сибирь растет сказочно: в безводных степях (Куландинска), которые два года тому назад признавались негодными для заселения, в несколько последних месяцев выросли не только поселки, но почти города. И прорывающийся из России в Сибирь смешанный поток богатых и бедных, сильных и слабых, зарегистрированных и самовольных переселенцев – в общем, чудный и сильный колонизационный элемент. Прибавлю, элемент – крепко монархический, с правильным, чистым, русским миросозерцанием. «Мы верим в Бога, верим в Государя, просим: дайте нам церковь, дайте школу» – вот общий крик всех сибирских переселенцев. В каждом селе нас встречали многолетием Вашему Величеству, везде просили передать царю-батюшке о любви народной. Я уже телеграфировал об этом Вашему Величеству и прошу разрешить передать населению через губернаторов Высочайшую Вашу благодарность.

...Но утешительное настоящее не должно заслонить от нас осложнений в будущем. А осложнения эти мы сами себе готовим: расточительно, даром, раздаем крестьянам, наравне с заемною землею, и землю, стоящую уже теперь до 100 рублей за десятину; искусственно насаждаем общину в стране, которая привыкла к личной собственности, в виде заимок; не подумали еще о насаждении частной земельной собственности там, где переселенец без заработков гибнет.

Все это и многое другое – вопросы срочно-настоятельные. Иначе бессознательно и бесформенно создастся громадная, грубо-демократическая страна, которая скоро задавит Россию европейскую.

Впрочем, все наши предположения скоро будут представлены Вашему Величеству.

Бодро идет также землеустроительная работа и в поволжских губерниях, по которым мы проехали. Пока, конечно, брошены только зерна, и предстоит еще чрезвычайный труд. Но изменилась психология народная, между крестьянами появились уже апостолы землеустройства и земельных улучшений. Я видел членов Первой Думы из крестьян-революционеров, которые теперь страстные хуторяне и люди порядка. И как Вы правы, Ваше Величество, как Вы правильно угадываете то, что творится в душе народной, когда пишете, что краеугольные для правительства вопросы – это землеустройство и переселение. Нужно приложить к этим двум вопросам громадные усилия и не дать им зачахнуть.

В городе много говорят о Кассо – это для всех большой знак вопроса. Говорят и о гибели Мациевича. Наши офицеры, действительно, достигли в области воздухоплавания замечательных результатов. Но мертвые необходимы! Жаль смелого летуна, а все же общество наше чересчур истерично.

В общем, все тут тихо и благополучно.

Дай Бог, чтобы лечение Ее Величества продолжалось так же успешно, как и началось, и помоги Господь Вашим Величествам вернуться на родину благополучно и в добром здравии.

Вашего Императорского Величества
верноподданный П. Столыпин
26 сентября 1910 г., С.-Петербург

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1352. Л. 6–7об.

Письмо Николаю II
20 ноября 1910 г.

Вследствие приказания Вашего Величества, приемлю долг доложить, что члены совета по делам местного хозяйства, которые будут иметь счастье представляться Вашему Величеству во вторник, обсуждали в настоящую сессию три законодательные предположения министерства:

1) об организации кредита для городов и земств,

2) о мерах помощи населению в случае неурожая и

3) о земских гужевых дорогах.

Первый из этих вопросов весьма важен, так как городам и земствам весьма трудно осуществлять займы на предмет благоустройства и экономических улучшений – прєдполагается правительственный банк, который будет помогать им в этой трудной операции.

Второй вопрос сводится к рассмотрению нового продовольственного устава, согласно которому «кормление» голодающего населения государством совершенно отпадает и заменяется для имущих – кредитом, для располагающих лишь мускульною силою – общественными работами, а для немощных – благотворительною помощью. Заведование этим делом предполагается передать земствам, которые, только в случаях всенародного бедствия, будут получать на этот предмет помощь от правительства.

Третий вопрос – о дорогах, заключается в установлении натуральной повинности и помощи зем-

ствам от государства на содержание дорог, имеющих государственное значение.

В предыдущие сессии Совет рассмотрел законопроекты об управлении поселковом, волостном, уездном, губернском, о земстве в западных губерниях и многие другие, список которых при сем прилагается.

Создан Совет для того, чтобы, прежде внесения министерских законопроектов в Государственную думу, их подвергнуть разбору, критике, исправлению со стороны местных людей, дабы проекты не были созданием одних чиновников, а получили жизненность.

Должен засвидетельствовать перед Вашим Величеством, что учреждение это очень полезно, в нем дружно вместе работают чины министерств, губернаторы, предводители, городские головы и земские люди.

В обществе и печати Совет прозвали «Преддумье». В настоящем году кончается трехлетнее полномочие представителей в Совете от земств и городов.

После вторника останется работы на два-три дня, чтобы закончить продовольственный устав. Я боюсь, как бы, после представления Вашему Величеству, члены не начали разъезжаться, и потому было бы весьма полезно, если бы в отдельных разговорах Ваше Величество изволили высказать свое желание, чтобы работа эта была закончена.

Статс-секретарь Столыпин

20 ноября 1910 г.

ГАРФ. Ф. 610. Оп. 1. Д. 1352. Л. 8–9.

Письмо Николаю II
26 февраля 1911 г.

Ваше Императорское Величество.

Не могу не повергнуть на благовоззрение Ваше некоторые соображения, которые явились последствием выслушанного мною от Вашего Величества по поводу обер-прокурора Святейшего Синода.

Вашему Величеству известно, что я глубоко чувствую синодальную и церковную нашу разруху и сознаю необходимость приставить к этому делу человека сильной воли и сильного духа. Поэтому всякую перемену в эту сторону я считал бы благом для церкви и России.

Но большою бедою было бы, если бы перемены в столь важной области, как церковная, общество связывало с политикою или партийностью! Поэтому весьма важен выбор минуты для таких перемен.

Между тем вчера, по возвращении из Царского, я узнал, что в городе уже говорят об уходе С.М. Лукьянова и толкуют это, как последствие мер, принятых им против иеромонаха Илиодора.

Сегодня я узнал, что иеромонах Илиодор приезжает завтра в Петербург. Несомненно, что если уход обер-прокурора состоится теперь же, немедленно, то этот дерзновенный монах будет громко приписывать эту отставку себе. Так ее поймут все!

Я считаю самое направление проповеди Илиодора последствием слабости Синода и церкви и доказательством отсутствия церковной дисциплины.

Но при наличии факта, факта возвеличения себя монахом превыше царя, поставления себя вне и

выше государства, возмущения народа против властей, суда и собственности, я первый нашел, что если правительство не остановит этого явления, то это будет проявлением того, что в России опаснее всего, проявлением слабости...

Поэтому я Вашему Величеству неоднократно заявлял, что за действия по отношению к Илиодору, в период его открытого возмущения против Синода и даже Вашей царской воли, ответственен исключительно я. Это было известно и С.М. Лукьянову.

Если теперь вся видимость обстоятельства (хотя по существу это и не так) сложится таким образом, как будто С.М. Лукьянов отставлен за Илиодора, то совесть моя будет меня мучить, что я не отстоял его перед Вашим Величеством. Для государственного человека нет большего проступка и большего греха, чем малодушие.

Мое же самое глубокое и искреннее убеждение состоит в том, что интересам Вашего Величества в этом деле будет соответствовать лишь наличие общественного сознания, что решение Вашего Величества о замене обер-прокурора другим лицом принято вне зависимости от обстоятельств преходящих.

Поэтому я думаю, и мнение свое осмелюсь представить Вашему Величеству, что для выполнения угодной Вам перемены, без истолкований, спокойно, без возбуждения, желательно было бы выждать месяца два-три, до весны или начала лета.

Вашего Императорского Величества
верноподданный П. Столыпин
26 февраля 1911 г.

ГАРФ. Ф. 610. Оп. 1. Д. 1352. Л. 10–11об.

Письмо Николаю II
1 мая 1911 г.

Ваше Императорское Величество.

Вы изволили обратиться к моей совести, и я мучительно в эти дни передумал поставленный мне вопрос.

С одной стороны – упрек, который мне ставят некоторые, что я поддался личному чувству, чувству гнева, а главное – сомнение, что я непрошеною мерою мог поставить Ваше Величество в положение, неудобное по отношению к лицу, сослужившему Вам и России в 1905 г. большую службу.

С другой стороны – государственная необходимость, спокойное течение государственных дел!

Начну с последнего. Когда Ваше Величество повелели мне остаться на моем посту, передо мною во весь рост встал вопрос о непреодолимом препятствии на моем пути, в виде стены, которую я не могу сдвинуть с места. Я разумею искусственную обструкцию, создаваемую мне в Государственном совете. Неутомимая деятельность П.Н. Дурново в этом направлении продолжится, несомненно, и впредь, что доказывается только что появившимся в печати памфлетом против правительства, вдохновленным, по общему отзыву, им.

Все это будет неистощимым источником для постоянного обеспокоения Вашего Величества, так как дела будут задерживаться в учреждении, которое, по природе своей, не должно этого делать.

Кроме этих двух сторон дела, есть еще третья – внешняя.

По моим сведениям, П.Н. Дурново уезжает завтра, в понедельник за границу. Через 2–3 недели сессия Государственного совета заканчивается. Следовательно, оказываемая ему милость не будет иметь реальных последствий. Мера будет понята поэтому лишь как демонстрация, доказательство какого-то нового поворота в политике. При разгоряченности, нервности и Думы и Государственного совета это поведет лишь к новым осложнениям и неприятностям, к колебаниям и по вопросу об окончательном принятии закона, проведенного по статье 87-й.

Поэтому, раз Ваше Величество изволили так милостиво дозволить мне высказать свое мнение не по намерению дела, а по летучей мысли, которая промелькнула в голове Вашего Величества, я, чувствуя, с одной стороны, государственную свою ответственность перед Вами, Государь, а с другой стороны, страшась заграждать от кого бы то ни было, хотя и политического противника, источник милости царской, осмеливаюсь высказать свое глубокое убеждение в том, что мудрое решение было бы отложить вопрос о милости до того времени, когда он естественно возникнет – при возобновлении занятий законодательных учреждений.

Вашего Императорского Величества
верноподданный П. Столыпин
1 мая 1911 г.

Простите, Государь, за смелость моего чистосердечного мнения, высказываемого мною по долгу службы и присяги, и верьте, что менее всего хотел бы влиять на свободу Вашего решения.

ГАРФ. Ф. 610. Оп. 1. Д. 1352. Л. 12–13.

Десять писем Николаю II, по преимуществу посвященных обсуждению финляндского вопроса

Письмо Николаю II 7 января 1907 г.

Спешу доложить Вашему Величеству, что мною только что получены сведения о том, что Н.Н. Герард представляет через генерала Лангофа о назначении в Сенат на должность начальника экспедиции путей сообщения Нюландского губернатора Альфтана. Полковник Альфтан имеет репутацию хитрого и деятельного конспиратора; сепаратисты возлагают на него большие надежды; молва давно намечала его на должность начальника штаба всех мятежных финляндских вооруженных сил; самый выход в отставку Альфтана был демонстративным ответом на упразднение финских войск.

Н.Н. Герард ссылается на ценные работы Альфтана по статистике Финляндии, но его военно-статистический обзор Финляндии был настолько тенденциозен, что его пришлось переработать группе офицеров Генерального штаба под руководством генерала Глазова.

Если даже все это и преувеличено, то все же мне представляется опасным вручать такому человеку управление всеми путями сообщения края, то есть части громадной важности не только в военно-стратегическом, но и в общегосударственном отношении.

Все эти сведения считаю долгом доложить Вашему Величеству до всеподданнейшего доклада генерала Лангофа о назначении Альфтана.

Статс-секретарь Столыпин

7 января 1907 г.

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2364. Л. 1–1 об. Рукопись. Автограф.

Письмо Николаю II
18 мая 1907 г.

Ваше Императорское Величество.

По приказанию Вашему я говорил сегодня с М.Г. Акимовым и предупредил его о том, что Вы изволите его на днях вызвать в Петергоф. Я Акимову изложил только суть дела, не стараясь его ни в чем убедить, но из слов его заключаю, что он считал бы ошибкою участие в деле Государственного совета.

Относительно Головина осмеливаюсь доложить Вашему Величеству, что столь скорое назначение ему аудиенции, [к]ак в субботу, будет, видимо, принято в думских кругах как знак особого к нему внимания.

Представляю при сем перечень его повседневных промахов, но кроме [того] считаю необходимым доложить, что особенно удручающе было заседание 7 мая, когда отсутствовала треть Думы при объявлении о замысле на жизнь Вашего Величества; затем знаменателен и день 15 мая, когда Дума отказалась осудить террор; наконец, бросается в глаза, что все требования министра юстиции

о привлечении членов Думы к судебной ответственности сдаются в комиссию и Думою не рассматриваются. Таких требований уже до десяти сдано в долгий ящик. Самым же серьезным является отношение большинства Думы к земельному вопросу, в котором не видно ни малейшего желания пойти навстречу серьезным предположениям и работе правительства.

Вообще вся думская работа последнего времени начинает приводить к убеждению, что большинство Думы желает разрушения, а не укрепления государства, и было бы очень желательно, чтобы Головин выслушал от Вашего Величества упрек в этом смысле.

Председатель Совета министров Столыпин
18 мая 1907 г.

РГИА. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 787. Л. 27. Машинопись. Проект.

Письмо Николаю II
8 ноября 1907 г.

Ваше Императорское Величество, обдумав все подробности предстоящих относительно Финляндии распоряжений, я пришел к убеждению, что посвящать Н.Н. Герарда в предположения Вашего Величества невозможно, так как он не сможет удержать тайны от Лангофа и Книповича.

Я полагаю, что надлежит поступить так: 1) немедленно издать указ о назначении помощником генерал-губернатора генерала Зейна, при-

чем желательно, чтобы Ваше Величество дали знать Н.Н. Герарду о предстоящем назначении и о том, что он, то есть Герард, в ближайшие дни будет вызван в Петербург для переговоров с ним о финляндских делах, 2) вызвать Н.Н. Герарда только тогда, когда приготовления будут закончены, и сообщить ему о введении военного положения лишь в момент его введения, 3) вызванного мною из Гродно Зейна немедленно послать в Гельсингфорс, дабы он в критическую минуту был исправляющим должность генерал-губернатора.

Так как долго тайну удержать трудно, то желательно все эти распоряжения сделать как можно скорее. Предупредить Герарда о назначении к нему помощником Зейна желательно непосредственно от Вашего Величества, то есть не через статс-секретариат. Преждевременный приезд Герарда был бы так же вреден для дела.

Предоставляя все эти соображения Вашему Величеству, приемлю долгом просить соизволить о последующих распоряжениях дать мне знать.

В Государственной думе всеподданнейший адрес будет, видимо, принят в субботу, так что прием Думы (полагаю, в Царском Селе) мог бы, если бы Вашему Величеству было благоугодно, состояться в середине будущей недели.

Председатель Совета министров Столыпин

8 ноября 1907 г.

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2364. Л. 2–2об. Рукопись. Подлинник.

Письмо Николаю II
10 ноября 1907 г.

Приемлю долг доложить Вашему Величеству, что охранное отделение получило неопровержимые доказательства того, что революционеры осведомлены о решении, касающемся Выборгской губернии, вследствие чего часть их уже выехала оттуда, а часть спешно готовится к выезду.

Проболтался ли кто-нибудь из членов Совещания, или же стали известны военные приготовления – не знаю, но приходится обсудить вопрос о том, не следует ли отложить всю операцию на несколько недель, дабы дать революции вновь осесть в Выборгской губернии. Пока необходимо все же установить кордон по границе. Генерал Лангоф тоже что-то пронюхал, так как телеграфировал мне о том, не желаю ли я вызвать губернатора Троиля для указания ему об усилении полицейских мер против революционеров.

Председатель Совета министров Столыпин
10 ноября 1907 г.

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2364. Л. 3. Рукопись. Подлинник.

Письмо Николаю II
11 ноября 1907 г.

Сегодня не участвовавший в Финляндском совещании министр финансов с большою тревогою спрашивает меня по телефону, осведомлен ли я о каких-то мероприятиях, готовящихся против

Финляндии. На вопрос мой, откуда идут эти слухи, он ответил, что идут приготовления в войсках, которые направляются в Финляндию. Вследствие сего я думаю, что всплыло все не из-за болтливости кого-либо из посвященных, а вследствие невозможности скрыть военных приготовлений.

Я видел сегодня генерала Рауха. И во вторник буду иметь совещание с ними, с генералами Бекманом, Зейном и Бородкиным. Дозвольте, Ваше Величество, продолжить приготовления, довести их до конца, но затем приостановиться и дать окончательный сигнал через несколько недель, когда революционеры успокоятся. Тогда, по словам генерала Рауха, его надо будет предупредить лишь за три дня, ввиду того, что все распоряжения уже сделаны. Быть может, это и лучше, так как к этому времени и Зейн осмотрится на месте, и выяснится вопрос о денежном вознаграждении и некоторые другие.

Я не понял, прикажете ли мне сообщить военному министру о назначении генерала Зейна приказом по военному ведомству или Ваше Величество уже соизволили сами сделать соответствующие распоряжения? Мне дело представляется крайне спешным.

Н.Н. Герард хочет приехать в конце этой недели для обсуждения положения, вызванного ответом Сейма о двадцати миллионах.

Председатель Совета министров Столыпин

11 ноября 1907 г.

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2364. Л. 4–4об. Рукопись. Подлинник.

Письмо Николаю II
6 января 1908 г.

Сегодня я представил Вашему Величеству целый ряд всеподданнейших докладов, которые накопились за последние дни вследствие моей болезни. Я сегодня встал, но еще нездоров и за обычную работу еще не принялся. Полагаю, что ранее конца недели мне нельзя будет выехать из дому, и потому буду ходатайствовать о всеподданнейшем докладе в один из последних дней недели.

Финляндские журналы будут готовы на днях. Их три:

1) О 20 миллионах (предполагаемая резолюция на представлении Сейма находятся у Вашего Величества).

2) О росписи на 1908 г. (предполагаемая резолюция Вашего Величества будет изложена в журнале).

3) О порядке назначения и увольнения финляндских генерал-губернаторов.

Я думаю, что последовательный ход событий должен быть таков:

1) Получение Вашим Величеством журналов.

2) Прием Вашим Величеством генерала Лангофа и наложение двух резолюций на представлениях Сейма.

3) Увольнение Н.Н. Герарда и назначение генерала Бекмана.

Приму меры к незамедлительному представлению Вашему Величеству журналов, дабы все это могло произойти в течение настоящей недели.

Председатель Совета министров, статс-секретарь Столыпин.

6 января 1908 г.

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2364. Л. 5–5об. Рукопись. Подлинник.

Письмо Николаю II
14 июня 1908 г.

Имею счастье представить Вашему Величеству сказанную мною в Государственном совете речь в защиту флота, в конце которой и счел долгом указать на недопустимость вмешательства Государственной думы и Совета в действия власти исполнительной.

Статс-секретарь Столыпин

14 июня 1908 г.

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 540. Л. 9. Рукопись. Подлинник.

Письмо Николаю II
23 октября 1908 г.

Я только что узнал о приезде в Петербург финляндского генерал-губернатора, который, вероятно, будет иметь счастие представиться Вашему Величеству и, по моим сведениям, будет оправдывать действия Сейма. Такова, по крайней мере, точка зрения Книповича. По этому поводу позволю себе высказаться, что, не считая своевременным разгон Сейма, я тем не менее ставлю ему в се-

рьезную вину неуместную и неприличную петицию о противозаконности будто бы одобренной Вашим Величеством 20-го минувшего мая (проведение через Совет министров представлений финляндского генерал-губернатора), а Сенат я упрекаю в том, что он возбудил в Сейме прения по существу относительно 2 $^{1}/_{2}$; миллионов за Невский мост. Прения по этому вопросу возбудил и начал сенатор Йельт и этим дал возможность Сейму высказать много дерзкого по отношению к России и даже постановить первый вотум с отказом в отпуске этой суммы. Вотум этот, показавшийся самому Сейму опасным, пришлось ему же самому перерешать в том же ночном заседании. Теперь финляндские власти объясняют это противоречие техникою голосования, но газеты пишут иное. Сегодня я увижу генерала Бекмана и буду с ним вести разговоры по всем этим вопросам, но почел долгом всеподданнейше доложить Вашему Величеству о том освещении, в котором мне представляются последние финляндские события.

Статс-секретарь Столыпин

23 октября 1908 г.

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2364. Л. 6–6об. Рукопись. Подлинник.

Письмо Николаю II
19 февраля 1909 г.

Долгом почитаю всеподданнейше представить вашему Императорскому Величеству копию с письма, отправленного Финляндскому генерал-гу-

бернатору, ввиду предположения его назначить на должность сенатора – начальника экспедиции путей сообщения Нюландского губернатора М.Ф. Альфтана.

Статс-секретарь Столыпин

19 февраля 1909 га.

ГРАФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2387. Л. 1. Машинопись. Копия с подписью.

Письмо Николаю II
25 сентября 1909 г.

Ваше Императорское Величество,

Вчера я позволил себе побеспокоить Ваше Величество телеграммою по поводу финляндских дел.

Я обеспокоен следующим:

Вашим Величеством уже давно даны указания относительно Манифеста по денежным платежам, взаимен воинской повинности. Об этом стало известно Сенату, который немедленно заявил генерал-губернатору, что может остаться у дел всего две недели и просит скорее найти других сенаторов. Одновременно приняты, видимо, все меры к тому, чтобы Манифест был прислан в Финляндию по истечении двух недель, то есть после увольнения сенаторов, которые, таким образом, избавляются от обязанности выполнять повеление Вашего Величества. Одновременно все партии отказались от составления нового Сената и хотят показать стране, что ни один добрый финляндец не выполнил Вашего, Государь, повеления.

Хотя теперешние сенаторы принадлежат к умеренной партии старофиннов, но я полагаю, что потакать им не надлежит и что настало время разговаривать посерьезнее, особенно когда дело идет об исполнении Высочайших повелений. Поэтому Совет министров нашел единогласно, что полномочия Сената должны быть продолжены сверх двух недель до воспоследования особого указания Вашего Величества. Задняя же мысль тут такая: будут уволены, когда сделают распоряжение по выполнению Высочайшего Манифеста! В это же время мы постараемся найти сенаторов из адмиралов и генералов, обрусевших, но коренных финляндцев, как того требует закон. Генерал Бекман против этого в Совете министров не возражал, но сегодня написал мне письмо, что передумал и что полагает нужным не неволить теперешних умеренных сенаторов, старофиннов, из-за политических соображений.

Я позволю себе настаивать на противоположном мнении, так как недопустимо, чтобы даже самые умеренные в Финляндии люди уклонялись, из попустительства начальства, от исполнения долга.

Теперь наступил кризис, который будет разрешаться в течение предстоящего года: финляндцы ждут, что мы уступим. Поэтому я полагаю, что, с благословения Вашего Величества, нельзя идти даже на оттенок уступки.

Сенат, полагаю, мы составим послушный. Сегодня я уже говорил с адмиралом Вирениусом и Сильманом, завтра буду говорить с полковником Крацем. Все твердые люди, желающие послужить службу Вашему Величеству. Завтра увидит

их генерал Бекман и, надеюсь, будет телеграфировать Вашему Величеству, ходатайствуя о назначении их на свободные вакансии сенаторов. Найдем и других и, когда число их достигнет пяти, то пять финляндцев, теперешних сенаторов, могут быть уволены, так как 5 сенаторов составляют уже минимальный законный состав. К тому времени, надеюсь, Сенат, хотя бы большинством голосов, переведет в русскую казну 20 миллионов марок. Затем Сейм откажет в установлении нового налога на военные нужды, что должно будет повлечь его роспуск. К этому же времени кончатся ничем труды Харитоновской комиссии. И тогда настанет время установить через Государственную думу и Совет новый порядок решения общеимперских дел. К этому времени (февраль) возбуждение в Финляндии достигнет высших пределов, почему я и осмеливаюсь повторить мою просьбу об усилении там войск. По возвращении Вашего Величества из Италии буду ходатайствовать о разрешении прибыть со всеподданнейшим докладом. Да хранит Вас Всевышний во время пути. Горячо молю об этом Господа Бога.

Мы все утешены добрыми вестями о здоровье Ее Императорского Величества.

У нас все обстоит благополучно.

Статс-секретарь Столыпин

25 сентября 1909 г.

ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2364. Л. 7–8об. Рукопись. Подлинник.

Письмо Николаю II
25 сентября 1909 г.

В ответ П.А. Столыпин получил от императора 26 сентября 1909 г. телеграмму следующего содержания:

Из Ливадии

Одобряю мнение Совета министров о продлении полномочий нынешних сенаторов впредь до Моего указания. Я полагаю, что после их увольнения в отставку не следует подыскивать других лиц. Раз они позволяют себе демонстративно уходить – Сенат фактически упраздняется. Кого они этим наказывают – ясно. Мое мнение, что на это время следует передать генерал-губернатору все обязанности и права Сената, коего он состоит председатель. Безусловно разделяя Ваш взгляд о необходимости усиления количества войск в Финляндии, уполномочиваю Вас переговорить об этом с военным министром и генералом Газенкампф[ом] на предмет немедленного приведения этой меры в исполнение. Мне известно, что в штабе войск гвардии и Петербургского военного округа все для этого детально разработано.

Николай

№ 202

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 111. Л. 9–10. На бланке. Рукопись.

Переписка П.А. Столыпина с политическими и общественными деятелями

Письмо князю П.Д. Святополк-Мирскому 2 декабря 1902 г.

Милостивый Государь, князь Петр Дмитриевич.

Первого сего декабря гродненский полицмейстер г. Гордынский подал в отставку. Как я уже докладывал Вашему Сиятельству, причиною отставки является утомление после 35 лет службы, из которых последние 19 лет г. Гордынский прослужил по полиции. Зная его с самой хорошей стороны, как человека вполне честного и порядочного, чему доказательством служит полное отсутствие у него личных средств, я решаюсь обратиться к Вам с покорнейшею просьбой, не сочтете ли Вы возможным в бытность свою в Петербурге подкрепить своим веским словом ходатайство мое о награждении г. Гордынского пенсией в полном размере получаемого им содержания. Официальное представление мое будет на этих днях представлено Вашему Сиятельству.

В бытность мою в Вильне забыл также исполнить просьбу бывшего товарища моего по Ковенской губернии, шавельского уездного предводителя дворянства А.Н. Яхонтова, который взял с меня слово, что я доложу вам о надежде его быть

награжденным при отставке чином действительного тайного советника.

Я согласился дать ему это обещание ввиду ссылки его на то, что я знаком был с его деятельностью как губернский предводитель дворянства и знал, что ковенский губернатор сделал Вам соответственное представление.

Г-на Яхонтова я считаю вполне порядочным, добросовестно трудящимся и глубоко честным человеком; ему по каким-то соображениям необходимо заручиться чином при отставке, и я был бы очень счастлив узнать, что Вы согласитесь осуществить его мечту.

Копию записки моей о введении земского управления в Северо-Западном крае, которую Вам угодно было получить, высылаю завтра.

Имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство принять уверения в совершенном моем уважении и преданности.

Ваш покорный слуга П. Столыпин

2 декабря 1902 г.

г. Гродно

ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 1371. Л. 1.

Письмо князю
П.Д. Святополк-Мирскому
15 марта 1903 г.

Глубокоуважаемый
князь Петр Дмитриевич.

Согласно выраженному Вами желанию, сообщаю Вам все, что может Вас интересовать из здешних новостей:

1) Внешняя история манифеста такова – 25 февраля Государь потребовал к себе В.К. Плеве и передал ему основные положения манифеста для окончательного редактирования и опубликования 26-го. Плеве позвал к себе Любимова, Лопухина и Мордвинова, и они сидели взаперти 4 часа, пока из-под пера не вышла эта работа, достойная ученика 1-го класса. О манифесте Плеве знал смутно раньше, но предполагал, что он будет опубликован в Москве в первый день Пасхи.

2) Закулисная сторона манифеста менее выяснена. Уверяют, что Государь составлял его с моряком флиг[ель]-ад[ъютантом] гр[афом] Гейденом. Несомненно, что у Государя бывал и Мещерский. В Петербурге никто ясного отчета себе не отдает в значении манифеста и недоумевает.

3) Первое последствие манифеста – решение Государственного совета простить все недоимки, числящиеся по круговой поруке за крестьянами (около 100 миллионов), причем недоимки крестьян земству по земскому сбору (что-то около 30 миллионов) казна берет на себя и возвращает земству. О сложении недоимок будет манифест в Москве в первый день Пасхи.

Мне сказал сегодня утром Плеве, предупреждая, что всякое взыскание недоимок теперь не должно иметь место, но прибавил «никому об этом не говорите».

4) Много говорят о грустных событиях в Томске и Уфе. В последнем городе во время фабричных беспорядков одним залпом много народа убито и

ранено. В Томске же приказчики и мещане перебили массу студентов во время их шествия с красным флагом.

Настроение в Петербурге обычное. Заседают и болтают без конца. Спешу на поезд и поэтому заканчиваю письмо. У гр[афа] С.Д. Шереметева был, но не застал его.

Позвольте мне еще раз выразить Вам искреннейшее сожаление мое, что так мало времени удалось мне прослужить под Вашим начальством, и покорнейше просить Вас принять уверение в глубоком моем уважении и преданности.

Ваш покорный слуга
П. Столыпин
15 марта 1903 г.
С.-Петербург

ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 1371. Л. 15–16

Письмо В.И. Вернадскому
7 мая 1906 г.

Многоуважаемый Государь
Владимир Иванович.

Немедленно приказал доложить дело Каменецких и сделаю все возможное в пределах справедливости и возможности.

Очень Вам благодарен, что Вы обратили внимание мое на столь исключительный случай, и жалею, что не увиделся с Вами, тем более что, как мне кажется, мы были с Вами в Пет[ербургском] университете не только одновременно на одном факультете, но и на одном курсе.

12 - 1015

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

П. Столыпин

7 мая 1906 г.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1576. Л. 1.

Письмо В.К. Плеве
3 мая 1903 г.

Конфиденциально

Господину министру внутренних дел.

Телеграммою от 18 минувшего апреля я имел честь донести Вашему Превосходительству о повторяющихся во вверенной мне губернии поджогах на аграрно-политической подкладке и о тревожном настроении землевладельцев в Балашовском уезде и части Царицынского. Ввиду сего я сам поехал в Балашовский уезд, а вице-губернатора командировал в с. Ольховку, Царицынского уезда, где произошли поджоги в нескольких помещичьих усадьбах, с тем, чтобы по прибытии моем из Балашова в Царицын иметь уже точные и верные сведения о произошедшем, для принятия мер к успокоению населения.

С внешней стороны последние события представляются в следующем виде: в Балашовском уезде 16 февраля, в с. Бельщине, в 7 верстах от с. Макарова, сожжена рига, принадлежащая землевладелице Вагнер; 23 февраля сожжен стог сена в имении землевладельца Ловена, тоже близ с. Макарова; 9 марта в 8 часов вечера был поджог в с. Трубецком у волостного старшины, а

через полчаса сожжен омет сена крестьянина Томилина, проданный им помещице Суровцевой; 13 марта в с. Макарове сожжены две риги у крестьян Полякова и Хохлова; 16 марта в 7 верстах от с. Макарова, в имении Зацепина сожжена рига; 8 апреля сожжена рига и землевладельческие машины в имении Ловена при с. Макарове; 10 апреля сожжены в с. Макарове дома крестьян Мишкова, Угарова и Сергачева; тогда же сожжена рига крестьянина Игонина в с. Григорьевке. Макаровской волости, и скотный двор в имении принца Гогенлоэ, при с. Журавке; 12 апреля сгорел от поджога амбар с хлебом в имении Васильева при с. Марьине; 13 апреля в третий раз был поджог у землевладельца Ловена при с. Макарове, причем сгорел стог сена; тогда же сгорел от поджога стог сена в имении Орловой, тоже близ с. Макарова, и, наконец, 14 апреля сожжены надворные постройки в усадьбе землевладельца Сусанова.

Во время последнего пожара – в имении Сусанова, на место происшествия явились окрестные крестьяне из с. Голицына и Сестренок и, не принимая участия в тушении, стали с хохотом и насмешками разбрасывать спасенное имущество, насмехаться над священником, явившемся на пожар, говоря: «У Вас есть молитва на это. Вы должны обойти двор с молитвой и прекратить пожар; всегда должны быть готовы и явиться с молитвой». Затем кто-то сломал замок у уцелевшей от огня кладовой, вытащил оттуда ведро водки и варенье, и крестьяне здесь же расположились пить водку, заедая ее вареньем.

В Царицынском уезде были поджоги: в ночь на 13 апреля в трех имениях землевладельцев Персидских и Перфилова, при с. Ольховке, причем ольховские крестьяне не только не помогали тушению огня, но и удалили сельские пожарные обозы. Затем 17 апреля сгорела тоже от поджога лесная караулка землевладельца Персидского в 4 верстах от Ольховки.

Независимо от пожаров и на той же, по-видимому, почве противоправительственной агитации, в день первого пожара у помещика Ловена, за 8 верст от с. Макарова, в окрестностях которого произведены поджоги, в с. Чирикове совершено дерзкое покушение на убийство полицейского сотского Капитонова. Названный сотский, отличаясь усердием по службе, посещал по приказанию урядника сельские сходы и передавал ему о происходивших между крестьянами беседах; в день покушения несколько крестьян, известных полиции как лица неблагонадежные, угрожали Капитонову бедою за посещение схода, вечером же он был тяжело ранен выстрелом из ружья через окно своей избы, в то время как ложился спать.

Нужно заметить, что Чириково было местом жительства ныне выселенного в административном порядке землевладельца Ченыкаева, откуда им и велась деятельная пропаганда, так что местная крестьянская молодежь, зараженная его идеями, слывет у крестьян под названием «Ченыкаевских студентов».

Проехав на лошадях вдоль большой части Балашовского уезда, посетив места пожаров, беседуя повсеместно с помещиками и крестьянами, я вы-

нес нижеследующее впечатление о положении этого наиболее тревожного уезда, в одинаковых приблизительно условиях с которым находятся, повидимому, уезды Петровский, Аткарский и часть Сердобского, с тою только разницею, что в Балашовском уезде чувствуется особое настроение интеллигентного общества, о котором мною будет сказано особо.

Прежде всего бросается в глаза совершенно индифферентное отношение к пожарам и поджогам со стороны крестьянской массы. Повсюду один ответ: «Горели постоянно и раньше», «Божья воля», «Поджигателей не знаем, мало ли озорников». Там, где крестьяне, по словам пострадавших, принимая якобы участие в тушении пожара, ломали вещи и пьянствовали (Сестренская волость), замечается нежелание назвать и выдать виновных, и очевидна полная невозможность для сельских должностных лиц действовать в этом отношении вразрез с большинством.

В общем же картина безусловной покорности к начальству, почтительное отношение и ожидание от правительства улучшения земельно-экономического положения. Ожидание это является преобладающею нотою во всех крестьянских разговорах и жалобах: на пути моем повсеместно, особенно там, где крестьяне получили дарственные наделы, они обращались ко мне с просьбой распорядиться сдачею землевладельцами земель в аренду не купцам и не отдельным крестьянам и кулакам, а всему крестьянскому обществу. На мои внушения о невозможности кому бы то ни было распоряжаться чужою собственностью они сознавали справедли-

вость моих слов, но при этом замечали, что им приходится гибнуть, так как нет своей земли, нет арендной, нет посторонних заработков и нет кустарных промыслов. Следует при этом заметить, что жалобы подобного рода принимают общий характер и слышатся в таких тоже сельских обществах, которые землею вполне обеспечены.

На общем фоне крестьянской массы, вполне пока поддающейся воздействию административной власти, индифферентной ко всему, кроме вопросов земельного устройства, резко выступают группы крестьянской молодежи, отличающейся крайним озорством, начитавшейся прокламаций, совершенно не дисциплинированной и выделяющей из своей среды отдельных личностей, готовых и на активное сопротивление, и на поджоги. В тех местах, где такая молодежь является хозяином положения и терроризирует большинство, имеются по большей части налицо и развиватели ее, старающиеся воспитать ее в началах противогосударственных. Так, в местах, где произошли последние Балашовские пожары, действовал прежде Ченыкаев, а в настоящее время в самом селе Макарове учителями министерской школы состоят Лысковский и госпожа Спув, оба вредного направления, учительницею земской школы состоит Пызина, действующая с ними заодно и имеющая сильное влияние на своего мужа, местного писаря, за которым в прошлом году установлено было наблюдение и производился обыск. Последний поджог у помещика Ловена произвел и признался в нем некто Степанов, бывший помощник волостного писаря Пызина. Письмоводитель местного земского

начальника – бывший студент – распространяет, по общим отзывам, в населении ложные слухи об отказе в Саратове войск стрелять в народ и старается дискредитировать в глазах народа самого земского начальника.

Не буду утомлять внимание Вашего Высокопревосходительства перечислением отдельных нежелательных явлений, порождающих смуту в Балашовском уезде, считаю долгом лишь упомянуть о том, что интеллигенция в деревнях, состоящая из учителей, врачей и наших земских агентов, в руках которых находится заведование народными домами, чайными, библиотеками и вообще сельскими просветительными учреждениями, задается преимущественно целями отвлеченными, а часто и идущими вразрез с видами правительства. Во всяком случае, народные дома, библиотеки со своими чтениями и спектаклями не применены к условиям народной жизни, а скорее отрывают крестьян из среды нормального труда и здоровой работы. Это порождает и раскол среди самих сельских обществ, в которых иногда отцы становятся на этой почве в антагонизм с детьми. Иллюстрациею этого служит, например, заявление, сделанное мне группою крестьян в с. Самойловке о желании их составить приговор о закрытии народного дома, развращающего молодежь. К сожалению, в Балашовском уезде сочувствие местных влиятельных кругов несомненно на стороне вышеупомянутых интеллигентных деятелей, причем даже деятельность нелегальная не вызывает осуждения.

Настроение это, о котором я упомянул выше, созданное продолжительною деятельностью в

уезде, без всякого тому противодействия, целой партии людей энергичных, умных, но полагавших излишним не только входить в виды правительства, но даже считаться с ними, ставит деятельность полиции и администрации в этом уезде в крайне затруднительное положение. Всякое проявление власти толкуется в неблагоприятном смысле, и недоброжелательство к полиции порождает сплетни, вызывающие в свою очередь волнение и тревогу. К сожалению, в составе правительственного персонала недостаточно деятелей, могущих по своему авторитету и влиянию служить противовесом деятельности агитаторов, так как местных землевладельцев недостаточно для занятия должностей земских начальников и во многих крупных центрах должности эти остаются подолгу незамещенными. Инспекция народных училищ действует в этом уезде крайне слабо и недостаточно ознакомлена с деятельностью и направлением учителей, но назначение более авторитетного и энергичного инспектора, по словам директора народных училищ, невозможно, так как он намечен земскою управою и получает жалование (притом довольно скудное) от земства.

Картину настроения уезда довершает перепуг тех землевладельцев, которые пострадали от пожаров: с их стороны раздаются требования присылки войск, заявления об опасности жить в деревне и необходимости принятия экстренных мер.

Несколько в ином положении обстоит дело в Царицынском уезде. Уезд этот в общем спокоен. Помещиков в нем мало, и большинство владений и

усадьб расположено вокруг крупного базарного села Ольховки. Там-то на праздничной неделе и произошел у помещиков Персидских ряд поджогов, оставшихся не открытыми. Прискорбною особенностью этих пожаров является поведение местных крестьян, не допустивших крестьян соседних деревень, прибывших на пожар со своими обозами, тушить огонь. Объясняют они это мнимою необходимостью сберечь собственные избы от огня и отказом помещиков участвовать в расходах на содержание пожарных обозов.

Мне представляется, что столь безобразные явления – результат бездействия местных властей. Сами пострадавшие почти все должностные лица: председатель земской управы, и. д. уездного предводителя, земской начальник. Испуг их дошел до степени паники. Они посылали мне отчаянные телеграммы, но вместе с тем во время пожара у себя же в имении земский начальник скрылся в своем доме и побоялся выйти к крестьянам. Он же пропустил и не представил в съезде к отмене незаконный приговор крестьян об обложении помещиков денежным оброком за содержание пожарных обозов. Понятно, что крестьяне, видя страхи помещиков, не признавая авторитета начальства, не знают предела своему своеволию. К посланному же мною вице-губернатору они относились с должным почтением и уважением.

Ознакомившись лично с положением дела и придя к вышеизложенным заключениям, я решил принять ряд мер, как по отношению к крестьянам, проявившим своеволие, так и по отношению к агитаторам и лицам, проявляющим антиправительст-

венную, якобы просветительскую, деятельность в деревнях, успокоив вместе с тем и встревоженных владельцев.

Крестьян, обнаруживших своеволие, я признал полезным ознакомить с воздействием административной власти и наказал лишением свободы на 7 суток крестьян Балашовского уезда, с. Сестренок – Федора Хлебалина, Григория Быкова, Якова Шишкова, Михаила Шишкова и Филиппа Коренкова, за их возмутительное поведение на пожаре при с. Сестренки, в имении Сусанова.

В Царицынском уезде крестьяне отказались назвать бесчинствовавших на пожаре односельчан. Вице-губернатор, вследствие данных мною ему указаний, подвергнул тюремному заключению троих крестьян села Ольховки: Василия Берва <текст утрачен>, Алексея Атарщикова и Ивана Арнаутова и живущих в том же селе Камышинов <текст утрачен> мещан: Максима Матвиенко и Петра Митрофанова, отличающихся плохим поведением и пагубным влиянием на общество; срок ареста этих лиц я полагаю ограничить двумя неделями, если же в селе Ольховке вновь будет нарушен порядок и придется задержать новых лиц, то арестованных невозможно будет освободить до водворения в этом селе нормального течения жизни. Кроме того, мною в Аткарском уезде наказаны арестом крестьяне с. Малых Копен Дмитрий Попов, Яков Пчелинцев, Иустин Кузовков и Фаддей Головачев, первый на две недели, а остальные на одну, за подстрекательство крестьян к составлению приговора о понуждении помещика сдать им землю по назначенной ими цене. Аткарские крес-

тьяне наказаны сравнительно мягко вследствие выраженного ими полного раскаяния.

Исправникам нужно доносить мне о каждом случае агитации против собственников земли для немедленного наложения взыскания.

В Балашовском уезде мною сделано распоряжение об удалении учителя Лысковского и учительниц Спув, Пызиной и Федоровой. Удален волостной писарь Пызин и письмоводитель земского начальника.

С целью воздействия на лиц, позволяющих себе производить чтения в чайных и училищах, без надлежащего разрешения и вопреки даже запрещению полиции в надежде на полную безнаказанность, мною издано обязательное постановление о воспрещении всякого рода сборищ и собраний, не дозволенных установленным порядком.

От губернской земской управы я потребовал сообщения мне точных сведений о маршрутах, времени пребывания в данной местности и продолжительности поездок всех командируемых земством в уезд лиц.

В Балашовский уезд мною назначается исправником лицо, на такт и умение которого я имею основание рассчитывать, чтобы, не раздражая население, укрепить в уезде порядок и быть в курсе агитационных течений.

В Ольховке Царицынского уезда мною смещен пристав и назначен более деятельный чиновник.

Просьбы о присылке войск со стороны землевладельцев мною нигде не удовлетворены, так как я считаю, во-первых, крайне нежелательным приучать народ к появлению войск и убежден, кроме того, что такая мера, не вызванная пока необходи-

мостью, породила бы массу преувеличенных слухов и способствовала бы усилению тревоги среди населения, достигшей уже и без того сильной степени напряжения и требующей успокоения.

Предпочтительно, конечно, водворить прочный порядок нормальными мероприятиями, не нервирующими население.

Возможность осуществить некоторое упорядочение тревожных пунктов я получил вследствие ассигнования мне, по приказанию Вашего Высокопревосходительства, 10 тысяч руб. на казачью команду из 50 человек. Я решил пока несколько уменьшить число казаков и на полученную экономию нанять в самые беспокойные селения несколько постоянных полицейских служителей, которые могли бы с введением закона о стражниках поступить в состав их. Это даст мне возможность требовать от исправников полной осведомленности и охранения порядка, который, надеюсь, не будет нарушен, в случае же какой-либо вспышки, будет немедленно восстановлен уже при помощи казачьей команды, положение о которой буду иметь честь представить Вашему Высокопревосходительству в самом непродолжительном времени.

Пока я обратился к г. командующему войсками округа с просьбою не выводить из Саратова и Царицына всех войск в лагерные сборы, расположенные далеко от этих городов.

Из доклада моего Ваше Высокопревосходительство изволите усмотреть, что мною намечены некоторые меры репрессии против деятельности отрицательных элементов крестьянства и сельской интеллигенции.

Не скрою от Вашего Высокопревосходительства моего твердого убеждения в том, что обузданием этих элементов не исчерпывается задача водворения нормального порядка в течение народной жизни.

Мне представляется чреватым большими опасностями то непоколебимое ожидание со стороны спокойной и покорной массы сельского населения правительственных мероприятий по обеспечению землею нуждающихся в ней крестьян.

Масса эта верит в правительство, и взоры ее обращены на ее представителей, но при обострении нужды та же спокойная ныне масса может обратиться и против землевладельцев, и против охраняющей их администрации.

Вот почему я придаю первостепенное и настоятельное значение для Саратовской губернии вопросу о направлении деятельности Крестьянского банка к работам по землеустроению беднейшего класса сельского населения, не имеющего средств на приплаты к ссудам и представляющего для банка в кредитном отношении материал непригодный и неблагодарный.

По вопросу этому, применительно к нуждам Саратовской губернии, мною собираются сведения, и в скором времени будет составлена особая записка, которую я буду иметь честь представить на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства.

Губернатор Столыпин

ГАСО. Ф. 1. Канцелярия Саратовского губернатора.

Оп. 1. Д. 6517. Л. 22–25. На бланке саратовского губернатора.

Машинопись. Копия.

Письмо В.К. Плеве
17 мая 1903 г.

Господину министру внутренних дел.

В дополнение к донесению моему от 3 сего мая за № 2660, имею честь представить при сем, на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства, проект Положения о конно-полицейской команде, в разработке которого принял по моему приглашению участие прокурор судебной палаты и начальник губернского местного управления.

В основание означенного проекта положен принцип сохранения за командою, насколько это возможно при несении полицейской службы, военного характера, присвоения всем чинам команды прав и преимуществ действительной службы и применения по возможности отдельных статей Положения к существующим узаконениям и практике последних лет (маньчжурская пограничная стража). Обозначение и служебное положение чинов команды выработаны на основании переговоров и переписки с чинами войска Уральского и Астраханского, причем приняты во внимание минимальные требования.

Ввиду отношения Департамента, письма 25 минувшего апреля, приглашение в первую очередь 50 казаков на отпущенный мне кредит в 10 тысяч рублей производится командированными мною в Астраханское казачье войско и в область Войска Донского лицами, на точном основании представляемого Положения, причем эти казаки нанимаются на год, и на такой же срок снято для них в городе казарменное помещение.

Формирование команды в полном составе в наискорейшем времени крайне желательно, так как поддержание дисциплины среди казаков – нижних чинов, без наличия офицера затруднительно, и временная команда в 50 человек может оказаться весьма недостаточна, если принять во внимание обширность Саратовской губернии, при абсолютном почти отсутствии в ней войск, и бывшую уже примером внезапных волнений в минувшем году и во время холеры, несмотря на присутствие в то время в Саратове целой дивизии.

При сем же имею честь представить Вашему Превосходительству выработанную для конно-полицейской команды инструкцию.

Губернатор Столыпин

ГАСО. Ф. 1. Канцелярия Саратовского губернатора

Оп. 1. Д. 6517. Л. 27–27об.

На бланке саратовского губернатора. Черновик. Рукопись. Автограф.

Письмо В.К. Плеве
24 июня 1903 г.

Секретно

Милостивый государь

Вячеслав Константинович,

Вследствие письма от 11-го сего июня за № 14, имею честь доложить Вашему Высокопревосходительству, что для производства намеченного опыта устранения недостатков существующего землепользования я нахожу подходящими деревни Са-

модуровку и Боровую (расположенные рядом и составляющие одно почти целое) и село Мирное. Первые расположены в Кунчеровской волости Кузнецкого уезда, а второе в <пропущено автором> волости Камышинского уезда.

Крестьяне деревни Самодуровки и Боровой являются типичными представителями малоземельных крестьян Саратовской губернии. Помещица Аничкова, которой принадлежали эти крестьяне, распродала, по их словам, почти все свое имение перед 1861 г., и при освобождении крестьян им предоставлена была на выкуп вся наличная земля, а именно – в Самодуровке 9 десятин на 51 ревизскую душу и в Боровой 28 десятин на 150 ревизских душ. В настоящее время на помянутых 37 десятинах живет и питается учетверившееся сельское население. Крестьяне эти в 1882 г. пытались переселиться на казенные земли Балашовского уезда, но поневоле, в местность нездоровую, с плохою водою, вернулись в свои деревни лишь сильно обнищавшими.

Вследствие сего я полагаю, что они подходят к указываемой в письме Вашего Высокопревосходительства категории крестьян, которые не в состоянии собственными средствами устранить недостатки земельного своего устройства. Затем я полагаю, что крестьяне эти достойны помощи, так как, при всей своей скудости, они не занимаются нищенством, а промышляют кое-какими кустарными промыслами и с трудом, но перебиваются.

Несомненно также, что они примут правительственную помощь с горячей благодарностью, так как когда я проезжал через их селение, то сход

встретил меня, стоя на коленях и умоляя помочь им приобрести землю с помощью Крестьянского банка, указывая на то, что обычным путем они земли через банк приобрести не могут, так как у них нет верхов (принята наличными и ссуда), по соседству же продается подходящее имение помещика Неклюдова и есть казенный участок.

Таким образом, помощь этим крестьянам едва ли вызвала бы и какие-либо толки и надежды среди населения и была бы принята лишь как последствие обращения их к начальнику губернии. Желательно было бы улучшить быт этого села и потому, что после бывшей там в минувшем году экзекуции крестьяне сдержали данное ими обещание, ведут себя примерно и ждут помощи исключительно от правительства.

В одинаковом положении в этом отношении стоит и село Мирное, так как дело об устройстве крестьян этого села поднималось неоднократно, и местная администрация уже входила даже в переговоры с бывшими помещиками этого села князьями Гагариными о продаже им прилагающего к их наделам земельного участка.

Поручить выполнение предположенной задачи я полагал бы – в Кузнечном уезде местному уездному предводителю дворянства Хардину, деятелю крайне разумному, осторожному и знающему быт и нужды населения, а в Мирном – члену губернского присутствия В.Д. Юматову, умелое руководство которого могло бы восполнить некоторую неопытность местного земского начальника, недавно еще назначенного и едва ли поэтому подходящего для единоличного проведения столь сложного дела.

Самое же дело представляется мне в виде переселения части крестьян названных выше селений на соседние земли, принадлежащие казне или Крестьянскому банку (пункт «г» письма Вашего Высокопревосходительства), разделения остальных в пределах их надела с устройством в потребных случаях выделов, <1 нрзб.> и выдаче пособий на переносы усадеб (пункт «а» письма), в отношении же села Мирного – даже содействия к переходу к хуторской системе хозяйства (пункт «д» письма), что может выясниться лишь при начале землеустроительных работ и находится пока под сомнением.

Таким образом, не использованными остались бы лишь предначертания, преподанные Вашим Высокопревосходительством в пунктах «б» и «в» вышепомянутого письма, то есть размежевание совместных наделов нескольких обществ и исправление неправильного очертания надела

Я бы мог указать на села, где настоятельно необходимы и подобного рода работы, но воздержался от этого на первый раз, так как наикрупнейшая дача, нуждающаяся в размежевании, Турковская, включает в себя и чересполосные [земли] частных владельцев, затем большинство такого рода работ пришлось бы на Балашовский уезд, где среди крестьянского населения существует весьма заметное брожение и, наконец, риск неудачи гораздо опаснее именно в Балашовском уезде, в котором сама интеллигенция пока сдержанно и весьма недоверчиво относится к начинаниям правительства.

По отношению же к проектируемым работам смею высказать свое мнение, что предпочтитель-

но, может быть, было бы, вместо продажи крестьянам смежных с их наделами участков при помощи Крестьянского банка, приобретение этих участков самим банком и сдача их крестьянам в аренду с устройством их соответственно нуждам крестьянского быта (разумная нарезка полей, устройство несгораемых мельниц, водоемов, обсадка оврагов и проч.) и обещание продажи в рассрочку на льготных условиях после нескольких лет аккуратного взноса арендной платы, которая в последнем случае могла бы быть засчитана в части и в счет погашения.

Этим путем за период аренды, несомненно, отпало бы несколько человек, наименее тяготеющих к земле, которая и осталась бы в крепких руках лиц, способных ее использовать и оправдать вложенные в нее затраты.

Я полагаю, что сельское население обязательно должно дать [себе] такой отчет, что государство не может взять на себя задачи всех наделить землею, так как это повело бы к распылению земли, и что обязательное прикрепощение к земле крестьян, даже неспособных с нею справиться, в высшей степени нежелательно.

Быть может, было бы целесообразно устроительные работы на землях, купленных Крестьянским банком для поселения крестьян, точно так же, как и самое их поселение, изъять из ведения банка, учреждения чисто кредитного, и передать коллегиальному учреждению с участием представителя земства и правительственного агронома. Во всяком случае, такого рода новые операции явились бы существенным дополнением к чисто кре-

дитным операциям банка, которые, в качестве таковых, касаются преимущественно крестьян, случайно лучше обеспеченных, и оставляют совершенно в стороне вопрос землеустройства, самый важный в настоящее время вопрос нашей деревни.

Если бы Ваше Высокопревосходительство изволили одобрить предположения мои относительно намеченных мною селений, о земельном положении которых памятная записка при сем прилагается, и сочли возможным разрешить затрату на это дело необходимой суммы, размер которой выяснился бы при детальной разработке вопроса, то по возвращении в конце августа из разрешенного мне отпуска, немедленно дали бы делу надлежащий ход.

Губернатор П. Столыпин

ГАСО. Ф. 1. Канцелярия Саратовского губернатора. Оп. 1. Д. 10253. Л. 27–30об.

На бланке саратовского губернатора. Черновик. Рукопись. Автограф.

Письмо Л.Н. Толстому
23 октября 1907 г.

Лев Николаевич,

Письмо Ваше получил и приказал пересмотреть дело Бодянского. Если есть возможность, конечно, он будет освобожден. Не думайте, что я не обратил внимания на Ваше первое письмо. Я не мог на него ответить, потому что оно меня слишком задело. Вы считаете злом то, что я считаю для России благом. Мне кажется, что отсутствие «собственности» на землю у крестьян создает все наше неустройство.

Природа вложила в человека некоторые врожденные инстинкты, как то чувство голода, половое чувство и т.п. и одно из самых сильных чувств этого порядка – чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землею.

Искусственное в этом отношении оскопление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому дурному и, главное, к бедности.

А бедность, по мне, худшее из рабств. И теперь то же крепостное право, – за деньги Вы можете так же давить людей, как и до освобождения крестьян.

Смешно говорить этим людям о свободе или о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той, по крайней мере, наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным.

А это достижимо только при свободном приложении труда к земле, то есть при наличии права собственности на землю.

Я не отвергаю учения Джорджа, но думаю, что «единый налог» со временем поможет борьбе с крупною собственностью, но теперь я не вижу цели у нас в России сгонять с земли более развитый элемент землевладельцев и, наоборот, вижу несомненную необходимость облегчить крестьянину законную возможность приобрести нужный ему участок земли в полную собственность. Теперь единственная карьера для умного мужика быть мироедом, то есть паразитом. Надо дать ему возможность свободно развиваться и не пить чужой крови.

Впрочем, не мне Вас убеждать, но я теперь случайно пытаюсь объяснить Вам, почему мне казалось даже бесполезным писать Вам о том, что Вы меня не убедили. Вы мне всегда казались великим человеком, я про себя скромного мнения. Меня вынесла наверх волна событий – вероятно, на один миг! Я хочу все же этот миг использовать по мере моих сил, пониманий и чувств на благо людей и моей родины, которую люблю, как любили ее в старину, как же я буду делать не то, что думаю и сознаю добром? А вы мне пишете, что я иду по дороге злых дел, дурной славы и, главное, греха. Поверьте, что, ощущая часто возможность близкой смерти, нельзя не задумываться над этими вопросами, и путь мой мне кажется прямым путем. Сознаю, что все это пишу Вам напрасно, – это и было причиною того, что я Вам не отвечал. Николаева все же с удовольствием повидал бы.

Простите.

Ваш П. Столыпин

Опубл.: Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник. – М.; Л., 1928. – С. 91–92.

В ответ Толстой послал следующее письмо:
П.А. Столыпину
1908 г. Января 27. Я[сная] П[оляна]

Петр Аркадьевич

В первый раз хотя я и писал о деле важном, нужном, общем, но я писал и для себя: я знал, что есть один шанс из тысячи, чтобы дело сделалось,

но мне хотелось сделать, что можно для этого. Теперь же я пишу о том же, но уже совсем не для себя и даже не для общего дела, а только для Вас, для того, что желаю Вам добра, истинного добра, потому что люблю Вас.

За что, зачем Вы губите себя, продолжая начатую Вами ошибочную деятельность, не могущую привести ни к чему, кроме к[ак] к ухудшению положения общего и Вашего? Смелому, честному, благородному человеку, каким я Вас считаю, свойственно не упорствовать в сделанной ошибке, а сознавать ее и направить все силы на исправление ее последствий. Вы сделали две ошибки: первая, – начали насилием бороться с насилием и продолжаете это делать, все ухудшая и ухудшая положение; вторая, – думали в России успокоить взволновавшееся население, и ждущее и желающее только одного: уничтожение права земельной собственности (столь же возмутительного в наше время, как полстолетия тому назад было право крепостное), успокоить население тем, чтобы, уничтожив общину, образовать мелкую земельную собственность. Ошибка была огромная. Вместо того, чтобы, воспользовавшись еще жившим в народе сознанием незаконности права личной земельной собственности, сознанием, сходящимся с учением об отношении человека к земле самых передовых людей мира, вместо того, чтобы выставить этот принцип перед народом, Вы думали успокоить его тем, чтобы завлечь его в самое низменное, старое, отжившее понимание отношения человека к земле, которое существует в Европе, к великому сожалению всех мыслящих людей в этой Европе.

Милый Петр Аркадьевич, можете, дочтя до этого места, бросить письмо в корзину и сказать: как надоел мне этот старик с своими непрошеными советами, и, если Вы поступите так, это нисколько не огорчит, не обидит меня, но мне будет жаль Вас. Жизнь не шутка. Живем один раз. Из-за partie pris нельзя неразумно губить свою жизнь. Вам в Вашей ужасной суете это, может быть, не видно. Но мне со стороны ясно видно, что Вы делаете и что Вы себе готовите и в истории – но история Бог с ней – и в своей душе.

Я пишу Вам п[отому], ч[то] нет дня, чтобы я не думал о Вас и не удивлялся до полного недоумения тому, что Вы делаете, делая нечто подобное тому, что бы делал жаждущий человек, к[отор]ый, видя источник воды, к к[отор]ому идут такие же жаждущие, шел бы прочь от него,уверяя всех, что это так надо.

Обе Ваши ошибки: борьба насилием с насилием и не разрешение, а утверждение земельного насилия, исправляются одной и той же простой, ясной и самой, как это ни покажется Вам странным, удобоприменимой мерой: признанием земли равно собственностью всего народа и установлением соответствующего сравнительным выгодам земель налога, заменяющего подати или часть их.

Одна только эта мера может успокоить народ и сделать бессильными все усилия революционеров, опирающихся теперь на народ, и сделать ненужными те ужасные меры насилия, к[отор]ые теперь употребляются против насильников. Не могу, не могу понять, как в Вашем положении можно хоть одну минуту колебаться в выборе: продолжить ту

и мучительную, и неплодотворную, и ужасную теперешнюю Вашу деятельность, или сразу привлечь на свою сторону три четверти всего русского народа, всех передовых людей России и Европы и сразу стать, вместо препятствия к движению вперед, напротив, передовым деятелем, начинающим или хоть пытающимся осуществить то, к чему идет и готово все человечество, и даже Китай, и Япония, и Индия.

Знаю я, что Вы не отократический владыка и что Вы связаны отношениями и с Государем, и с Двором, и с Думой, но это не может мешать Вам попытаться сделать все, что Вы можете. Ведь приведение в исполнение земельного освобождения совсем не так страшно, как это обыкновенно представляют враги его. Я очень живо могу представить себе, как можно убедить Государя в том, что постоянное наложение налога на землю не произведет никакого особенного расстройства, а, между прочим, будет более могущественным ограждением от усилий революционеров, чем миллионы полиции и страж. Еще живее могу себе представить, как этот проект может захватить Думу и привлечь большинство на свою сторону. Вам же в этом деле предстояла бы [прекрасная роль].

Вы, пострадавший так жестоко от покушений и почитаемый самым сильным и энергичным врагом революции, Вы вдруг стали бы не на сторону революции, а на сторону вечной, нарушенной правды и этим самым вынули бы почву революции. Очень может быть, что, как бы мягко и осторожно Вы ни поступили, предлагая новую меру правительству,

оно не согласилось бы с Вами и удалило бы Вас от власти. Насколько я Вас понимаю, Вы не побоялись бы этого, п[отому] ч[то] и теперь делаете то, что делаете, не для того, чтобы быть у власти, а п[отому], ч[то] считаете это справедливым, должным. Пускай 20 раз удалили бы Вас, всячески оклеветали бы Вас, все бы было лучше Вашего теперешнего положения.

Повторяю то, что я сказал сначала: все, что пишу для Вас, желая Вам добра, любя Вас. Если Вы дочли до этого места, то сделайте вот что, пожалуйста, сделайте.

Вспомните, кто у Вас есть самый близкий Вам, любящий Вас, Вашу душу человек, – жена ли, дочь, друг Ваш – и, не читая ему всего длинного этого скучного письма, расскажите ему в кратких словах, что я пишу и предлагаю Вам, и спросите его, этого близкого человека, его мнения и сделайте то, что он скажет Вам. Если он любит Вашу душу, совет его может быть только один.

Очень прошу Вас еще об одном: если письмо это вызовет в Вас недоброе чувство ко мне, пожалуйста, подавите его. Было бы очень больно думать, что самое доброе чувство к Вам вызвало в Вас обратное.

28 янв[аря] 1908 [г.]

Любящий Вас Лев Толстой

P.S. Николаев ждет Вашего призыва.

Хочется сказать еще то, что то, что я предлагаю, не только лучшее, по моему мнению, что можно сделать теперь для русского народа, не только лучшее, что Вы можете сделать для себя, но это един-

ственный хороший выход для Вас из того положения, в к[отор]ое Вы поставлены судьбою.

Л. Т[олстой]

Прежде чем отсылать это письмо, я внимательно перечел Ваше. Вы пишете, что обладание собственностью есть прирожденное и неистребимое свойство человеческой природы. Я совершенно согласен с этим, но установление Единого налога и признание земли общей собственностью всех людей не только не противоречит этому свойству людей владеть собственностью, но одно вполне удовлетворяет ему, удовлетворяет п[отому], ч[то] не «священное», как любят говорить (священно только божественное), а истинное законное право собственности есть только одно: право собственности на произведения своего труда.

А именно это-то право и нарушается присвоением людьми незаконного права на собственность земли. Это незаконное право больше всего отнимает у людей их законное право на произведения своего труда. Владение же землей при уплате за нее налагаемого на нее налога не делает владение это менее прочным и твердым, чем владение по купчим. Скорее наоборот.

Еще раз прошу Вас простить меня за то, что я мог сказать Вам неприятности, и не трудитесь отвечать мне, если Вы не согласны со мной. Но, пожалуйста, не имейте против меня недоброго чувства.

Л. Т[олстой]

Лев Николаевич Толстой. – М.; Л., 1928. – С. 93–95.

Письмо П.Н. Милюкову
17 октября 1906 г.

Милостивый Государь
Павел Николаевич.

Только что получил Ваше письмо и тотчас же отдал распоряжение по Департаменту полиции о немедленном принятии мер к охранению Вас и проф[ессора] Гессена от нападения.

Такое же категорическое распоряжение будет сделано и по градоначальству.

Примите уверения в совершенном уважении.

П. Столыпин

17 октября 1906 г.

Петербург

ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 5832. Л. 1.

Письмо великому князю Николаю Михайловичу
16 сентября 1908 г.

Ваше Императорское Высочество,

Простите, что так долго не отвечал, но я раньше должен был справиться об интересующем Вас Лашкове.

Он хорошо работает, но тут в Петербурге так мало открывается должностей, что вероятнее всего придется его пристроить в провинции.

Завидую вам, Ваше Высочество, что Вы спокойно работаете в области отдаленных времен и имеете дело не с людьми, а с бесстрастными документами.

С чувством глубокого почитания, имею честь быть

Вашего Императорского Высочества
всеподданнейший слуга П. Столыпин
16 сентября 1908 г.
С.-Петербург

ГАРФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 220. Л. 35.

Письма П.А. Столыпина жене О.Б. Столыпиной

Письмо О.Б. Столыпиной 20 июня 1899 г.

Сию минуту должен ехать на пароход. Телеграммы от Тебя нет.

Купил 2 ананаса и печенье «ко дню». Привезет Щипа.

Целую, обнимаю, люблю безмерно.

П[етр] С[толыпин]
20 июня 1899 г.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 228. Л. 4.

Письмо О.Б. Столыпиной 11 августа 1899 г.

Москва, 11 августа [18]99 г.

Ненаглядное мое сокровище, вот я и в Москве, куда благополучно прибыл с опозданием на 2 часа. Это мое третье письмо, – получила ли Ты письмо

из Минска? В вагоне все думал о Тебе и моей глубокой привязанности и обожании к Тебе. Редко, я думаю, после 15 лет супружества так пылко и прочно любят друг друга, как мы с Тобою. Для меня Ты и дети все, и без вас я как-то не чувствую почвы под ногами. Грустно быть оторванным от вас.

На вокзале встретил меня Саша в Папашиной коляске с придворным лакеем.

Щипа [был совершенно поражен]. Во дворце была приготовлена ванна (которую не взял), и Папа встретил меня крайне ласково. Он очень постарел, на строгой диете, но весел и здоров. События дня, – отказ Наташи Смирнову. Значит, и убытка нет на подарок. Папа, кажется, хочет ехать за границу один. Иван, хотя официально прогнан, но и не думает уходить. Одним словом, все по-старому.

В Москву поеду завтра в 9 ч[ас]. утра с Сашею, который надеется, что до завтрака сделаем все поручения, а в 4 ч[ас]. к поезду отвезут меня в коляске.

Сегодня – поздно, так как теперь летом закрывают магазины в 6 ч[ас]. вечера.

Надеюсь все исполнить. Сейчас иду к Папа играть в вист. Тут очень комфортабельно, и я с увлечением смотрю на постель, но с горечью вспоминаю о ласточках на голубом фоне. Когда я вновь их увижу? Все перед глазами у меня Твои заплаканные голубые глазки. Храни Вас Господь. Как разрешился вопрос Лины и Аннушки?

Долго про Тебя ничего не узнаю, радость моя. Завтра между покупками и поездом надеюсь написать Тебе открыток.

Обожаю, целую, люблю Тебя, сокровище, мое. Деток благословляю, целую.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 228. Л. 5–6об.

Письмо О.Б. Столыпиной
17 августа 1899 г.

Вот, дорогой ангел Оличка, первая почта из Чулпановки, и я сажусь Тебе писать, чтобы покрыть Тебя поцелуями и сказать, что я люблю свою девочку нежную и что мне тяжело и тоскливо жить без нее. Особенно мне грустно совсем быть без известий из дому. Ведь сегодня ровно неделя, что я уехал, и не знаю даже, здоровы ли Вы? Для меня было просто ударом в Чистополе на телеграфе, когда мне сказали, что на мое имя нет телеграммы. Я просто не хотел верить и перерыл весь телеграф. А я-то думал в Нижнем, что так хорошо придумал телеграфировать Тебе, чтобы получить весточку в Чистополе. Опять, наверное, неаккуратность телеграфа, так как слишком грустно было бы думать, что у нас неблагополучно.

Теперь про себя: я совсем здоров и погода тут прекрасна, так что путешествие идет преблагополучно. Приехали мы в Чулпановку в воскресенье в 9 часов вечера, черные от пыли и перепугали стариков Цинков, которые нас совсем не ждали. Выспались на соломенных тюфяках и на следующий же день начали с Алешею объезд и делим движимости. Очень рад, что приехал Алеша, т. к. приятно иметь дело с толковым человеком, понимающим дело и желающим все сделать справедливо и безобидно

для обеих сестер. Мы сходимся во всех вопросах, хотя не мало приходится распутывать. Доходы и все будет совершенно разделено с 1 января, и каждая из вас будет уже получать доходы из своей части. До 1 января все будет делиться пополам, иначе никак не выходит. Алеша уезжает послезавтра, мы с ним заняты круглый день, а после его отъезда я начну серьезный обзор Твоей части и решу вопрос о месте постройки нового хутора и сделаю подробный подсчет всех доходных статей и смету того, сколько Твоя часть может давать дохода – alors je verai clair dans les affaires. Мне кажется, что доход возможно увеличить, но нужны затраты; что касается леса, то он тут до смешного дешев, так что я не знаю, может ли быть выгодна собственная разработка, что усиленно советует Алеша. Во всяком случае, получим, думаю, когда кончится контракт с Колчуриным, дороже, чем теперь.

Я по дороге сюда не заехал к Шульцу, потому что мы проехали мимо очень поздно и были очень грязны. Думаю съездить к нему в воскресенье. А в четверг или пятницу я надеюсь выехать. Дай Бог, так как мне тут уже надоело, а после отъезда Алеши еще будет тоскливее. Недоделать же дела не хочется. Может быть, завтра почта принесет мне весточку от милой, тогда станет легче. I think that I will bring also from here 5000 roubles. I don't know yet наверное сколько.

Мы встаем с Алешой в 6 ч[ас]. утра, пьем чай и уезжаем до трех или четырех, потом едим Щипин сносный обед и до вечера занимаемся разными счетами и расчетами с Алешой, прерываемы разными посещениями. Сегодня были у меня Чулпановские

и Куклинские старики, просили продать им отрезки, я, конечно, ничего продавать не желаю и угостил их водкою. Сейчас прервал письмо и сидел Колчурин – хитрый, старался выведать дальнейшие планы продажи леса. Потом поп. Одним словом, при нашей деревенской жизни трудно что-либо писать интересное. Вчера был в бане отмыться от черной пыли. Одно только новое и интересное, – что я Вас люблю, целую в губки и в глазки и хочу скоро к Вам, на Вашу белую грудку и хочу знать, скучаете ли Вы без меня и как Вы меня любите и как Вы меня не забыли. С Алешою опять напишу, и это письмо, вероятно, придет после того.

Не взять ли мне буфетчика в Москве, Алеша очень советует; он говорит, что у него прекрасный буфетчик из Москвы, не вор и отлично уживется в провинции. Ведь наш sournois подает лимон в руке, или суп в умывальнике, не моргнувши.

Что делают мои девочки? Забыла меня моя Аринька? Когда я услышу опять «Папа, иди нам»? Всех их крепко, нежно обнимаю, а Тебя, сокровище мое драгоценное, долго крепко целую, ласкаю, люблю, обожаю.

Твой Петя

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 228. Л. 11–14об.

Письмо О.Б. Столыпиной
20 августа 1899 г.

20 августа 1899 г., Чулпановка

Вчера писал Тебе с Алешей, но так как завтра отправляется почта, то не могу снова не взяться

за перо, чтобы поцеловать мою дудушку. Эта почта должна привезти письма от Тебя, и я жду их с лихорадочным нетерпением. Ведь это просто ужасно быть отрезанным от Тебя таким расстоянием без почт и телеграфа. С трепетом думаю о вас и молюсь о сохранении моих сокровищ. Алешу проводил сегодня утром. Щипа ему нажарил на дорогу всякой всячины. Без него мне тут скучновато, у него нрав веселый, и для хозяйства он золотой советчик. Сегодня ездил в 6 ч[ас]. утра до обеда с Цинком осматривать Киремет, в 2 часа пообедали, потом занялись камеральными работами, пришел сын мельничихи, а в 4 часа снова с Цинком поехали на Елаур. Только что вернулись, теперь $7^1/_2$ ч[ас]., сел писать Тебе, в $8^1/_2$ ч[ас]. поужинаю, еще позанимаюсь – запишу все результаты сегодняшних трудов, – а в 10 часов спать опять до 6 ч[ас]. утра. Вот и день мой, даже взятые в Москве у Саши книжки некогда почитать. После 3 дней дождя погода опять хороша. Слава Богу, ходить сухо. Чем больше я знакомлюсь с Чулпановкою, тем более я убеждаюсь, что с капиталом и особенно при условии проведения железной дороги тут можно было бы добиться прекрасных результатов. Чтобы получить что-либо в будущем и нам придется кое-что затратить. Мой план – увеличить луга, а именно, где лес растет по болотам, там его вырубить и расчистить место под луг. Болотный лес всегда дрянной, а на мокром месте луг может быть хорош. Между тем, лес дает с десятины в год доход меньше 75 копеек в общем, а луга по 5 рублей с десятины. Расчет простой. Кроме того, Алеша советует брать лыко в

лесу, и я думаю, что это тоже даст хороший доход, но на все это нужно время. Вообще Алеша мне был очень полезен. Я здешнего хозяйства ведь совершенно не знаю, настолько оно не похоже на наше, а Алеша на нем собаку съел. Сегодня же я наметил место для хутора на Елауре, на берегу Темерлика <?>, в живописной местности. Это будет со временем центр нашей части имения. Наметил также целый ряд мелких преобразований. Вообще личный надзор необходим, и я думаю, что приезд мой принесет пользу, и этим утешаюсь в своем одиночестве. Как было бы приятно лет через 5 удвоить Твой доход.

Душка, мне так хотелось бы знать, что-то в эту минуту в уютном Твоем уголке? Верно, сидишь и читаешь моей Матульке. А Наташа и Еленочка уже раздеваются, Олёчек в рубашонке моет руки, а Арий тихо себе спит. Всех милых, дорогих осыпаю поцелуями и Тебя, милую, давшую мне благословенную мою семейку, крепче и больше всех. В воскресенье после обедни отслужу в церкви молебен о вас всех и о Твоих. Надо дать заработать здешнему священнику, который очень мне понравился и, говорят, хорош. После обедни съезжу к Шульцу в Мамыково; сегодня написал ему с кучером, отвезшим Алешу, чтобы узнать, будет ли он дома. Алеша советовал прибавить Цинку жалованье, но я думаю на первый год для поощрения дать ему 50 р[уб]. награды. Прибавить всегда успеем. Целую Тебя, Христос с Тобою, хорошая моя, добрая, Оля, милая.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 228. Л. 17–18об.

Письмо О.Б. Столыпиной 29 августа 1899 г.

29 августа [18]99, Акшино

Милая, добрая моя. Вчера ночью прибыл сюда и нашел три Твоих письма, а сегодня пришло четвертое открытое. Такое счастие и так хорошо вышло – в Чулпановке успел получить последнюю Твою почту, а тут уж ждали свежие письма. За тысячу верст чувствую Твою нежность и доброту ко мне. Томительно мне без Тебя, да и утомился я от непрерывной езды, хотя здоров совершенно. Приехал я сюда ночью, ветер, стужа. Шаталов встретил на вокзале. Поужинавши лег спать. Сегодня же с утра уж отправился с Шаталовым в Акшино осматривать постройки. Они в ужасном виде. Шаталов говорит, что подновит их к сдаче, но, верно, только подмажет, так что я полагаю, было бы лучше взять с него деньгами и самому ремонтировать. Он соглашается хоть сейчас отказаться от аренды, срок же его кончается в 1903 г. Я начинаю склоняться к тому, чтобы поскорее с этим развязаться: все равно он по окончании аренды продолжать ее не будет, а с каждым годом имение все более приходит в упадок. Я думаю, что, посадя какого-нибудь Левговда <?> и сдавая крестьянам землю по десятинкам и исполу, я выручу даже больше, чем 4 тыс. руб., но потребуются единовременные расходы. Цены тут крестьяне платят очень порядочные. Был я у священника – умный старик. Завтра буду у обедни и опять отслужу молебен о вас, ненаглядные. Сегодня же успел съездить в наш лесок. Он к удивлению еще цел и подрастает для деток.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 228. Л. 24–24об.

Письмо О.Б. Столыпиной 26 апреля 1906 г.

26 апреля 1906 г., С.-Петербург

Оля, бесценное мое сокровище. Вчера судьба моя решилась! Я министр внутренних дел в стране окровавленной, потрясенной, представляющей из себя шестую часть шара, и это в одну из самых трудных исторических минут, повторяющихся раз в тысячу лет. Человеческих сил тут мало, нужна глубокая вера в Бога, крепкая надежда на то, что Он поддержит, вразумит меня. Господи, помоги мне. Я чувствую, что Он не оставляет меня, чувствую по тому спокойствию, которое меня не покидает.

Поддержка, помощь моя будешь Ты, моя обожаемая, моя вечно дорогая. Все сокровище любви, которое Ты отдала мне, сохранило меня до 44 лет верующим в добро и людей. Ты, чистая моя, дорогая, Ты мой ангел-хранитель

Я задаюсь одним – пробыть министром 3–4 месяца, выдержать предстоящий шок, поставить в какую-нибудь возможность работу совместную с народными представителями и этим оказать услугу родине. Вот как прошло дело – вчера получаю приказание в 6 ч[ас]. вечера явиться в Царское. Поехал экстренным поездом с Горемыкиным. Государь принял сначала Горемыкина, потом позвали меня. Я откровенно и прямо высказал Государю все мои опасения, сказал ему, что задача непосильна, что взять накануне Думы губернатора из Саратова и противопоставить его сплоченной и организованной оппозиции в Думе – значит обречь

министерство на неуспех. Говорил ему о том, что нужен человек, имеющий на Думу влияние и в Думе авторитет и который сумел бы несокрушимо сохранить порядок. Государь возразил мне, что не хочет министра из случайного думского большинства, все сказанное мною обдумал уже со всех сторон. Я спросил его, думал ли он о том, что одно мое имя может вызвать бурю в Думе, он ответил, что и это приходило ему в голову. Я изложил тогда ему мою программу, сказал, что говорю в присутствии Горемыкина как премьера, и спросил, одобряется ли все мною предложенное, на что, после нескольких дополнительных вопросов, получил утвердительный ответ.

В конце беседы я сказал Государю, что умоляю избавить меня от ужаса нового положения, что я ему исповедовался и открыл всю мою душу, пойду только, если он, как Государь, прикажет мне, так как обязан и жизнь отдать ему и жду его приговора. Он с секунду промолчал и сказал: «Приказываю Вам, делаю это вполне сознательно, знаю, что это самоотвержение, благословляю Вас – это на пользу России». Говоря это, он обеими руками взял мою и горячо пожал. Я сказал: «Повинуюсь Вам» – и поцеловал руку Царя. У него, у Горемыкина, да, вероятно, у меня были слезы на глазах. Жребий брошен, сумею ли я, помогут ли обстоятельства, покажет будущее. Но вся душа страшно настроена, обозлена Основными законами, изданными помимо Думы, до сформирования кабинета, и будут крупные скандалы.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 82–83об.

Письмо О.Б. Столыпиной 28 августа 1911 г.

28 августа 1911 г., Киев

Дорогой мой ангел, всю дорогу я думал о Тебе. В вагоне было страшно душно. В Вильне прицепили вагон с Кассо и Саблером. В Киев прибыли в час ночи. Несмотря на отмену официальной встречи, на вокзале, кроме властей, собралось дворянство и земство всех 3 губерний.

Сегодня с утра меня запрягли: утром митрополичий молебен в Соборе о благополучном прибытии Их Величеств, затем освещение Музея цес[аревича] Алексея, потом прием земских депутаций, которые приехали приветствовать Царя. Это, конечно, гвоздь. Их больше 200 человек – магнаты, средние дворяне и крестьяне. Я сказал им маленькую речь. Мне отвечали представители всех 6 губерний. Мое впечатление – общая, заражающая приподнятость, граничащая с энтузиазмом.

Факт, и несомненный, что нашлись люди, русские, настоящие люди, которые откликнулись и пошли с воодушевлением на работу. Это отрицали и левые, и кр[айне] правые. Меня вела моя вера, а теперь и слепые прозрели.

Тут холод и дождь, все волнуются, что будет завтра к приезду Царя.

Были у меня обе Демидовы – говорят, что Маше лучше и что она меня лихорадочно ждет. Здесь стоят еще у генерал-губ[ернато]ра Кривошеин и вел[икий] кн[язь] Андрей Владимирович (с завтрашнего дня).

Тягостны многолюдные обеды и завтраки.

Целую крепко и нежно, как люблю.

P.S. Сюда приезжает и Олсуфьев, который кому-то говорил, что он пристыжен и кается.

РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 96–97об.

Письма П.А. Столыпина к друзьям

Письмо А.Ф. Мейендорфу 2 января 1900 г.

Дорогой Саша,

Жена и я сердечно поздравляем Тебя с Твоею помолвкою и от души желаем продолжительного и прочного счастия.

Ты знаешь, какую теплую симпатию мы к Тебе питаем и как живо нас интересует все, что Тебя касается.

Я лично рано познал все счастье и всю прелесть семейной жизни и искренно радуюсь за Тебя, что Ты впредь не один будешь на жизненном пути.

С нетерпением ожидаем возвращения в Ковну Ольги Николаевны Мертваго, чтобы по ее рассказам познакомиться с Твоею невестою, которой прошу передать от жены и от меня лучшие пожелания и поздравления.

Брата Сашу я сегодня же извещу о Твоей женитьбе.

Надеюсь, когда буду в Петербурге, застать Тебя там, если же Ты после свадьбы своей попадешь за

границу и проедешь через Ковну, то телеграфируй мне, чтобы я мог выехать на станцию повидать Тебя во время остановки поезда.

Сердечно Тебя обнимаю.

Преданный Тебе

Петр Столыпин

ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 219. Л. 1–2.

Письмо А.Ф. Мейендорфу
28 августа 1903 г.
Саратов

Дорогой Саша.

Очень был тронут Твоим поздравлением – я очень счастлив, что после 19 лет брака дождался сынка.

Письмо Твое получил уже здесь. В Петербурге долго не буду. Прошу Тебя, усердно высылай сюда барона Цеймерна – я его возьму чиновн[иком] особ[ых] поруч[ений] с удовольствием, если он порядочный человек. Мне необходим воспитанный человек, т. к. теперь у меня еще никого нет, привез одного чиновн[ика] особ[ых] пор[учений] кн[язя] Оболенского, очень милого, но поручений масса, а людей нет, швалью же окружить себя не желаю.

Как я завидую Твоей поездке в культурные страны.

Боже, как тут дико и какие тяжелые условия работы.

Целую ручки кузине.

Твой П. Столыпин

Иллюстрация: сюда командирован и будет сидеть 4 дня генерал Богданович, чтоб поучать рабочих и раздавать книжечки! Я завтра филирую в уезд.

ГАРФ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 219. Л. 5–6.

Письмо князю Н.П. Урусову
22 августа 1905 г.

Милый Коля.

Вернувшись в Саратов, нашел Твое письмо и спешу Тебя поблагодарить за Твои сердечные строки.

Время, правда, тяжелое и ужасное, и я согласен с Тобою, что отсутствие правительства создает невыносимое положение. Дай Бог пережить кризис и дождаться светлого времени или хоть просвета.

Ты спрашиваешь про казачью команду – она мне оказала неоценимые услуги, я выхлопотал освобождение ее чинов от мобилизации, иначе пропал бы. Комплектуется она почти всецело из астраханских казаков, некоторые станицы которых расположены в Саратовской губернии. Больное место – офицеры. По положению это вышедшие в отставку по цензу казаки. Все пьяницы, рамолисменты и с солдатами запанибрата. Теперь команда без офицеров, и вследствие этого одна часть ее на стоянке в одном имении надебоширила и разбаловалась. Я теперь хлопочу у Трепова, чтобы разрешил приписать офицеров регулярной кавалерии. Он обещал. Не присоединишься ли Ты к моему ходатайству? После 2 дней в Петербурге пробыл всю

неделю с семьей в Колноберже ввиду мобилизации. Надеюсь в конце сентября съездить еще недели на две.

Поцелуй от меня ручки княгине и поблагодари за милую память.

Крепко Тебя обнимаю и остаюсь всегда Тебе преданный

П. Столыпин

РГАЛИ. Ф. 1335. Оп. 1. Д. 179. Л. 1–2.

РОКОВОЙ ВЫСТРЕЛ. УБИЙСТВО П.А. СТОЛЫПИНА

Протокол допроса Д.Г. Богрова 1 сентября 1911 г.

1911 г., сентября 1 дня в г. Киеве, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Иванов 2), вследствие предложения прокурора Киевской судебной палаты, в порядке 261 ст. Уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованного, который показал: зовут меня Дмитрий Григорьевич Богров, вероисповедания иудейского, от роду 24 года. Звание помощника присяжного поверенного. Проживаю в г. Киеве, Бибиковский бульвар № 4, кв. 7. К делам политического характера не привлекался.

На предложенные вопросы отвечаю: Решив еще задолго до наступления августовских торжеств совершить покушение на жизнь министра внутренних дел Столыпина, я искал способ осуществить это намерение. Так как я не имел возможности

встретиться с министром, я решил обратиться к начальнику охранного отделения Н.Н. Кулябко 3), которому я рассказал, что ко мне обращался некий молодой человек, который готовится совершить покушение на одного из министров и что этот молодой человек проживает у меня на квартире. Кулябко, будучи очень взволнован сообщенными сведениями, поставил наблюдение за моей квартирой для установления личности этого молодого человека. У Кулябко я был, кажется, 27 августа, затем 31 августа и, наконец, встретился с ним в Европейской гостинице 1 сентября в № 14. При свидании с Кулябко в первый раз присутствовал полковник Спиридович 4) и еще один господин (кажется, Веригин 5)). При последнем свидании присутствовал тот же господин.

Конечно, Кулябко вполне искренне считал мои слова истинными. Вследствие этого Кулябко дал мне билет в Купеческое собрание и затем в театр. За билетом в Купеческое я посылал в охранное отделение посыльного, билет ему был выдан в запечатанном конверте с надписью «Для Аленского». Билет в театр был прислан мне на квартиру в 8 часов вечера Кулябко, который меня предупредил по телефону. № билета 406, 18 ряда. Билет передал мне какой-то филер, который знал меня в лицо, как знают меня многие филеры. В Купеческом я пробыл с 8 часов вечера до конца торжеств. Револьвер был со мной. Стоял на аллее, недалеко от малороссийского хора, ближе к входу. Потом переменил место и стоял на пути прохода Государя за хором, приблизительно против ресторана. Имел при себе револьвер. Почему не выполнил свои на-

мерения – не знаю. Еще раз повторяю, что полковник Кулябко не знал о цели моих посещений.

В театр я пришел в $8^1/_4$ вечера, вошел через главный вход, после этого увидел Кулябко, который спросил: «Ну что, ушел ли ваш квартирант?» Я ответил, что он еще у меня на квартире, что он заметил наблюдение и поэтому не выходит. Кулябко предложил мне съездить под каким-нибудь предлогом домой и посмотреть, не собирается ли мой гость уходить; я вышел из театра приблизительно в 8 час. 25 минут вечера, перешел на другую сторону Владимирской ул. и приблизительно через 15 минут вернулся обратно. Вошел я через правый боковой вход, причем неизвестный мне офицер не пропускал меня, так как часть билета была прорвана при первом контроле. Я обратился за помощью к Кулябко, который удостоверил, что я уже был в театре. Тогда меня впустили. Во время первого антракта я не сходил с места. Во время второго я прошел в коридор, где Кулябко сказал мне, что он сильно беспокоится насчет моего квартиранта, и предложил ехать немедленно домой. Я выразил согласие, но повернул в другую сторону и прошел в проход, в котором стоял Столыпин. Подойдя к нему на расстояние 2–3 шагов, я вынул револьвер «браунинг» и произвел два выстрела. После этого повернулся и пошел к выходу, но был задержан.

Револьвер мною приобретен в бытность мою за границей, в Берлине, в магазине на Leipziger Strasse в 1908 г., вместе с револьвером мною были куплены патроны в количестве 50–60 штук. Стрелять мне приходилось мало, в общем стрелял я раз 30, иногда в цель, иногда на воздух.

Все рассказанное мною Кулябко было вымышлено. Никто у меня не останавливался. В первое свидание я рассказал в самом неопределенном виде, что ко мне на дачу, где я жил в течение 2-х недель, приезжал молодой человек по кличке «Николай Яковлевич», с которым я будто бы познакомился в С.-П[етер]б[урге]. Человек этот расспрашивал меня об условиях, в которых будут протекать киевские торжества, и, видимо, интересовался условиями, при которых мог бы иметь место террористический акт. Кулябко спросил у меня приметы этого человека, а также просил сообщить, если будет что-нибудь новое. Между прочим, он указал на пачку билетов, которые лежали у него на столе, и спросил: «А билет на торжества у Вас есть?» Я ответил, что билет мне не надобен, ибо я боюсь афишироваться. При этом разговоре присутствовал Спиридович и Веригин.

Только при следующем разговоре по телефону я попросил билет в Купеческое. Билет мне был дан. После Купеческого я вечером, часов в 11, зашел в охранное отделение; Кулябко уже спал, я написал ему сообщение, что «Николай Яковлевич» приехал ко мне, ночует у меня и завтра намерен встретиться с неизвестной девицей «Ниной Александровной», у которой есть бомба. Все это опять-таки было ложно. Кулябко поставил к моему дому наблюдение для того, чтобы заметить выход «Николая Яковл[евича]» и встречу его с «Ниной Александровной». Во время свидания в Европейской гостинице я напирал на необходимость выделить меня из компании бомбистов и с этой целью просил создать предлог в виде ухода моего в театр. В то же время посещение мною театра давало бы

возможность предупредить покушение тем, что я не дал бы нужного заговорщикам сигнала.

Ни к какой партии я не принадлежу. Имел года три тому назад связи с анархистами, но связи эти безвозвратно порвал. С тех пор я занимался исключительно своим образованием. В январе 1910 г. кончил Киевский университет и в апреле того же года уехал в С.-П[етер]б[ург], где пробыл до ноября 1910 г. Из С.-П[етер]б[урга] я уехал по болезни и в течение 2-х месяцев, январь и февраль 1911 г., пробыл в Ницце, откуда вернулся в Киев. В С.-П[етер]б[урге] я жил по Лиговской ул. в д. № 69, кв. 19 у двоюродного брата Льва Богрова 6), занимался отчасти адвокатурой, отчасти состоял помощником секретаря в Комитете по борьбе с фальсификацией пищевых продуктов при Министерстве торговли и промышленности, где получал 50 руб. в месяц жалованья, судебная практика в мировых учреждениях давала мне 25–30 руб. в месяц и от 75–100 руб. ежемесячно высылал мне отец.

С анархистами я познакомился в 1907 г. в Киеве в университете через студента Татиева под кличкой «Ираклий». В состав группы входили Иуда Гросман 7), Леонид Таратута 8), Петр 9), Кирилл Гродецкий 10) и несколько рабочих-булочников. Состав группы многократно менялся в течение 1908 г., туда вошел целый ряд новых лиц: Сандомирский Герман 11), Филипп 12), Тыш 13), Дубинский 14). Никаких преступных деяний я за все время принадлежности к анархистам не совершал. Примкнул к анархистам и искал связей с ними сначала из-за желания подробнее познакомиться с их уче-

нием, а затем, но очень короткое время, был заражен царившим там боевым духом. Я принимал участие в целом ряде собраний, происходивших на квартирах у членов их, и высказывал мнение свое по разным вопросам. Домов, где были собрания, не помню. В организации с 1908 года не входил, ни в С.-П[е-тер]б[урге], ни за границей. С присяжным поверенным С.Г. Крупновым, помощником которого я состою с марта 1910 г., я раньше знаком не был. Просил же его принять меня в помощники, потому что рассчитывал у него на работу по уголовным делам. Узнал я про то, что в С.-П[етер]б[урге], в Комитете борьбы с фальсификацией имеется вакансия на место помощника секретаря, через родственника своего доктора Семена Леонидовича Рашковича, причем на место был утвержден президиумом Комитета.

С ноября 1905 г. я проживал в Мюнхене и до конца 1906 г. состоял одновременно студентом Мюнхенского и Киевского университетов, причем приезжал в Киев для того, чтобы сдавать экзамены.

Покушение на жизнь Столыпина произведено мною потому, что я считаю его главным виновником наступившей в России реакции, то есть отступления от установившегося в 1905 году порядка: роспуск Госуд[арственной] думы, изменение избирательного закона, притеснение печати, инородцев, игнорирование мнений Гос[ударственной] думы и вообще целый ряд мер, подрывающих интересы народа. С середины 1907 г. я стал давать сведения охранному отделению относительно группы анархистов, с которой имел связи. В ох-

ранном отделении состоял до октября 1910 г., но последние месяцы никаких сведений не давал. В сентябре 1908 г. я предупредил охр[анное] отд[еление] о готовящейся попытке освободить заключенных в тюрьму Тыша и «Филиппа». Необходимо было немедленно принять меры, и я предложил Кулябко арестовать и меня. Я был арестован и содержался в Старокиевском участке 2 недели. В охранном отделении я шел под фамилией «Аленский» и сообщал сведения о всех вышеприведенных лицах, о сходках, о проектах экспроприаций и террористических актов, которые и расстраивались Кулябко. Получая 100–150 руб. в месяц, а иногда единовременно по 50–60 руб., тратил их на жизнь. В 1910 г., в июле или августе, я встретился со Столыпиным при осмотре им с.-п[етер]б[ургского] водопровода. Расстояние между нами было шагов 10–12, но по указанию начальника водопровода я удалился. Был ли у меня при себе револьвер тогда, я не помню, но мысли совершить покушение не было. Никакого определенного плана у меня выработано не было, я только решил использовать всякий случай, который может меня привести на близкое от министра расстояние, именно сегодня, ибо это был последний момент, в который я мог рассчитывать на содействие Кулябко, так как мой обман немедленно должен был обнаружиться.

Настоящее показание написано мною собственноручно.

Дмитрий Богров.

Подполковник Иванов.

При допросе присутствовал товарищ прокурора судебной палаты Царюк.

Предъявленный мне револьвер принадлежит мне (системы браунинг № 239630), он был заряжен восьмью патронами, из коих один был в дуле, а семь в обойме.

Д. Богров.

При допросе присутствовали: товарищ прокурора судебной палаты Царюк и прокурор суда Брандорф)

Подлинный подписал подполковник Иванов.

С подлинным верно: Шредель.

РГВИА. Ф. 1769. Оп. 13. Д. 11. Л. 114–116. Заверенная копия.

Речь председателя Государственной думы, посвященная памяти П.А. Столыпина, произнесенная 15 октября 1911 г.

Господа члены Государственной думы!

В течение перерыва наших занятий совершилось удручающее и беспримерное по своей обстановке злодеяние. В Киеве, 1 сентября, убит председатель Совета министров П.А. Столыпин. Он пал от руки злодея среди блеска киевских торжеств во время пребывания в Киеве Августейших Гостей, едва не в присутствии Его Величества Государя Императора и на глазах Его Августейшей Дочери.

Всем хорошо известно, что П.А. Столыпин с первых же шагов своих на ответственном посту руководителя нашей внутренней политики стал ненавистен тем темным и роковым силам, которые издавна своими безумными выступлениями тормозят спокойное поступательное развитие нашего государственного строя. Убитый министр своей непоколебимой твердостью стоял для них непреодолимым препятствием, и взрыв на Аптекарском острове, унесший столько напрасных и невинных жертв, целый ряд предотвращенных покушений, постоянная опасность осуществления таковых – все это всегда, как дамоклов меч, висело над головой неутомимого стража русской государственности и порядка.

Все эти опасности не смущали самоотверженного государственного деятеля, и он продолжал упорную борьбу, не допуская и мысли об оставлении своего поста в тяжелое для страны время. Судьба, однако, предназначила ему в удел мученический венец, и он окончил дни свои среди тяжких страданий. Когда мысленно возвращаешься к прошлому, к подробностям удавшегося – увы! – на этот раз покушения, к тому особому характеру, который оно носило, то невольно спрашиваешь себя: ужели возможно, чтобы убийство первого слуги государства совершилось там, где, казалось бы, он должен был считать себя в полной безопасности? И если дикая расправа путем террористических актов всегда отвратительна, то теперь, когда ее жертвою стал один из лучших сынов своей родины, оно вызывает справедливое и горячее негодование всей страны. *(Рукоплескания центра и справа.)*

Господа члены Государственной думы! Среди нас в этом зале ярко обозначились политический облик и выдающиеся государственные дарования безвременно погибшего председателя Совета министров Петра Аркадьевича Столыпина. Вся его выдающаяся государственная деятельность проходила здесь перед нами, и почтить его память добрым Еловом – наш нравственный долг. Петр Аркадьевич Столыпин нам, убежденным сторонникам представительного строя, был особенно дорог своей глубокой уверенностью в необходимости его для блага России и искренней верой в его глубокий государственный смысл.

Вспомним также, господа, с каким вниманием и глубоким интересом мы слушали здесь горячие, полные содержания и глубоких государственных мыслей речи убитого ныне председателя Совета министров, как увлекательны бывали его выступления на трибуне Государственной думы. Смело скажу, что в этих речах звучала такая сила убеждения, так чувствовалось в них страстное желание блага родине, что они невольно подкупали своей искренностью и нередко захватывали всех нас. *(Голоса: «Верно».)*

Мы все хорошо знаем, что лично для себя усопший министр никогда ничего не искал, что стремление к личной выгоде было совершенно чуждо его честной неподкупной душе *(голоса справа: «Верно»)*, что этот рыцарь без страха и упрека жил лишь стремлением ко благу родины так, как он понимал его своей глубоко русской душой. Его неусыпной заботой было неуклонное, хотя осторожное и осмотрительное, движение вперед по пути развития полити-

ческой и общественной жизни в России. И если не все одинаково с ним оценивали эти пути, то чистота его побуждений и нравственная, как и политическая его незапятнанность признаются решительно всеми, не исключая его политических противников. Прямой по характеру и чуждый извилистых путей, П.А. Столыпин был воплощенное сознание своего долга перед родиной и никогда не уклонялся от ответственности за свои действия. Всей своей сильной, крепкой душой и могучим разумом он верил в мощь России, всем существом своим верил в ее великое, светлое будущее. Вне этой веры он не понимал государственной работы и не мог признать ее значения. Он разбудил дремавшее национальное чувство, осмыслил его и одухотворил.

Верный и преданный слуга своего Государя, усопший председатель Совета министров беззаветно трудился к возвеличению и славе Престола, отдавая этому служению все свои силы и помыслы. Захватывают душу его последние минуты: «Я рад умереть за Царя», – говорил он, и охваченный уже объятием смерти, но забывая о себе, полный лишь заботы о безопасности своего Государя, он как бы предохранял Его последним движением руки.

Господа члены Государственной думы! В лице злодейски убитого П.А. Столыпина угас великий русский гражданин, угас крупный русский государственный ум, покинул нас твердый и опытный государственный зодчий. Да не угаснет память о нем и да будет его служение Царю и Отечеству, увенчанное мученическим венцом, примером доблестного исполнения своего долга грядущим поколениям.

Я предлагаю Государственной думе отслужить панихиду по усопшем председателе Совета министров П.А. Столыпине, послать сочувственную телеграмму неутешной его вдове и почтить память его вставанием. *(Все встают.)* Я прошу господ членов Государственной думы пожаловать в церковь для выслушания панихиды.

Речь председателя Государственного совета, посвященная памяти П.А. Столыпина, произнесенная 15 октября 1911 г.

Террор не оставляет нашего отечества в покое. Россия снова потрясена прискорбным событием. 1 минувшего сентября в Киевском театре, в антракте торжественного представления, еврей Богров произвел два выстрела в статс-секретаря П.А. Столыпина, который от полученных им ран 5 сентября скончался. Это прискорбное событие усугубляется тем, что преступление совершено в присутствии Государя Императора. Не дело, конечно, Государственного совета обсуждать в настоящее время вопрос, каким образом мог вооруженный анархист получить свободный доступ на торжественное представление Киевского театра, когда, задолго до этого, в этом театре ожидалось присутствие Царской Семьи. Нам остается только осенить себя крестным знамением и благодарить Всевышнего за сохранение драгоценной жизни нашего возлюбленного Монарха.

Теперь не время также входить в оценку общей внутренней государственной политики почившего

председателя Совета министров и министра внутренних дел, тем более что среди господ членов Государственного совета – это ни для кого не тайна – по этому предмету существуют различные мнения, но я считаю себя обязанным остановить внимание Высокого собрания на тех личных качествах нашего бывшего сочлена статс-секретаря П.А. Столыпина и той деятельности его, которые не могут возбудить сомнений. В лице его Россия лишилась благороднейшего, честнейшего человека, горячо любившего свое отечество. Все, что, по его мнению, могло служить к развитию сил России, укреплению и возвеличению ее, воспринималось им с увлечением и тотчас же проводилось в жизнь.

Все мы слышали или читали его твердые, сильные, полные искренности речи в Государственной думе второго созыва, которыми он призывал ее приступить к спокойному законодательству на пользу России. Потом, когда Государь Император, сознав всю невозможность иметь своей сотрудницей явно революционную Думу, приказал разработать проект изменений избирательного закона и затем утвердил представленный проект, П.А. Столыпин приложил много труда для совместной работы с Государственной думой третьего созыва, и благодаря его усилиям наши законодательные собрания стали исполнять свое назначение.

Наконец, нельзя забывать той крайне трудной, тяжелой, а подчас даже ужасной обстановки, при которой в 1906 г. началась деятельность почившего. 8 июля он был назначен председателем Совета министров, а вслед за тем злодеи анархисты взорвали дачу его на Аптекарском острове и оставили

там целое кладбище убитых и изувеченных невинных жертв. В числе пострадавших были и дети почившего. Тем не менее, невзирая на вызванные этим зверским преступлением ужас и горе, Петр Аркадьевич не дрогнул. Он твердо, со свойственным ему мужеством, в течение пяти лет оставался на вверенном ему посту, пока предательская пуля презренного злодея не прекратила его жизни. Вот, господа, в общих чертах те качества и те дела статс-секретаря П.А. Столыпина, за которые Россия сохранит о нем благодарную память.

Содержание

ХРОНИКА ЖИЗНИ П.А. СТОЛЫПИНА 3
КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ,
АФОРИЗМЫ И ЦИТАТЫ
П.А. СТОЛЫПИНА 8
ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ П.А. СТОЛЫПИНА,
НЕКРОЛОГ, ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В ГАЗЕТЕ «НОВОЕ ВРЕМЯ»
6 СЕНТЯБРЯ 1911 Г. 16
П.А. СТОЛЫПИН
ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ 21
Воспоминания С.И. Тимашева 21
Воспоминания военного министра
А.Ф. Редигера 22
Воспоминания графа А.А. Бобринского 22
Воспоминания великого князя
Александра Михайловича 22
Собственные слова
Петра Аркадьевича Столыпина,
написанные им 20 сентября 1909 г. 23
А.В. Оболенский «Имя П.А. Столыпина
принадлежит истории и сердцу народному» 23
И.Д. Сытин. Встреча со Столыпиным 30
С.И. Шидловский «Убежденный государственник» .34

РЕЧИ П.А. СТОЛЫПИНА, ПРОИЗНЕСЕННЫЕ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ И ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ

П.А. Столыпин и Государственная дума
(Опубликована в газете «Новое время»
6 сентября 1911 г.) 47
Ответ на запрос Государственной думы
об оказании помощи голодающим,
данный 12 июня 1906 г. 56
Ответ на вопрос, касающийся
члена Государственной думы Седельникова,
данный 22 июня 1906 г. 64
Первое выступление П.А. Столыпина
во Второй Государственной думе
в качестве председателя Совета министров
6 марта 1907 г. 66
Разъяснение П.А. Столыпина,
сделанное после думских прений,
6 марта 1907 г. 85
Заявление П.А. Столыпина
в связи с производством выборов
во Вторую Государственную думу 88
Объяснения, касающиеся
продовольственного дела,
данные Государственной думе
9 марта 1907 г. 92
Речь о временных законах, изданных в период между
Первой и Второй думами,
произнесенная в Государственной думе
13 марта 1907 г. 94
Речь в защиту государственной росписи
доходов и расходов, произнесенная
в Государственной думе 20 марта 1907 г. 101

Речь об устройстве быта крестьян
и о праве собственности, произнесенная
в Государственной думе 10 мая 1907 г. 104
Заявление, сделанное 1 июня 1907 г.
в закрытом заседании Государственной думы 122
Первая речь П.А. Столыпина
в Третьей Государственной думе,
произнесенная 16 ноября 1907 г. 123
Речь П.А. Столыпина, произнесенная
в Государственной думе 16 ноября 1907 г.
в ответ на выступление члена
Государственной думы В. Маклакова 130
Речь о сооружении Амурской железной
дороги, произнесенная в Государственной
думе 31 марта 1908 г. 139
Речь о Финляндии, произнесенная
в вечернем заседании Государственной думы
5 мая 1908 г. 156
Речь о постройке Амурской железной дороги,
произнесенная в Государственном совете
31 мая 1908 г. 187
Речь о земельном законопроекте
и землеустройстве крестьян, произнесенная
в Государственной думе 5 декабря 1908 г. 199
Речь по поводу закона о выборах членов
Государственного совета от девяти западных
губерний, произнесенная 8 мая 1909 г. 206
Речь о порядке выборов членов
Государственного совета от девяти западных губерний,
произнесенная в Государственной думе
30 мая 1909 г. 207
Речь о праве крестьян выходить из общины,
произнесенная в Государственном совете
15 марта 1910 г. 217

Речь о крестьянской семейной собственности, произнесенная в Государственном совете 26 марта 1910 г. 229
Дополнение, сделанное по поводу речи А. С. Стишинского, произнесенной в Государственном совете 26 марта 1910 г. 237
Замечание по поводу поправки к закону от 9 ноября, сделанное в Государственном совете 27 марта 1910 г. 238
Дополнение в связи с выступлениями в Государственном совете В. П. Энгельгардта и Н. А. Хвостова, сделанное 27 марта 1910 г. 239
Речь о Финляндии, произнесенная в Государственной думе 21 мая 1910 г. 240
Последняя публичная речь Столыпина, произнесенная 27 апреля 1911 г. в ответ на запрос Государственной думы 266

ДОКЛАДЫ. ЗАПИСКИ. ЦИРКУЛЯРЫ

Об экспорте в Германию живого скота и мяса в связи с положением ветеринарного дела в губернии 2 марта 1901 г. 287
Всеподданнейший отчет Саратовского губернатора, 1903 г. 297

ПЕРЕПИСКА П.А. СТОЛЫПИНА

Письма П.А. Столыпина Николаю II 315
Десять писем Николаю II, по преимуществу посвященных обсуждению финляндского вопроса 337

Переписка П.А. Столыпина с политическими
и общественными деятелями 350
Письма П.А. Столыпина жене О.Б. Столыпиной ...381
Письма П.А. Столыпина к друзьям 392
РОКОВОЙ ВЫСТРЕЛ.
УБИЙСТВО П.А. СТОЛЫПИНА 396
Протокол допроса Д.Г. Богрова 1 сентября 1911 г. ...396
Речь председателя Государственной думы,
посвященная памяти П.А. Столыпина,
произнесенная 15 октября 1911 г. 403
Речь председателя Государственного совета,
посвященная памяти П.А. Столыпина,
произнесенная 15 октября 1911 г. 407

Историческая библиотека

П.А. Столыпин
Нам нужна великая Россия.
Самые знаменитые речи и письма

Ведущий редактор: А.В. Бутурова
Корректор: И.Н. Мокина
Технический редактор: Т.П. Тимошина
Компьютерная верстка Н.Н. Пуненковой

Подписано в печать 24.04.13. Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 21,84
Тираж 2000 экз. Заказ №1015.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
127006, г. Москва, ул. Садовая-Триумфальная,
д. 16, стр. 3, пом. 1, ком. 3

Отпечатано в ОАО «ИПП «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

ИГ АСТ представляет Книги серии «Кумиры. Истории великой любви»

Андрей Шляхов

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ЖЕНА. СМЕШНОЙ СТАРИК СО СТРАННЫМИ МЫСЛЯМИ

«Я и жена, которую я люблю так, как никто никогда никого не любил на свете. ...Но я все знаю, и крепко обнимаю ее, и крепко и нежно целую ее прелестные глаза, стыдливо краснеющие щеки и улыбающиеся румяные губы...» Так говорил о Софье Андреевне Лев Николаевич Толстой. Вот только абсолютно счастливый человек не смог бы написать самую гениальную фразу о несчастных семьях. Таинственная, даже отчасти пугающая личность Толстого притягивала и будет притягивать и писателей, и читателей. Однако акцентируя внимания на последних годах жизни классика, на его странном побеге, не стоит забывать, что юность и зрелость Толстого, его личная жизнь куда как более непонятны и противоречивы. Новая книга известного писателя Андрея Шляхова о великом Льве Николаевиче и его на первый взгляд скромной и тихой супруге.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Потомок старинного дворянского рода Петр Аркадьевич Столыпин — один из самых ярких и противоречивых политических деятелей в истории России. В этой книге собраны его лучшие речи, письма и воспоминания современников, которые рисуют объективный портрет одного из самых популярных политиков современности.

«В политике нет мести, но есть последствия».
«Вам, господа, нужны великие потрясения;
нам нужна великая Россия».
«Для лиц, стоящих у власти, нет греха большего,
чем малодушное уклонение от ответственности».

www.ast.ru
www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-079376-1

